

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

№1 (11)

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. Басков (*г. Надым*),
Т. Исламова,
Н. Коняев (*г. Ханты-Мансийск*),
Г. Куцев, Ю. Мандрика
(*главный редактор*),
А. Омельчук, С. Пархимович,
А. Петрушин, В. Рогачев,
С. Сарычев, С. Туров

Сдано в набор 10.01.2000.
Подписано в печать 04.04.2000.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №1440.

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень,
а/я 501.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Тел. (345-2) 25-12-84

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУП «Заурал-Пресс».
640627, г.Курган, ул.К. Маркса, 106.

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

Е. Ганопольская. Возвращаюсь к себе 3

ПРОЗА

М. Знаменский. Пятидесятые годы в Тобольске 7

Н. Горбачева. Возвращение Михаила Знаменского 45

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Рогачев. Вече Вячеслава 52

В. Макаров. Грезы о земле и небе 55

КРАЕВЕДЕНИЕ

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

И. Завалишин. Путевые заметки (Тобольская губерния) 58

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. Мост на Стриковской 94

В. Чупин. А был ли Яша Шайчик? 104

В. Копылов. Суконные мануфактуры
Ядрышниковой и Андреевых 115

ПО ДРЕВНИМ ГОРОДАМ

А. Болотова. К вопросу об истории училища для девиц
в Ялуторовске 126

С. Туров. Материалы к истории Ялуторовского острога 135

СООБЩЕНИЯ

В. Ефремов. Загадка клейма «Sibir» 146

А. Чернышов. Совесть святой России 149

И. Ермаков. «Стратеги» Богандинки 156

В. Ефремов. Краеведческие мелочи 157

ИСКУССТВО

ВЫСТАВКИ

М. Косплова. Русская удаль Юрия Акишева 141

TRIVIA (мелочи)

Я И ВЕЛИКИЕ

Из серии «Почти анекдот» 159

Елизавета Михайловна Ганопольская родилась в 1969 г. Закончила Литературный институт им.Горького (семинар Ю.Левитанского). Работала в редакциях тюменских газет. Сейчас преподает в Тюменском госуниверситете на кафедре журналистики.

Стихи публиковались в сборниках и периодических изданиях. Дебютировала в 1987 г.

Возвращаюсь к себе

* * *

Масляной краской
пахнуло знакомо...
Век не забуду казенного дома.
Хлорки его и молочного супа —
сад №70, младшая группа.
Запах тоски.
Самый будничным запах —
кислой капусты,
застиранных тряпок.
Прочно впитала я порами всеми
душное детство,
вонючее время.

Память не справишь
узdeckой и шпорой,
прянет —
и я потеряю опору.
И понесет на волне аромата
в бывшее где-то
со мною когда-то.

...дунет в лицо
холодок минеральный —
я в вавилон
окунаюсь вокзальный,
гул голосов, громыханье тележек,
сонмище лиц
и рубашек несвежих.

Что меня держит? Я тоже уеду!
К морю!
В Париж!
На другую планету!

...жареным луком
из форточки тянет.
В гости мне хочется к Вале и Ане;
в дом, где мы жили;
где двор тополиный;
день до неправдоподобия
длинный.

...мокрыми соснами
ветер повеет —
и комсомолец, что нынче говеет,
первой любовью,
дождливой весной
все заслонит,
что случилось со мною.

Весен пятнадцать назад это было:
я между сосен
бесцельно бродила —

шорох дождя,
гром глухой в отдаленье,
старой беседки сквозное плетенье,
и — никого.
Одинокое счастье.

Всепоглощающий запах
ненастья.

* * *

Давно я ушла,
а теперь возвращаюсь.
К себе.
Шагаю легко
по истоптанной мною
тропе.
Чем ближе к себе,
тем быстрее иду,
тороплюсь.
И плачу дорогой.
А может, не плачу —
смеюсь.
Ведь это смешно:
уходила к себе от себя
и вот возвращаюсь.
Как прежде, себя не любя.
Ведь это печально.
Мой дом,
мой запущенный сад...
От дома сквозь сад
манит та же тропинка.
Назад.

* * *

Актовый зал весны
пуст и гол.
Стулья не внесены,
не зашаркан пол.
Хочешь — кричи, пой,
греми, стучи!
Зал этот нынче твой,
у тебя ключи.
Воздух до боли чист.

Ясен до слез свет.
Ты гениальный артист!
Жаль, зрителей нет.
Грудь пе-ре-пол-не-на
миром людей и зверей,
лесов и полей,
рек и морей,
вселенной всей!
Звонко хохочет весна
над шуткой своей.

* * *

Ломая шпингалеты,
влетает в кабинеты,
срывает двери с петель
веселый вольный ветер.
Да здравствует уборка
и въедливая хлорка!
Напористо и бодро
вода бренчит по ведрам,
позвякивают швабры,
бросаясь на пол храбро,
пищат под губкой стены,
повсюду — клочья пены.
По коридорам школьным
гуляет ветер вольный.
Лучи на стеклах чистых
разучивают твисты.
А двери и фрамуги
танцуют буги-вуги.

* * *

Ее не звали —
сама пришла.
И так некстати!
У всех дела.
Любовь ей имя
или весна...
Да как ни звали бы —
не звана!
Как бы ни звали:
икс, игрек, зет —
здесь все при деле.

Ей дела нет!
Она мешает.
Смущают всех
ее колени
и громкий смех,
здесь неуместен
ее наряд,
и слишком ярко
глаза блестят.
Тревожит запах
ее духов,
и в жар бросает
от глухих слов.
Еще не легче,
когда молчит,
и слышно:
сердце ее стучит.

* * *

Дни пустые,
точно запятые
вместо энергичного тире.
Все подруги — дамы занятые,
в пиджаках, со стрижками каре.
Их-то день заполнен до предела,
ночь — как реактивный самолет.
Только я одна сижу без дела
и скучаю ночи напролет.
Мне дают советы из журналов,
ищут мне работу по душе.
Мне звонят:
«Как?! Ты еще не встала?
Да ведь вечер близится уже!»
Я устала.
Или я отстала.
Или еду в сторону не ту.
Дети, деньги, телесериалы —
что мою заполнит пустоту?
Библия? Коран? Бхагавад-гита?
Секс? Вино? Вязание крючком?
Интернет?
Входите! Дверь открыта.
Это дверь со сломанным замком.

...Я лечу походкою упругой,
всюду ждут —
но всюду не поспеть.
Выкроить бы час
на чай с подругой...
Завтра — старость.
Послезавтра — смерть.

* * *

Дом усеян моими труппами,
в одиночку лежат и группами.
Всюду — дохлыми тараканами,
всюду — тварями нежеланными.

Но опять я в живых
размножилась,
обновилась я, обнадежилась.
Просочилась, судьбой довольная,
в дом другой
сквозь ушко игольное.

Стала милою и желанною,
всюду званною, всюду жданною.
Пусть я в том же
осталась облик —
я в любви,
как в душистом облаке.

Путь обратно метлою выметен.

Вы обратно меня не выманите!

* * *

Стихи никому не нужны.
Никто никому не нужен.
Но вновь наступленьем весны
ты смят и обезоружен,
и нечем, кроме стихов,
от этой весны укрыться,
пока не свернулась кровь,
сквозь корку пока сочится.
Нигде никогда никто
не станет тебе защитой —

лишь старое решето
поэмы твоей побитой.
Словесная кисея,
моток стихоплетных кружев
и прочий запас старья
бинтами еще послужат.
Терпи. Отгремит весна,
откатит ее лавина,
тебе воздадут сполна
или хотя б вполвину.
Терпи, и снесут в музей
стихи до последней строчки —
свидетельства жизни твоей,
промученной в одиночке.
Уже и тебе не нужны,
лягут в витрину пылиться.
И каждому будут видны.
И нечем им будет прикрыться.

* * *

Воздух тихого города,
предвесеннего вечера,

после долгого холода,
понедельника вечного.
Легче легкого дышится,
невесомо шагается —
только темная жижица
из-под ног разлетается.
Воздух тихого города,
он из бывшего времени:
с колокольнями гордыми,
вековыми деревьями.
Он из времени прошлого:
дом с казенной лепниною,
над рассыпанным крошечком
воркотня голубиная.
Он из времени раннего,
из дворов неразбуженных,
где-нибудь на окраине
невзначай обнаруженных.
Он из детства прилежного,
молчаливая тень его —
чистый воздух неспешного
воскресенья весеннего.

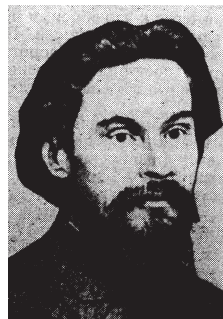
1999-2000 гг.

Михаил Степанович Знаменский [14 (26).5.1833, г. Курган Тобольской губ. — 3(15).3.1892, г. Тобольск], художник, мемуарист, краевед. Учился в Петербургской образцовой духовной семинарии, где были классы рисования. Служил учителем рисования в Тобольской духовной семинарии. Сотрудничал с журналами «Искра», «Маляр», где опубликовал несколько сотен карикатур.

Автор мемуарных повестей о детстве, проведенном среди декабристов («Исчезнувшие люди» и «Тобольск в 40-х годах»), а также популярных очерков по истории края («Искер», «Чувацкий мыс» и др.).

Наиболее полно представлено творчество М. Знаменского в книге «Исторические окрестности города Тобольска», появившейся в свет в тюменском издательстве «СофтДизайн» в 1997 г.

Пятидесятые годы в Тобольске*

Глава 1

В антрактах между лекциями я дозубривал какой-то урок, как ко мне подсел Калистов.

— Знаешь, что у меня Пушкин** был?

— Да, он хотел захватить.

— Ну, я их считал какими-то особенными людьми, а он как все, или, впрочем, нет, он

не походил на всех, знаешь ли, я вот с ним разговаривал.

— А с другими ты не разговариваешь?

— Ах ты, лукошко! Да пойми, я с ним говорил, как вот с тобой говорю.

* Печатается по рукописи, хранящейся в РГАЛИ. — Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 83.

На последней странице рукописи значится: «Переписано рукой племянницы автора Л.Н. Знаменской».

Первые две страницы рукописи плохо сохранились, по этой причине печатаются по иному списку, хранящемуся также в РГАЛИ. — Ф. 765. Оп. 1. Ед. хр. 26. Рядом с заглавием «Пятидесятые годы в Тобольске» значится «Авторграф М.С. Знаменского, сотрудника «Искры»».

Повесть «Пятидесятые годы в Тобольске» публикуется впервые.

** Имена реальных исторических лиц употребляются в соответствии с правкой, произведенной карандашом в рукописи. — *Прим. Н. Горбачевой, подготовившей рукопись к печати.*

— И лукошком его называл?

— Ну, — и Калистов встал и пошел на свое место, но с половины дороги воротился и снова сел на мою скамью.

— Нет, вот в чем штука-ция-то, — говорил озабоченно Калистов, — он велел мне завтра к нему прийти, хотел познакомиться с живописцем Барашковым, у которого я буду учиться рисовать, так пойдем вместе, одному как-то... С тобой лучше.

Я дал слово, и Калистов повеселел.

— А знаешь, когда Пушкин ушел, меня хозяйка раза два Василием Васильевичем назвала, а сегодня утром лепешку испекла, вот как Ну так придешь?

— Приду.

И, условившись о часе нашего визита к Пушкину, мы разошлись.

На другой день, в четвертом часу вечера, я зашел к Калистovu и застал его в глубоком размышлении над тремя манишками, лежавшими на столе: одна из них имела круглые воротнички, другая с длиннейшими в виде жала, а третья — какие-то затейливые нашивки на груди.

— Послушай, — встретил он меня, — я не заметил, они там какие манишки носят?

Я понимал, кто это они, и отвечал, что они манишек совсем не носят.

— Это хорошо, да как же без манишки?

— Что это вы парня-то с толку сбиваете?

Я хотел было поддержать первое свое сообщение, но хозяйка продолжала:

— Слава Богу, я тоже хороших людей видала, вот год целый

От издателя. Публикация архивной рукописи Михаила Знаменского — это начало акции журнала, которая именуется «Реституция невозвращенных ценностей». Цель ее — вернуть тюменскому читателю, хотя бы в копиях или публикациях, материалы местных музеев, которые были в свое время вывезены в центр, чаще в Москву.

В двадцатые годы, когда тобольский журнал «Наш край» публиковал повесть М. Знаменского «Тобольск в сороковых годах», рукопись ее находилась в местном музее. Сегодня ей, как и множеству других материалов, кто-то помог перебраться в столицу, в РГАЛИ. Этот кто-то — этнограф И.С. Абрамов, продавший часть своей коллекции архивам и в частные руки. Недавно, во время празднования 100-летия со дня рождения Павла Ивановича Рошевского, редакцию журнала «Лукич» посетили Лариса Павловна и Михаил Павлович Рошевские. Они попросили помощи в изыскании средств для издания дневника Михаила Знаменского, который в свое время покойный купил у И.С. Абрамова. Другая часть дневника была переписана Л. Рошевской в Пушкинском доме (кстати, информации о существовании такого дневника нет в биографическом словаре «Русские писатели: 1800—1917». Т. 1. М., 1992. С.346—357). Судя по этому факту, акция может прояснить очень много интересных фактов, неизвестных доселе широкому читателю края.

на заседателя стирала, и всегда у него манишка. — И она авторитетно ушла в свою берлогу.

Надев свою с круглыми воротничками манишку и пригладив с излишком непокорные свои космы, Калистов был готов. Быстрыми шагами, едва успевая, следовал я за Калистовым по разным переулкам и закоулкам города, но лишь только вступили на Архангельскую улицу и на углу показался дом Свистунова, как я, не умеривши шага, быстро очутился впереди своего друга, который при виде большого дома спасовал и объявил, чтобы я шел один, а он завернет к Пушкину завтра.

— Да ведь он сегодня просил тебя, там теперь, вероятно, и Барашков сидит, ждут тебя, а не завтра.

Мои убеждения подействовали, и мы двинулись вперед, хоть не с прежней стремительностью храбрых воинов, идущих

на штурм неприятельского бастиона, а на манер двух очень солидных господ, делающих солицион после солидного обеда.

Из окон свистуновского дома несутся звуки рояля и скрипки. Калистов при музыкальных звуках объявляет мне решительно, что завтрашний день более удобен для его визита, так как Павлу Сергеевичу теперь решительно некогда.

— Сам ты слышишь, там музыка играет, а тут мы вдруг мешать ему придем.

— Играют не у него, у Свистунова, он ведь сам велел, Барашков ждет.

«Маляр» — еженедельный юмористический журнал, выходящий в Санкт-Петербурге в 1871—1878 гг.

Карикатуры М. Знаменского, которые помещены по ходу публикации, взяты из выше-названного журнала. К самой повести никакого отношения не имеют, но публикуются с одной целью: познакомить читателя с творчеством карикатуриста.

— Мало ли чего велел, да ведь слышишь?

Я снова осыпал его своими аргументами, и они ли действовали на Калистова, или на него вдруг нашла отчаянная храбрость и решимость покончить все одним разом: дескать, двух смертей не будет, одной не миновать, только он порывисто ринулся на крыльцо и стал ломиться в запертую дверь. Убедив его оставить бесполезную трату сил и ознакомив его с употреблением звонка, я дернул за ручку колокольчика, звук которого всегда до старости отдается эхом совести за то, что приходится беспокоить сладкий сон лакеев на барских шубах и накидках разного рода. Лишь только человек Свистунова снял крючок и приотворил дверь, как и был озадачен порывистым прыжком краснощекого, курчавого и могучего малого, бросившегося на него с единственной целью — схватить и потрясти его руку с тою энергиею, с какою пожимают ее у давно не виданного друга.

Успокоив выпучившего на нас глаза лакея сообщением, что мы, собственно, к Павлу Сергеевичу, я направил шаги Калистова в гомеопатическую комнату Пушкина. Здесь Калистов с непростывшей энергией одной рукой вытирал со лба пот, а другой потрясал руки хозяину, артисту Барашкову и трущемуся около стола мало-

летнему отпрыску Барашковского рода.

Добродушная приветливость и ласковое обращение хозяина скоро привели Калистова в нормальное состояние его духа, и он принялся всматриваться во все и во всех, очевидно, с целью изобразить все это впоследствии на бумаге.

— Вот это, — обратился Павел Сергеевич к Калистову, — Иов Ионович Барашков, наш почтенный живописец, он согласен вас учить, мы уже с ним об этом переговорили, вы выберите свободных дня три в неделю и ходите к нему. — Калистов начал что-то бормотать, но Павел Сергеевич взял его за руку, пожал ее, и тем положил конец его несвязным благодарностям. — Великое это диво, — обратился к новопосвященному артисту Иов Ионович с поучением, — да, это великое диво! Вот, даст Господь, будете потом изображать лики Божии, Угодников Его Усовершенствуетесь. Да, вам подобает расти, а нам малитися. Главное, чистота душевная тут нужна, ну и старание, а паче всего молитва. — Голос Барашкова делался с каждым словом таинственнее, и Калистов, заподозрив, что этот подбор хороших слов не что иное, как приступ к сообщению первого урока, наострил свои уши. — Да, — продолжал между тем Барашков, — сам только этими путями и достиг всего; не горжусь, не хвалюсь, а милость

Божья не оставляет. Многого нет, во многом скудость ощущаю, но кусок хлеба имею, и за то слава и благодарение Всемилосердному

Павел Сергеевич отвлек глаза и внимание Калистова от суженого наставника артиста, предложив нам на рассмотрение французскую иллюстрацию и обратив его внимание на происхождения Гриптогама, как произведение, подходящее к жанру калистовского таланта.

В то время, как Калистов восхищался карикатурами и слушал мой не совсем-то безукоризненный перевод подписей под рисунками, Барашков, прибавив к своему таинственному тону медоточивого уважения, обратился к хозяину и продолжал свою речь:

— А все Бог! Все Бог! Без Его воли и влас с головы нашей не упадет, хоть и тернистый наш ремесленный путь: вот, хоть мое последнее дело, не изволили слышать? — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Помолясь Всемилосердному, я решил, что будешь делать, заявиться самому к Владыке и объяснить ему все дело. Прихожу: письмоводитель, приказ этакая, выскакивает и на меня устремляется. Я с христианским терпением перенес все это и обращаюсь к келейнику: — Доложите Не соглашается, что будешь делать? Возложив упование на Господа, я пошел без доклада Ваня, не балуй,

— прерывает свой рассказ Барашков и оттягивает за рукав своего сынка от стола, где тот усиливался, подсунув стаместку под стеклянный колпак, прикрывавший разобранный механизм часов, попробовать кувыркнуть эту стеклянную чашку со стола

— Ну-с, и пошел сам; только этот приказа выскакивает опять, и когда по христианской бы любви он должен, так сказать, друг друга обнимать, он меня линейкой этак в грудь. Ты, говорит, пьян, еще украдешь что-нибудь! Сердце мое кровью облилось. Владыко Небесный! — воззвал я: — Ты зришь и смирение мое и труд мой. Мнози восстают Мнози глаголют лжу Ваня, оставь, — и он выдернул из рук детища блестящую стаместку, при помощи которой этот остроумный мальчик, пользуясь последними лучами заходящего солнца, производил так называемых зайчиков, скользивших по потолку и окончательно избравших своим местопребыванием нос его благочестивого родителя, от чего лик Барашкова сделался еще благочестивее, так сказать, просветленнее.

— Тятя, пойдем домой, — пищит гениальный Ваня, недовольный постоянными остановками в своей изобретательной деятельности.

— Сейчас, Вань, сейчас!.. И во время этой внутренней моей молитвы выходит Владыка. Я

ему сейчас в ноги и говорю о своем деле. Ты пьян? — говорит Владыка. — Нет, говорю, Высокопреосвященнейший Владыко, не пьян я и не пью, а раны Господа на себе ношу.

— Тять, домой!

— Сейчас, Ваня, сейчас! Раны на себе ношу: когда я сказал это, Владыка посмотрел на меня эдак испытующим оком, но довольно благосклонно. Ну, а дальше, говорит, что?.. Да видно, все это так уж Господу угодно, — ускорил он темп своей речи, барахтаясь с тянущим его младенцем. — Он, видно, все это так ко благу устроил; может, мне и жить-то недолго остается, потому самому мне Эрдель и не дается. Я не ропщу. Вот и нынче по вашему совету мушку себе на грудь поставил, а она ночью скатилась, да в пах попала, — три дня до ветру не ходил. Нет, видно, уже все идет к тому, что мне умирать надо. Сейчас, Вань Я не ропщу, за подрядом этим не гонюсь, есть кусок черствого хлеба, и слава Тебе, Господи. Что делать, пусть завистники мои наживаются, но пусть они мне убытки только заплатят, рублей хоть 500. Я ведь тоже лесу закупил, работника принанял, и хороший работник, только вот нравственность-то

— Домой, домой! — вопиет детище.

— Так в какие дни вы свободны? — спрашивает Павел Сергеевич Калистова.

Калистов свободен после обеда в четверг, субботу и во все праздники. Так и порешили, что в эти дни Калистов будет посещать мастерскую Барашкова.

Дома через два от свистуновского был маленький с улицы домик Барашкова. Наш Тобольск, не заботящийся о сохранении исторических памятников, дозволил в настоящие годы уничтожить эту мастерскую, и на этом месте сегодня двухэтажный дом еврея.

Калистов с нетерпением ждал первого дня, чтобы вступить под кров назидательного артиста; дождался и неуклонно стал посещать его и в ясные дни отживающей осени, и в хмурые, снеговые начинающей зимы, и в трескучие зимние морозы. Приходил и забирался в отведенный ему уголок.

Неприглядна мастерская Иова Ионыча, особенно в мрачную погоду: несмотря на три больших, от полу до потолка, окна, скупо пробивается в нее свет и лениво ползет по мастерской, развлекаясь на каждом шагу попадающимися ему предметами: прежде всего сурово останавливается он на трех суровых профилях, сидящих и работающих за мольбертами у окон — это три его подмастерья; робко и полсаами, словно боясь мрака, царящего в углах мастерской, ползет свет дальше, задевая углом то окровавленную голову в терновом венце, то голову на блюде, на-

полненном розовою кровью, и останавливается на большом, в натуральную величину, распятии. Далее свет нейдет, и в полумраке, словно осужденный грешник, бледнолицый мальчик, обливаясь потом, трет на плите розовую краску, имеющую служить кровью при изображении разных мученических подвигов. По соседству с ним топится плита, и, как зубы грешников, неумолимо щелкает припершая ее заслонка, и, как адская смола, бурлит варящаяся на ней олифа. Сильный, невыносимый для привычного носа запах постного масла переносит воображение посетителя ко дням великого поста, ко дням покаяния и сокрушения о грехах своих.

Тихо, боясь что-либо задеть и кому-нибудь помешать, пробирается по этой мастерской Калистов к трем ступенькам, ведущим сквозь маленькую и узенькую дверь собственно в домик Барашкова. Домик этот перегороджен на две крохотные комнатки: в одной, по-

больше, сидит за мольбертом сам хозяин с палитрой и в халате, обратившемся от времени тоже в палитру, в другой за прямой сидит его мать. Эти два лица были поразительно похожи друг на друга. Природа, по уверению Калистова, рисовала их с одного оригинала со стекла, а затем, чтобы не смешать их, одела одну в женскую юбку и головной платок, а другого в палитрообразный халат. Сняв свою шубу и поздоровавшись, Калистов помещался также за мольберт. Прерванная его приходом беседа двойников возобновляется, и говор и интонация их речи до того похожи между собою, что стоящий за дверями никак бы не подумал, что это родственная беседа двух лиц, а принял бы ее за чтение псалтиря над телом новопреставившегося.

— Я не замолчу, — говорит мать, — а говорю и буду гово-

Мать: Я удивляюсь, отчего ты отказала Ромулу Августовичу? Он такой прекрасный человек.

Дочь: Мне быть женой человека, который не знает основательно латинского языка!!! Клянусь Юпитером, я не понимаю, чему его и учили.

(Маляр. 1874. №5. С. 4)

речь, что ты издохнешь над деньгами, все твои капиталы прахом пойдут, потому что ты мать свою

— О, мать моя, — подхватывает Барашков, — я никогда не забуду, что ты в муках породила меня, но с кротостью и терпением, как наложенный крест, понесу клевету твою, уповая на Милосердаго, что он зрит всю нищету мою, и если я имею еще корку черствого хлеба, то единственно по милости Милосердаго. Замолчи же, мать моя, не срами напраслиной сына своего.

— Не замолчу, скаред проклятый, хоть бы ты Бога-то не обманывал, да ты и Бога обманешь. Вот погоди, если не издохнешь, то ограбят тебя, ограбят.

Чтение псалтиря на секунду замолкает, потому что Иов Ионыч не может захватить дрожащей в его руке кистью нужную ему краску, но вот он со владыка с непослушной кистью, и чтение возобновилось:

— Пусть придут злодеи, пусть перероют все, пусть ищут несуществующего тленного богатства. Нет! Не найдут они того, чего нет. Пусть же потом перероют его внутренности, там они найдут только его сердце, наполненное надеждою на Того, Кто не даст ему умереть с голоду, а даст терпение слушать лжу на него, даст кротость, с которою он не перестанет умолять мать свою: да не сквернит она ложью уст своих.

— Не замолчу никогда, — продолжает родительница.

Маэстро мечется на своем стуле и вздыхает так тяжело и горько, что Калистов оглядывается на него, чтобы узнать, не пришли ли злодеи и не роятся ли в его внутренностях, отыскивая сердце, наполненное негнанным богатством. Но никого не было, напротив, Барашков, сорвавшись со своего табурета, сам рылся в ящике с красками. Калистов обращается к своей работе и через минуту слышит звук медяков, с бряцанием которых Иов Ионыч удаляется к матери.

— Вот, Богу на свечку было отложено, но помня пятую заповедь Всевидящий прости меня. Замолчи же о! мать моя, и прости, если невольное и неумышленное мое слово истины показалось тебе жестоким.

Чтение прекратилось, слышится швырянье прялки, и мать исчезает за дверью. Вздыхающий Барашков возвращается и подходит к Калистову.

— Прости ее, Господи! Не ведает бо, что творит О-ох, грехи наши тяжкие Мизинчик-то укоротите еще... вот так Но не ропшу, а со смирением несу крест свой. Баканцу подпустите — так, так Мне еще в отрочестве было видение: у помещика своего, молодого барина, был я в услужении; только барин мой в один день, да прости ему Господь, со своими товарищами зазвал к себе

девиц, чтобы творить с ними непотребное... А вы маслицем краску-то разведите... Ну, я ушел в кухню и, борясь с плотью своей, залез на печку, и начал я горько плакать и молиться и уснул, уснул и вижу: явилась ко мне Владычица и говорит: раб Иов А вы тут флейсиком хватите раб Иов, наклонись я наклонился, и Она мне на самый загорбок Предвечного посадила. Легко ли тебе, — говорит, — раб Иов? — и ручкой так вот меня погладила. Проснулся, а спина отнялась; ну, с тех пор вот с пластырем не расстаюсь. Возвратясь из Москвы, приглашен я был к барышням преподавать им живопись, только на мою юность и невинное девственное житие мое прельстилась родительница их, баронесса — моя помещица и захотела склонить меня ко греху, всплакал я и бежал. Как Иосиф от жены Пентефрия* Пойман и сослан сюда и вот — Но тут появляется птенец Ваня, специальностью которого была, полагать надо, обязанность куда-нибудь да затащить отца.

— Тятя, иди обедать, — уцепляется он в родительский палитровидный халат и не отпускает до тех пор, пока не увлечает в маленькую дверь в мастерскую. Уходят за своим хозяином и подмастерья, и мальчик, терший краски; в доме тишина, только щелкает заслон-

ка у плиты в большой мастерской, да за перегородкой слышится храпение Барашковой матери, тихо откуда-то возвратившейся и тотчас же бросившейся на свое ложе.

Скоро возвращаются в мастерскую два брата-подмастерья и ведут между собой беседу. Слышится Калистову полный и здоровый голос Михайлы, слышится надорванный с кашлем Леонтия.

— Тебя-то кто совал контрактывываться-то? — говорит здоровый баритон, — мало ли, что твоя была очередь, да куда бы тебя взяли-то, чего пустяки-то молоть?

— Вдвоем-то скорее отработаем.

И узнает Калистов из беседы братьев, что одному из них угрожала опасность попасть в солдаты; взмолились они своему хозяину: дай денег на наемщика, — не дал; нет, говорит, у меня денег, а побегаю, достану; побегал и достал, рассказывает, что Христом Богом вымолил, в ногах-де валялся, за его-де смирение и добродетели и денег дали, и хлопотали, чтобы наемщика приняли. Благодарные братья выгодно для хозяина контрактовались, чтобы заслужить долг свой. Потом уже случайно узнали, что достать денег было не так-то трудно: Фон-Визин дал без слова, он же принял на себя все хлопоты по сдаче наемщика.

* Так в рукописи. Точнее — Потифара. — *Прим. Н. Горбачевой.*

— Кабы прежде знать, что это за человек — Фон-Визин, прямо бы к нему, не закабалили бы себя в эту каторгу, на свободе-то скорешенько бы выплатили.

— Если бы да кабы... Знаешь пословицу, нечего, значит, и язык попусту мозолить, лег бы лучше, соснул, а то что засел-то опять за работу, спасибо небось не скажут.

— Помогай Бог, — говорит Михайло, входя к Калистову, — усердно работаете.

— Скорее научиться хочется, — отвечает тот, улыбаясь.

— Богомазничать мы вас научим.

— И за то спасибо! Кто же станет даром и этому учить?

— Даром, да разве они даром?

— Я ничего ему не плачу. Кто же это за меня платит? — удивляется со своей стороны Калистов.

— Право, не знаю, только наш хозяин не таковский, чтобы что-нибудь даром сделать. Даром-то он только проповеди мастер сказывать, и чего, пострел его, копировать-то дал, хуже-то не нашел. Вам, главное дело, теперь за абрисами надобно сидеть, а он с квадратиков... Мазать-то красками успели бы научиться.

— Вы славно рисуете, — замечает Калистов.

— Что я, я такой же богомаз, как хозяин. Нет, вон мой брат Лева — мастер так мас-

тер: нынче мы декорации в собрании рисовали, на стене следовал портрет быть, он взял, несколько раз мазнул — и вышел издали-то чистейший губернатор. В Питере бы ему надо учиться-то, да что же делаешь, закабалил себя, вы посмотрите, как он абрис делает: возьмет, да так не отрываясь и пойдет за один почерк; с натуры прежде рисовал, ныне тоже портиться начал: у нас ведь чего требуется? Чтобы гладко было, хоть на коньках по иконе-то катайся. Эх, где это, — вздохнул он безнадежно, — где это, право, деньги-то растут, нарвал бы, да выручил парня-то.

Калистов слушал, опустив руки, затем встал, прибрал свою работу и пошел за Михайлом в большую мастерскую. Там работал один только Леонтий, рисуя с какой-то грубой старой гравюры. Взглянув мельком на оригинал, Калистов впился в работу Леонтия, усиливаясь понять: как это так, при помощи каких красок вышли эти измученные, воспаленные глаза, запекшиеся губы, вся эта фигура, вот-вот готовая упасть под тяжелой ношей креста? Калистов перевел глаза на работы других: ничего живого, жизнь, казалось, сбежала со всех их мольбертов на мольберт кашляющего Леонтия, как свежий колорит сбежал с его лица и сосредоточился пятнами на его щеках.

В восторге смотрел Калистов работу Леонтия и не заметил вошедшего Барашкова.

— Смотрите-с? Ничего, он со временем будет порядочный иконописец.

Оторванный от созерцания, Калистов неприязненно взглянул на хозяина и пошел к своей шубе, чтобы идти домой.

Глава II

Микульский скрылся. Члены Консistorии об нем, разумеется, не плакали, они желали только одного: отыскать его, отобрать от него казенные деньги, которые приходилось пополнять своими боками, а на него плюнуть, словом, желали воспользоваться только рыбою, предоставив рыбака угрызениям его совести; но не так взглянул на дело Синод, куда явился рыбак без всякой рыбы. Синод прислал его по этапу в Тобольский острог и назначил над ним и Консistorией следствие, выбрав следователями трех уездных протоиереев, в числе которых был и мой отец.

В одно утро, прямо со своей кровати, я попал в объятия отца и не скоро мог уверить себя, что это не продолжение сонных грез моих, а действительность, что я обнимаю до рогулю мне плоть и кровь в одежде, проникнутой дорожной сыростью.

— Он не может еще проснуться, — говорит смеющийся дядя, смотря на радостно изумленное лицо мое.

— Это, Миша, ты во сне видишь, — слышится мне голос тетки, хлопчущей в соседней комнате с чайной батареей.

— Как снег на голову, не правда ли? — спрашивал отец.

— Да, как это вдруг?

— Так и сам не думал.

— Спасибо Микульскому: без него вас бы и не вытащить к нам.

— Господь с вами! Невеселая это вещь — с Консistorи-

— Боже мой! Без рубашки! И последнюю, значит, пропил.

— Нельзя-с, сударь, в городе такое воровство... боюсь, и ее украдут — ну, и заложил-с.

(Маляр. 1874. №26. С. 2)

ей воевать, а придется. Ну, а какой я воин? И вам с вашей ротой, пожалуй, с ней не справиться.

— На вашей стороне архiereй будет.

— Да, я думаю, и ему не совсем приятно будет, как примемся разрывать эту навозную кучу. Вполовину же делать это дело ни мне, ни моим товарищам не приходится. Пожалуй, дело затянется, а дома осталось всего шесть рублей.

Но, заметив, что слова его набрасывают тень на радостные минуты свидания, он улыбнулся и прибавил: — Ну, да что тут прежде смерти умирать.

Но никакая предстоящая война не может затемнить моей радости. Запас моего благодушия, месяца три тому назад вывезенный из Ялуторовска, приездом отца подновлен и увеличен на многое множество процентов, и дарю я своей любовью и симпатией всех попадающих на моем пути к Китайской стене. Любовью и симпатией пылаю я к Цицероновскому комментатору от того, что ему какие-то сорванцы наплевали в калоши. Воспылал вдруг симпатией к Пасхалии, заметив, что он, среди грозной филиппики, направленной им против несправного в научном деле малого, заснул. Я понял, что ему скучно ругаться — и наградил своей симпатией.

Калистов, приобретя контрабандой от кашляющего ар-

тиста сведения о правильных размерах человеческого лица — и вследствие своих познаний надоедающий всем и каждому стремлением проверить свои теоретические правила практикою, а потому неустанно вглядывающийся во все физиономии, — на этот раз приступил ко мне с просьбою: открыть ему по секрету, не покрывал ли моего лика благочестивый Барашков лаком? И на мой отрицательный ответ остался при сомнении: «Больно-де у тебя сегодня лик блестящий».

Я сообщил ему экстраординарную причину своего сияния.

— А, ну ты смотри же, скажи отцу, чтобы он поприжал хорошенько этих консистерских. Пусть он их так же поприжмет, как они наших деревенских отцов. Да дело-то не в том, а главное вот что: у тебя между глазами совсем не то расстояние, какое следует. Тут должна быть величина глаза, а у тебя меньше, ты это тоже сообщи-ка своему отцу... вот, мол, что Калистов-то говорит. Слышишь, не забудь.

Возвратившись из класса с грузом на совести разностопных анапесто-ямбических стихов, с прибавкою малой дозы амфибрахических, я застал в дядиной гостиной Пушкина и Фон-Визина, переворачивающих и рассматривающих со всех сторон груз, наваленный судьбою на слабую спину отца. Все были того мнения, что члены Кон-

систики наложат свои руки, чтобы груз этот сделать окончательно невыносимым

— Пресвященный, — говорит Михайло Александрович, — честный и добрый старик, но совершенно в руках отца Иова, и если отец Иов в этом деле чист, то дело ваше легкое.

— А никто, как Бог, — порешил Пушкин и положил конец деловым толкам. — Ну, как, на ваш взгляд, Тобольск? Давно вы в нем не были?

— Первый взгляд на него сделал на душу какое-то мрачное впечатление. Что это предвещает и что будет дальше — не знаю. Теперь еще мысли туда и сюда бродят.

— Ну, а наша война с князем, — спрашивает Фон-Визин, — не отозвалась ли еще чем-нибудь на ялutorовских?

— Отбирают подписки... По школам запросы и маленькие недоразумения, но я надеюсь, что это само собою разъяснится и уладится. А больше, кажется, ничего. Иван Иванович* не дает унывать. Теперь он высказывает свое сожаление о том, что он не уроженец Углича.

— Это ему на что?

— Тогда бы, говорит, и ему земляки выхлопотали возвращение, как выпросили возвращение сосланному оттуда колоколу, а уж он дал бы им подписку — звонить не умолкая.

— Да, — замечает Пушкин, — но колокол, как говорят, от-

казался воспользоваться данным ему позволением; так как угличские граждане получить земляка на свой счет не желают. Ну, а что последние NN? — обращается он к дяде.

— Просматривал... Нет, — отвечает дядя, хорошо понимающий, какие именно сведения желает Пушкин.

— Странно! Неужели это был пух?

— Частные сведения есть, что князь едет в Петербург и дал слово по возвращении отомстить всем, кто распускал слухи о его увольнении и радовался этому.

— И он сдержит слово, — замечает Ф. Визин, — этот человек способен действовать даже из-за угла...

И этот разговор оказывается невеселого свойства, а потому ищется новая тема, но новая тема такого же качества.

— Нет ли кого-нибудь из знакомых или родных во вновь открытом обществе? — интересуется отец.

— Благодаря Бога, нет, а то бы кто-нибудь да известил хоть об этом. Вообще же мы об этом доме имеем самые смутные сведения. К нам ничего не пишут, но посторонним сообщают довольно странные вещи: пишут, что будто бы собирали сведения и приписывают влиянию этого общества и увеличившееся число поджогов, убийств и грабежей, даже увеличившую-

* И.И. Пушин. — *Прим. Н. Горбачевой.*

ся цифру высеченных в полиции за грубость.

— Ну, это грязь, разумеется, кто-нибудь на смех выдумал, — замечает отец, — а, впрочем, я был бы очень рад, если бы дело консисторское тоже причислили к этому обществу и нас бы избавили... — Но он тут же и плюнул: — Просто меня нечистый обошел: как ни стараюсь об нем не думать, а нет, оно все на уме.

Все захохотали.

— Это история про белого медведя, — смеется Ф. Визин и рассказывает историю про белого медведя.

Началось и дело. Прибывшие в Тобольск следователи сразу очутились в трагикомическом положении: содержания им никакого положено не было, живя здесь, они должны были содержать и свои семьи дома. Микульский, выпутываясь, взводил на Консисторию и ее членов очень серьезные обвинения и представлял факты; следовательно, следователям приходилось тянуть к ответу и Консисторию, которая их имела всецело в руках. Архиерей за старостью лет в дела не вникал, а решал и делал, как хотела Консистория. Что же оставалось делать триумвирату следователей? Сидеть и ждать и посылать запрос за запросом в Консисторию, которая по большей части и не отвечала на их запросы; напротив, со своей стороны поднимала дела по

вверенным им уездам и требовала объяснений. Два следователя не вынесли, взмолились и по болезни или иначе как, только получили разрешение возвратиться домой. Остался один более молодой и более энергичный, на которого и пало все дело. Конечно, недолго бы повоевал и он, пришлось бы ему отступить от крепких спин Консистории, за которыми сидел дружно сплоченный гарнизон членов, но на помощь ему явилась поддержка; поддержка эта была Фон-Визины. Прежде всего они и друзья их оказали материальную поддержку семье его, затем его самого перевезли к себе, где он очень удобно поместился в рабочем кабинете Фон-Визиной и Михайло Александрович сделался сестрою милосердия у этого следователя, угнетенного делом больше, чем находящиеся под следствием. Лишь придет он домой, согнувшийся, охающий, как к нему поднимается Фон-Визин, утешает, развлекает и поддерживает его так, что через час он снова бодр и весел и смело смотрит вперед. Однако же, забегая к Фон-Визиным навесить его, я чаще заставлял его поникшею головою и уверенный в том, что он устал, я, не смотря на все мое желание остаться с ним подольше, сокращал свой визит, отговариваясь уроками, и шел домой.

— Не хочешь ли приписать к брату? Завтра посылаем, —

спросил он меня в одно из таких посещений.

— Хорошо, я потихоньку буду писать... Я Вам не мешаю, вы отдыхайте, я и свечу закрою.

— Бог с тобой, ты мне насколько не мешаешь... Я не устал... На вот письмо, мы с Михайлом Александровичем уже написали... Можешь прочесть.

— Нет, да я...

— Да ничего, прочти... Что-бы одно и то же не писать.

И я прочел.

Когда я снова, через много лет, развертываю этот листок, чтобы списать здесь, — я вспоминаю все прошлое так ясно, с такими подробностями, что если бы умел рисовать, то срисовал бы так верно, как стоящее предо мной и это полукруглое окно, в черных стеклах которого, как в зеркале, отражается и свеча, и мое освещенное лицо; сбоку окна на диване под портретами двух малюток в красных рубашках — отец, сидящий в позе, приличной одному из запутанных в консистор-

ском деле, а никак не следователю этого дела. Срисовал бы и тень за спиною отца, тень, представляющуюся мне тем наваленным на него грузом, к которому, по мнению Пушкина и Ф. Визина, консисторские члены приложат свои руки, чтобы сделать этот груз невыносимым.

«Поездка Натальи Дмитриевны, — писал Михаил Александрович — в Ялutorовск не обошлась без неприятных для нее последствий. Об ней узнали и хотели сделать нам пакость, надеюсь, однако, что с Божьей помощью дело это уладится. Н. Дм-е оно доставило много беспокойства и заставило ее отписываться. Все это вместе было причиною, что мы провели последнее время в тревоге и я мало пишу к тебе. Степан Яковлевич все это время в хлопотах и занят делами Комиссии, которые мало подвигаются вперед. Консистория

Наставление моему сыну

Печатного в городе нашем не терпят, зато непечатное слово очень терпимо. Сын мой, лишь только заметишь, что двое или трое речь повести собрались, уши зажди и, нравы свои соблюдая, подалеже стремишься поспешно.

(Маляр. 1874. №31. С.3)

кляузничает, т.е. Иов с братией; да и архиерей действует двусмысленно. Все это ставит твоего отца в затруднительное положение, и тем более, что и архиерею не нравится, что он действует по совести. Хотят, чтобы он щадил воров, а он на это не решится, чтобы после самому не отвечать.

Подивись, что Татьяна Филиппевна задумала строить у себя в Подрезовой церковь — особого священника и причта у нее не будет — и так удачно пошло ее дело, что собрала больше 1500 рублей ассигнациями, чего достаточно для покрытия всех издержек.

Прости, мой друг — Христос с тобой».

Перевертывая листок, чтобы прочесть следующее за тем письмо отца, я оглянулся на него. Да, много рук, показалось мне, приложилось к тени за его спиной.

«Милый друг, время, которое я прожил здесь, в Тобольске, как ни в чем не бывало приперло в вечность, дело наше ползет, как рак, тихо, а часть и назад, но и рак часто доползает туда, куда ему хочется, может, и мы увидим конец своему житью-бытью в Тобольске. Думно и тоска. Из Ялutorовска давно не получал вести — в последнем письме пишут, что все здоровы и спрашивают, чем им жить? Вот каковы обстоятельства. Но о домашних обстоятельствах силюсь не думать,

иначе эта дума взараз отразится в теле безо всякой пользы, так как исхода все равно никакого не выдумаешь». Я остановился, чтобы перевести дух, взглянул на темное окно и испугался — оттуда на меня смотрело злое-презлое лицо — я сделал движение, чтобы увериться, что это искаженное злобой лицо не что иное, как мое отражение. «Передаю тебя, — читал я далее, — в святую волю Господню, Он да благословит тебя. Он все для всех».

Дальше в письме следовал P.S., писанный уже не таким твердым почерком, как предыдущее письмо. «Сейчас только, — значилось в этом P.S., — принесли письмо, и часть тяжелой думы спала с души, когда узнал из письма, что добрые наши ялutorовские передали твоей матери 20 р. с<еребром>. Да воздаст им Господь за все их доброе».

Далее следовала чистая бумага, ждущая моего писания. Обмакивая перо, я взглянул украдкой на отца: он все в той же позе, приличествующей находящемуся под следствием, чем следователю, и тень за спиной делается все больше и больше, и грезятся мне больше и больше рук, старающихся сделать груз невыносимым.

В этот вечер я уже не делал над собою усилие, не ссылался на уроки и не уходил домой, когда мне так хотелось остаться. Я сидел с отцом и говорил

— говорил, как взрослые говорят. Под конец вечера я заметил, что он начинает мало-помалу улыбаться, поднимать голову, так что тень его за спиной становилась менее. Я встал, поцеловал его и взялся за фуражку. Он обнял меня, перекрестил и отправился к своим бумагам. Начало расти дело, а я пошел домой и чувствовал, что тоже расту и расту. Голова моя работала так, как не приходилось ей еще никогда работать.

Я не занимался ничем, падающим мне по дороге, не обращал больше внимания на бесконечную длинную тень мою от уличных фонарей, то пропадающую во мраке, то снова, как злая собака, хватющую меня за ноги, словно злясь за то, что я вступаю на освещенное фонарем пространство. Я уж не удивлялся длине своей тени, потому что знал, что длинна она оттого, что я расту, как растет это скверное дело, как растут с ним вместе неприятности для следователей. И действительно, с этого вечера я рос так, что оболочка благодушия оказывалась мне не по росту, лопалась и разлеталась хлопьями, и из-под нее начал выказываться другой человек.

Замечает это Калистов, неустанно замечающий все. Вот он, после только что полученной встрепки — за желание вытянуть нос одному здоровенному малому до надлежавшей

границы, требуемой рисовальными правилами, — подходит ко мне, желая знать: кого я намерен съест?

— Отстань ты от меня, никого я не намерен есть.

— А ты будь, братец, полюбезнее, а то смотрит, точно черт на картине Иова Ионыча. Если бы он увидел тебя, то непременно сказал бы, что у тебя в глазах патриотизм.

— Ну и ладно, и убирайся к своему черту.

В следующее свидание я снова не тороплюсь от отца и говорю, и говорим. Впрочем, нового узнаю мало, но меня уже нисколько не удивляет необычная фраза отца, все прощающего, всему, всему снисходящего прежде.

— Некоторые из чинов, — говорит он, — как черти смотрят на попа, так и они на нас, — выдумывают разные сатанинские извороты, и все это падает на их же голову. Тошно и досадно Разные проделки их до того гадки, что не следует и говорить Повременю, при случае, если приведет Бог, расскажу в спокойном духе.

Спустя некоторое время, он опять пишет своим.

«Все было радовало меня, что скоро поеду домой, и между тем надежда лопнула. Пресвященный давал слово, дал же не дожидаясь последних ответов от членов, отпустить меня, а о том, что они не дают ответов, донести Синоду. Пос-

ле передумал, и я должен был ждать членских ответов. Этого мало: он сказал, что до тех пор меня не отпустит, пока не прочтет всего дела со мной, а известно, что при других его делах, при его слабой памяти и при посторонних его рассказах нам не прочесть дела и в полгода. Дело более 2000 листов, прочитавши сегодня немного, завтра немного, опять придется читать сначала, потому что прочитанное непременно забудется. Держать меня здесь и не представлять дела — это, наверно, чья-либо уловка подождать манифеста. И как бы я счастлив был, если бы дело, в каком оно виде есть, прямо бы вытребовали в Синод, тем более, что и Микульский настаивает, чтобы оно здесь не рассматривалось. Почти все его доносы и указания на подделку и подмену документов оправдались».

Не замечает моего физического и нравственного роста увлеченный преподаванием поэзии Архип Иванович и, раздавая в классе просмотренные им литературные труды наши, он обратил на меня взгляд самого пронзительного свойства и не совсем решительным тоном говорит мне:

— Хорошо, братец мой, хорошо. Да сам ли это ты писал?

— Сам, — мрачно отвечаю я, несколько не восхищенный похвалой.

— Это ему отец писал, — говорит после ухода наставни-

ка не дающий мне в последнее время проходу состоящий в родстве с каким-то чином Консistorии, — его отцу мало кляуз-то строчить, так вот он в свободное время

Но малый не закончил, звонкая пощечина, как сигнальный призыв на даровое зрелище, обратила в нашу сторону расправляющих свои члены товарищей. Но мой воинственный подвиг ненадолго ошеломил моего оппонента: через минуту я лежал на полу и задыхался и хрипел в руках освирепевшего малого; но и это положение продолжалось тоже недолго: мой противник, отброшенный рукою Калистова, ударился головой об стену.

— А ты драться-то годик-другой погоди, — внушал мне мой защитник, вздергивая меня на ноги, — подрасти еще, а теперь, — продолжал он, не обращая никакого внимания на град крупных ругательств со стороны отброшенного им товарища, — перебирайся-ка на квартиру за нашу парту, там твои кости будут целее, да и мне требуется срисовать чертенка.

И в то время, как патрон мой силился изобразить на полях своей поэзии мой патристический взгляд, взгляд этот бродил по всему классу, силиясь проникнуть в мрак будущего и уразуметь: кто из этих восьмидесяти, так разнообразных и так друг на друга похожих ребят сделается по воле судеб буду-

шим мучителем ни в чем не повинных людей.

В этот вечер я не рос. У отца я застал Михаила Александровича. Милейший хозяин умел передать своему жильцу и бодрость, и спокойствие. Отца я застал, как выразился он, козырем, за выпрямившейся фигурой его было очень мало тени, и, увлеченный веселым настроением, я впал в припадок откровенности и весело принялся излагать события дня. Между прочим, рассказал и про свою битву.

— Ай да Миша, — весело говорит Михайло Александрович, — молодец. Не ожидал.

Отец окинул меня взглядом, словно он теперь только заметил, что прежняя благодушная моя оболочка уже слезла с меня, и дал разговору другое направление.

Человек доложил, что приехали гости, и Михайло Александрович оставил нас одних.

— Ну, хоть ты и молодец, — обратился отец ко мне, — но из этого молодчества ничего не выйдет доброго И мои вздохи, и ропот домашних, и твоя вспышка есть одно наше не-

терпение; если бы мы сколько-нибудь запаслись терпением, тогда не то бы и думали, не то бы и говорили, а за все бы благодарили Бога. Все эти случаи я признаю теперь за опыт испытания и очищения. Я верю, что домашним тяжело терпеть недостаток во многом, но и верю тому, что все это устроится как нельзя лучше.

И в следующие наши свидания отец чаще и чаще начал говорить в вышеприведенном тоне: ясно, что ему хотелось остановить мой рост, но это удавалось только по временам, и в продолжении девяти месяцев его пребывания в Тобольске я вырос очень значительно.

А время идет — деляя свое дело, приготавливая все к шествующей весне, весне, смягчающей сердца человеческие вооб-

— Позвольте узнать, где здесь доктор живет?

— Вам какого?

— Да вот, что от солдатчины-то хорошо помогает.

(Маляр. 1875. №24. С. 2)

ше и начальнические в частности. Этому-то смягчению сердца начальнических и обязаны мы тем, что гостиная дяди заключает в себе снова: моего бодро смотрящего отца, Пушкина и Ф. Визина. Последние заехали сюда провести вечер, так как завтра отец имеет намерение выехать в Ялуторовск. Смягчилось сердце архиерейское, и дозволил он членам комиссии возвратиться по домам и заняться своим хозяйством до тех пор, пока не пришлют какие-то нужные сведения из какого-то хозяйственного отделения.

Трудно сказать, что было веселее: встреча или проводы теперь, по крайней мере радовались тому, что отец отдохнет хоть на время.

— Ну, Миша, — весело говорит входящий Михайло Александрович, — представление архиерея уважено, велено представить из здешней семинарии в петербургскую, нет ли кого желающего учиться рисованию, я сейчас от вашего ректора, говорил с ним, и дело Калистова можно считать оконченным.

Известие это начало подмигивать меня понестись сейчас же к Калистову с этою радостною вестью, но удерживало только желание пробить вечер с отцом, и желание это победило бы мое нетерпение, если бы на помощь не явился отец.

— А не думаешь сходить, обрадовать приятеля?

— Нет, хотелось бы

— Так что же? Одевайся только потеплее, постой-ка, возьми вот мой дорожный шарф. — И он принялся меня опутывать шарфом.

— Да надел бы ты мои калоши. Ничего, что громадные, вечером-то не увидят, что франт в таких лодках идет. Лучше не утонешь.

— Я вовсе не франт, — обиделся я, — я и днем пойду в чем угодно. Только я и так ноги не промочу. — И я пошел благовествовать.

Друг мой не выдержал такого радостного известия: тетради полетели под стол, и он так рявкнул: «Тебе Бога хвалим», что спавшая на печке хозяйка совсем переполошилась и осыпала его такой крутой бранью, что я, считая себя тоже косвенным виновником ее испуга, счел нужным сделать скорее благоразумное отступление, тем более, что считал свою миссию оконченной.

— Дьявол... Черт... Лопни твое горло... — слышу я с печки.

— Тебе Господа исповедуем... Да посиди, она сейчас перестанет... тебе Предвечного...

— Дурья порода... Язви тебя, пропасти на тебя нет!

— Тебе...

Но я уже был в сенях. «Тебе» — донесся до меня еще раз рев Калистова, когда я поравнялся с его окном, а затем все замолкло.

Ни души на мертвых улицах... Нарушается тишина толь-

ко шлепаньем моих шагов. Но вот тишина нарушилась и посторонним субъектом: из-за угла вывернулась фигура с монологом на устах. Произносимая речь не имеет надлежащей ясности и оратор, полагая, что причиной этого есть не что иное, как обилие слюны, размягчающее язык его, постоянно отплевывается, и шаг декламирующего не имеет надлежащей твердости; несмотря на постоянное стряхивание с ног прилипшей грязи, ноги все-таки прилипают, так что мне волей-неволей приходится догнать эту фигуру. Я прибавил шаг, чтобы опередить ораторствующего господина, но он меня заметил и обратился с приветствием:

— Сдрасьте...

— Здравствуйте.

— Скажите, пожалуйста, как это улица?

Я сказал какая.

— Так! Так, отлично, превосходно, — и незнакомец принялся рассыпаться в похвалах, точно я решил ему Бог знает какую трудную задачу.

— А милый челк, где тут богомаз Калистов живет?

— Семинарист Калистов?

— Семинарист! Студент Калистов, а то семинарист вдруг. Господин студент Василий Иванович* Калистов.

— А, так вы не туда идете, надо назад, вот, где окно светится, — и обрадованный тем, что у нас нашелся общий зна-

комый, я перестал бояться этого господина и не утерпел, чтобы не сообщить ему, что Калистов поедет в Петербург.

— Отлично... Давай ему Бог... Левка тоже поедет... Лекарь сказал, что беспрерменно осенью на тот свет.

— Прощайте.

— Постойте, а сколько, милый челк, Николай Угодник стоит?

Задача эта была потруднее предложенных прежде, и я спасовал.

— Да я за целковый написал и другой день кучу и што хошь, к Барашкову не пойду, пока все не пропью, а к г. студенту и богомазу пойду... и...

Но я уж не слушал больше, а несся домой, где застал оживленную беседу.

— Я очень хорошо понимаю, — говорил Пушкин, — что все это делается ими, чтобы кой-как самим спастись, и не смотрю на них так строго, как вам кажется, но ведь и защищая себя, они не должны выдумывать и взваливать свои грехи на невинных. Ведь это уже чистая несправедливость: голословные изветы Иова на старика Шипицына архиерей посылает в Синод, не потребовав даже объяснения от обвиняемого, а указания и оправдания Шипицына, его просьбу удалить Иова, чтобы тот не выкрал документов, явно обличающих его, передает вам, ну а с вами-то, наконец, что сделали?..

* Так в рукописи. — *Прим. Н. Горбачевой.*

— Ну да, хотели, да не удалось, так и поминать не надо.

— Хорошо, что жандармский чиновник принял участие в этом деле...

— Ну да... Бог с ним... хотел сказать, но, по-моему, грех поминать Бога в этом деле.

— Бога к этому делу никак не следует припутывать, — острит дядя.

— Я стараюсь теперь ни о чем об этом не думать и в будущее не заглядывать... Покойнее живется, хоть и ходишь в каком-то мраке... Ну что твой приятель?

— Очень обрадовался, так запел, что хозяйку испугал, та теперь ругается.

— Счастливей возраст, — говорит Михайло Александрович, добродушно улыбаясь и смотря грустно куда-то вдаль.

— Этого юношу по какой дороге пустим? — спрашивает Павел Сергеевич.

— Это далеко впереди. Мне, разумеется, хотелось бы, чтобы он надел на себя эту оплеванную миром одежду, — и он показал на свой костюм, — но я не буду советовать. Если хватит силы надеть ее, а главное, уверен будет, что сумеет ее сохранить чистой и не даст повода оплевать ее окончательно, — буду рад. Другую дорогу выберет, пусть идет с Богом. Свою волю в отношении их я старался и стараюсь сделать слабой, стараюсь надеяться и верить в премудрое распоряжение Господа.

— Он в военные хочет, — заявляет дядя.

— Ну, какой он воин, правда, духовным-то он мало пахнет, ну на война-то уж окончательно не похож.

Действительно, я очень мало походил на война, образцом которого был перед нами дядя в своем мундире с маленькими фалдочками, в шарфе с висящими на левом боку кистями в виде серебряных метелок: он в качестве дежурного собирался поверять посты. После его отъезда беседа продолжается. В задних комнатах тетка давно уже уложила немногочисленный отцовский багаж и ворчит и волнуется, сделав открытие, что во все свое пребывание отец самолично исправлял обязанность штопальницы и пришивальщицы пуговиц к своему белью.

— Страм какой! Дома-то подумают, что мне лень было и это сделать. Просто стыд... И как я не догадалась... — И ворчит она, укладывая в мешок съестной материал, по своему количеству достаточный напиток десяток человек. И ворчливое ее настроение сопровождается постоянным сморканием и смигиванием слез, постоянно набегающих на глаза при мысли о завтрашней разлуке.

В этой же комнате поместился и я с манускриптом поэзии, но глаза мои бессозна-

тельно бродили по тетрадке — мое внимание было в зале с беседующими.

Беседуют трое друзей, желая вдоволь наговориться перед разлукой; они уже пробовали встать, крепко обнялись и снова сели на свои места, и беседуют, отвлекая мое внимание от той истины, что «в драме должно быть единство действия, то есть одно главное происшествие, к которому бы все прочие относились и его раскрывали».

Но вот Ф. Визин раскрыл свои объятия, заключил в них отъезжающего и долго, молча, держал его. За ним то же сделал Пушкин, и, не вымолвив больше ни слова, друзья расстались.

Началась наша беседа... Тетка имела намерение пожурить отца за несвойственное ему штопание, но усилившийся насморк заставил ее уйти в другую комнату. Возвратившийся дядя хотел было настроить нашу беседу на более веселый лад, но скоро и сам отдался общему настроению — тихой грусти, настроению, обычному при разлуке с люби-

мым человеком. Он успел только своим практическим заключением, что путнику перед дорогой следует хорошенько выспаться, обратить наше внимание на то, что неустанно тикающие часы имели намерение показать скоро полночь. Насморк тетки усилился до невероятной степени, когда она прощалась с отцом, желая ему покойной ночи; а у дяди явилось желание, являющееся у него в минуту волнений — вырвать часть своего уса, я же безучастным столбом отправился в свой угол.

Все стихло... Замерло всякое движение, предоставив двигаться и быть слышимым светлomu маятнику стенных часов, шныряющему и тиликающему в темноте. Я лег на свою кровать, и меня обхватила тоска; так же крепко, как обнимали

— Ну, кто, по крайней мере не знаете ли, был самым жестоким гонителем христиан? И этого не помните?

— Как христианин я не злопаятен.

(Маляр. 1876. №18. С. 2)

давеча Пушкин и Ф. Визин отца моего, так же крепко обхватила меня теперь тоска. Сжалось сердце от этих объятий, и хлынули у меня давно не бывалые слезы. Явилось непреодолимое желание последовать за отцом в наш патриархальный Ялуторовск. К чему мне, думал я, маринуя свою подушку слезами, знать, что «водевиль есть малая опера, в которой и арии и хоры читаются нараспев». Евгений Флегонтович ничего подобного и во сне не видал, а живет себе припеваючи. И я начал мечтать о карьере учителя в Ялуторовской школе — карьере, доступной мне даже в теперешнем градусе моих познаний. Воскресшие ли сцены прошлого, или обильные слезы размочили и мое сердце, только я почувствовал, что отлетевшее благодушие опять со мной и нет во мне злобы ни к кому — даже к членам Консистории; а затем по неисповедимым законам логики я решил, что будущая моя дорога избрана, что я смело надену оплеванную миром одежду. Военный костюм с его шарфом, оканчивающимся такими блестящими метелками, прельщавший меня прежде, теперь показался мне незанимательной игрушкой.

Бьется, шныряет и постукивает в темноте маятник, свидетельствуя о том, что не стоит время на месте. Бьется, шныряет и постукивает мое сердце, свидетельствуя, что воображе-

ние мое не остановилось на решении надеть только вышеупомянутый костюм. Вот я, в этой оплеванной миром одежде, совершаю подвиги и смиренно иду вперед среди разных насмешек и оплевываний, — иду в чаянии того будущего, когда все мои враги остаются в дураках, когда порок будет наказан, а добродетель, как и следует, — восторжествует.

Говор разбудил меня. Все уже были на ногах и пили чай. У отца сидел попутный, едущий с ним. На дворе тройка побрякивала колокольцами. Едва я успел совершить свой туалет и проглотить чашку чая, как началась церемония прощания: чинно сели, встали, помолились Богу и начали прощаться. Тетка решительно изнемогала под бременем насморка, дядя... но я не мог себе представить, как же он явится перед вверенной ему ротой с одной половиной усов, а я не сомневался, что еще немного, и богатырский нафаренный ус — свидетель и участник многих рукопашных битв — останется в могучей руке его. Я же был в экстазе: утренний свет не развеял моего намерения надеть рясу. Иронически взглядывал я на вычищенный и развешанный на спинке стула мундир дяди, побрякивающий при малейшем к нему приближении разными регалиями. Сбруя... — шевелилось на языке моем при взгляде на шарф с блестящими метелками.

Скрылась из виду повозка, затих колокольчик, и всякий принялся за свое дело: денщик шабарчит веником, дядя шурчит бритвой по своей жесткой растительности, ежедневно являющейся на незаконной для военного человека местности, тетка бренчит перемываемой чайной посудой, я читаю Евангелие: «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет той больше любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Окончив главу, я в самом восторженном состоянии ухажу в класс.

С этого дня я принялся строго наблюдать над собой, чтобы не сказать праздного слова, чтобы не обидеть кого-нибудь и чтобы быть как можно смиреннее, словом, принялся подвижничать и восхищаться и самоуслаждаться своим правдивым житием. Подчас смущало меня одно, что чем больше я смиренничаю, тем более делаюсь похожим на не раз виденного мною калистовского наставника Иова Ионыча Барашкова, чего мне бы очень не хотелось.

Под влиянием напускного благочестия и подвижнических трудов я сумел уверить себя, что меня тянет из скучных классов в сад — не распускающиеся деревья, не пробуждающаяся природа, а стремление удалиться от праздной суетной болтовни товарищей в уединение, где могу

молиться внутренне и внутренне беседовать с Богом.

И чем дальше шло время, тем дальше распространял я свое отвержение всего мирского, так что чрез неделю после отъезда отца, в один из великолепнейших весенних дней, я предпочел класс математики, как мирскую мудрость, и поместился в излюбленном месте семинарского сада на свежей зелени среди густых кустов смородинника. Конечно, пробуждающаяся природа со стаями поющих птиц, с копошащимися в новорожденной траве насекомыми могла способствовать внутренней моей молитве гораздо больше, чем начавшееся повторение алгебры. Но все ли могли понимать это? Увы, не все! И придя на другой день в класс, я убедился в этом самым наглядным образом, рассматривая врученный мне цензором для рассмотрения классный журнал, где мое благочестивое удаление было прозаически сформулировано небытием в классе по ленности. И против такого цензорского сообщения стояла ректорская резолюция: «послать Знаменского ко мне». Хотя прочитав эту резолюцию, я много любви и всепрощения соединил в своем взгляде на не ведающего, что творит, цензора, но вместе с тем подумал и о том мучении, которое постигнет в будущем этого не поощряющего внутреннего благоче-

ствия человека. Что же касается до того наказания, за которым надлежало мне самому лично заявиться к отцу ректору, то я старался, насколько возможно, опозитивировать его, придав ему колорит мученичества за святое дело; по правде сказать, этому много мешала мысль, приписываемая мной внушению злого духа, мысль, что мой первый мученический подвиг будет изображен Калистовым с самыми реальными подробностями: с паром, несущимся из сенок, из которого он сделает облака, окружающие всегда мучеников; из служительского же фартука, надеваемого осужденными на эту операцию, он сумеет сделать епитрахиль.

Робко забилось мое сердце, когда, поднявшись на ректорское крыльцо, я столкнулся с выходящими от него семинаристами; на людях бы и смерть красна, но в передней его я застал еще порядочное количество всевозрастных юношей.

Ректор читал нагоняй кому-то неуклюжему философу, с каждою фразою спадая со своего грозного тона — и конец нагоняя: «ну ступай, да смотри у меня, исключим» был уже сказан совершенно апатично.

— А ты зачем? — обратился он к следующему, совершенно возмужалому богослову.

— За проповедью.

— А! Ну сейчас...

Он ушел и вышел с проповедью.

— Слишком снисходительная рецензия, балует вас Иван Терентьевич слишком, слишком... «что ни слово, то мысль, что ни мысль, то бисер». Слишком снисходительно. В проповеди больше значит Слово Божие, чем мысль человеческая... Ну иди, Бог тебя благословит...

— А ты, — обратился он к философу, — задачи не подаешь... Наставник жалуется, — и он уже совершенно апатично принялся толковать о необходимости подавать задачи. Наконец нас осталось только трое.

— Ну, ты что?

— День моего ангела, позвольте в церковь.

— Иди, а ты?

— День моего...

— Тоже... Ну иди... Да после обедни в классы... А ты тоже именинник?

И прежде чем я успел победить злого духа, соблазнявшего меня промолчать, и решился возразить и объяснить причину моего прихода, ректор уже решил:

— Ну, иди и ты, и скажите цензору, что уволены к обедне.

Я вышел торжествующим: не знак ли это для меня высшего покровительства, против которого и ректор не может ничего поделывать! Я упустил только из виду свое умолчание пред ним.

Простояв в церкви, просидев затем следующую переме-

ну, я отправился домой и нашел на своем столе только что полученное от отца письмо: первое длинное письмо, какое только пишут к взрослому.

«Милый Миша, наконец я в Ялуторовске, и до сих пор не огляделся; думы тяжелые, которые преследовали меня в Тобольске, не оставляют еще и здесь. Проклятая комиссия, о которой стараешься забывать наяву, видится во сне. Во многом приходится заводится снова, и проданное за полцены покупать по настоящей.

Вечером я приехал, а утром на другой день получен в Правлении указ из Консistorии вследствие предложения Владыки. Из этого указа видно, что я главный виновник раскольнического возмущения в Ялуторовском округе, что я отдан под строжайший надзор и об этом дано знать по всей епархии. По этому случаю я отослал к архиерею оправдательное объяснение; копии с этого же объяснения при письме послал жандармскому чиновнику, у которого я пред отъездом из Тобольска был по случаю напоминания мне архиереем, чтобы я приготовился к объяснению по

раскольническому делу, и из выписки, данной мне для прочтения, увидел, что какой-то из отступившихся в раскол сказал: о притеснениях от священников жаловался протопопу, и он обещал сих священников сместить. Жандармский чиновник сказал, что обо мне и помину не было, показал мне вывод из дела, где об этом тоже нет ни слова, сам ездил к архиерею и спрашивал у него: с чего вы припутали к делу Знаменского, он так же прикосновен к делу, как и я. Все это он передал мне, так что указ этот был сюрпризом для меня. Понимая, что все это не что иное, как отрывка и следствие нашей комиссии, я решился то же самое объяснение и указ Консistorии послать при письме Обер-прокурору вроде явки на будущее время».

Письмо это я перечитывал несколько раз, и после каждого раза костюм мой в виде рясы исчезал от меня. И с этих пор

— Отчего этот цветок юстицией назван?

— А крючки-то видите?
(Маляр. 1877. №11. С. 89)

Калистов опять мог рисовать мой профиль с надеждой постигнуть тайну патриотического моего взгляда, бродящего по классу с пожеланием выцарапать кому-нибудь глаза.

Узнавши об этом казусе, Ф. Визин бросился к жандармскому полковнику и рассказал ему его.

— Ну, вы мне не новость рассказываете, я раньше вас узнал, какой сюрприз готовит Консистерия своему следователю. Был по этому случаю у архиерея и говорил с ним, он мне сказал: успокойтесь, я это дело хорошо давно знаю.

— Но, однако, видите, чем оно разыгралось?

— Да, вижу, и так его не оставлю, попросите кого-нибудь, кто имеет право переписываться, — значительно улыбнулся он, — известить вашего знакомого протоиерея и посоветуйте ему послать подробную записку в Синод, а я с этою же почтой напишу шефу.

Чтобы впоследствии опять не возвращаться к этому делу, я забегу вперед и сообщу, что бумага полковника свое дело сделала — решением Синода отменено было постановление Консистерии, дело вытребовано в Петербург. Микульский ушел в страны отдаленные — члены Консистерии смещены и заменены новыми.

Между тем время идет своим чередом, ему нет дела ни до каких ревизий, смещений и за-

мещений, оно совершает свои операции над всеми смертными, и захлороформированное человечество не чувствует этих операций. Коснется свежий воздух, придет в себя тот или другой и с ужасом заметит ущерб в себе: здесь отхвачен талант и дарование и взамен его деревяшка служебного долга; здесь высохло сердце и вместо пламенных стремлений к добру лежит запас эгоизма. И не узнают себя эти очнувшиеся. Благо, если еще иной вздохнет о прошлом, но мало таких, большинство иронически относится к прошлому и мирится с настоящим.

Много оно сделало нового. Знакомый нам поэт сокрушил свою лиру. Коронатов не скрежетает зубами, он женился и через пень-колоду исправляет пока свою учительскую обязанность: все его мысли и стремления на списках вакантных священнических мест. Он математически рассчитал, что учительского оклада на двух не хватит. Машенька Крайцева хандрит и разочарована, над ее темными бровями легла складка с тех самых пор, как блистательная блондинка Анненкова, с которой она была неразлучна на всех балах и торжествах, устраниваемых для прибывшей грозной силы, с кучей блестящей молодежи, исчезла из Тобольска, переменив свою фамилию на фамилию, носимую одним из этих блестящих. Хандрит ли

она по подруге? Жаль ли ей веселого времени, тех ухаживаний петербуржцев, удивлявшихся, что на болотистой почве Тобольска могли явиться с такими тоном, манерами и образованием, такие две девицы, как Крайцева и Анненкова. Кто может решить тайну сердца... Много оставила по себе следов эта плеяда грозных сил... Многие хандрили после них до того, что вслед за исчезнувшим князем начал исчезать почти весь алфавит правопроявляющих. Исчез из Тобольска и Калистов, хоть, разумеется, не вследствие ревизии — ему вышло приказание явиться в Петербург, и он уехал. Что же касается до меня, то время принесло мне сознание того, что вечно учиться невозможно, что век живи, век учишься — только говорится, на деле же не так... Год, два и три, а там и вышвырнут тебя из храма науки: дескать, ну-ка, братец, покажи, как хороший поп обедню служит, или как-де пишутся отношения, внушения и рапорты, или как играется сигнал: рассыпаться, молодцы, за камни и кусты... И, сознав такую истину, я принялся мучиться решением вопроса: что лучше выкинуть на широком житейском поприсе: показать ли человечеству обедню, или отношение, или же сигнал. И вдруг неожиданно-негаданно явилась в наше правление бумага: не желает ли кто по окончании учебных лет сообщать человечеству

о свекловице и севооборотах, о грызунах, о почве и подпочве — таковых желающих милости просить пожаловать туда-то. От этой бумаги екнуло сердце, так на меня и повеяло родными липами, только что оттаявшею разрыхленной землей, запахом цветов и скошенного сена, словом, всеми прелестями домашней ялуторовской жизни. Я готов был закричать «Эврика» и лететь летом туда, в это далекое местечко, где преподается вся эта мудрость, и к довершению счастья приглашали даже философов.

И я улетел... Все вышепрописанные личности исчезли из глаз моих, но не из привыкшего к ним сердца, и часто вставали они передо мной чуть не в реальной ясности — особенно при получении писем с родной стороны, где говорилось о них. Отрывки из этих-то писем пусть и послужат заключительным сказанием о них.

После 2-го письма:

«Я и Петр Семенович, — пишет Михаил Александрович, — ездили в Подрезово к Татьяне Филиппевне. Она выстроила, наконец, свою небольшую церковь, туда же едет и архиерей для обозрения состроенной ею пока церкви, которую, может быть, и сделают приходскою, и тогда Татьяна Филиппевна будет искать своего священника. Там мы угощали архиерея, и ему очень понравилась совсем выстроенная цер-

ковь, и он очень хвалил ее. Понравилось ему и бургонское. Архиерей познакомился с Татьяной Филипьевной — посетил ее келью, много с ней разговаривал и наконец дал ей урок пения — сам пел: Ил, ре, ми, фа и пр. Ее заставил повторять за собой — оба пели вместе. Татьяна Филипьевна в восторге от Владыки, к которому подводила под благословенные всех своих многочисленных крестников. С архиереем была она *comme deux sœurs** и не нарадовалась на него. Старуха мать ее заметила ему, что с тех пор, как стоит мир, Подрезово удостоилось в первый раз посещения архиерея. Церковь вышла прекрасная, и П.С.**, сделавший план, сам радовался на свое произведение». И грезится мне рельефная фигура Михаила Александровича, и я читаю на его симпатичном лице окончательное отрешение от всего земного со смертью последнего его сына. Да, пожалуй, что ничего больше и не осталось, как религия и мечта обнять брата.

Через полгода я опять читаю продолжение его истории. «Михайло Александрович и Наталья Дмитриевна, — пишет мне отец, — в большом горе: пришло известие, что меньший и последний сын их скончался. Сильно поразила эта весть всех. Мих. Ал. сильно переменялся,

Нат. Дмитр. хотя бодр духом, но что-то подозрительно. Тебе кланяются, для них очень тяжело — помер и последний сын. Они приехали в Ялуторовск, хотя сколько-нибудь освежиться и развлечь или разделить свою грусть. От них я узнал, что будто бы от Владыки требуют объяснения: на каком основании он сделал обо мне распубликование». — Еще немного читал: «Владыка наш перешел на вечный покой. Михайло Александрович возвращен, но после радостного известия о возвращении началась тревога. Знакомые с родной стороны известили их о тяжелой болезни брата Мих. Алекс. Это известие встревожило и побудило Мих. Алекс. отправиться на родину одному. За два часа до отъезда своего он получил письмо от брата, который успокаивает его, что ему легче — пишет сам, рука тверда, но не смотря на это он все-таки отправился один. По дороге заезжал в Ялуторовск проститься с родными по душе товарищами своей прошлой тяжелой жизни — быть может, навечно, и всех порадовал известием, что его брату легче. Одно у обоих в этой жизни оставалось утешение — обнять друг друга, поговорить, пожить вместе. Известие и надежда ободрили старика, он едет, по-видимому, спокойно. Но далеко ли это отрадное из-

* Душа в душу (фр.). — Прим. Н. Горбачевой.

** П.С. Бобрищев-Пушкин. — Прим. Н. Горбачевой.

- Вот, Прохорыч, все думаю: найти бы мне денег да представить в полицию, говорят, третью часть дадут...
- Вздор какой! Я редкую ночь не нахожу пьяных членов клуба и представляю в полицию, а ни одной ночи не получил не то что третью часть.
- (Маляр. 1877. №11. С. 89)

вестие об облегчении брата от болезни будет сопровождать, один Господь знает и сердце вешее. После его отъезда Василий Карлыч* получил письмо от сына, что брата Михаила Александровича уже не существует на свете, это же известие послано и в Тобольск, и, вероятно, Нат. Дмит. взраз отправится догонять мужа, за которого она, по письмам, сильно опасается: так судьбы Божии неисповедимы, и крест, который они несут, верно, будет сопровождать до конца их жизни; на месте родины одни могилы, родных нет, близких сердцу, с которыми могли бы поделиться чувствами, нет, а тогда что и родина, коли нет друзей? Но Господь знает, что делает, наша обязанность покоряться Его святой воле».

С этим письмом было вложено другое, от сестры. «Скоро ли ты, Миша, окончательно выучишься и явишься сюда.

Наш Петр до сих пор не верит, что ты уехал так далеко учиться тому, как землю пахут да хлеба сеют, нет, говорит, такого училища и быть не может, где бы мужики учили, а когда ему начали объяснять, что этому учат не мужики — он хохочет, много, говорит, смыслят в этом деле господа, все вы, говорит, надо мной смеетесь и не хотите сказать, зачем Миша уехал. Он тебя все Мишей, как маленького, зовет, — такой смешной — и с того горя, что мы ему не сказываем, пошел и напился. Право, приезжай поскорее, последнее время в Ялуторовске скучно. Иван Матвеевич сердится, ни с кем не говорит, — точно в могиле у них. Люблю только слушать, когда он вечером в сумерки играет — слушаю, даже страшно делает-

* В.К. Тизенгаузен. — Прим. Н. Горбачевой.

ся. Такая смешная Василиса Александровна, только и твердит нам, чтобы мы не влюблились. Раз за столом Жени попросила огурца, а ей говорю: ты уже брала, а она говорит: я очень люблю их. После обеда и напустилась на нас Василиса Александровна, что у нас только и речи, что одна любовь, потом пожаловалась на нас.

Я теперь чин получила — по окончании курса в нашем ланкастерском училище нас экзаменовали смотритель со всеми здешними властями и нашли наши способности достойными, чтобы нам дали право обучать других. Послали к архиерею, и он выслал нам 12 больших аттестатов и назвал нас домашними учительницами».

Предо мной лежал еще замасленный конверт, по небрежно артистическому почерку я тотчас же узнал своего приятеля Калистова.

«Итак, я кончил свой курс, но вместе с тем покончил и свое стремление быть великим светилом, учили нас, главным делом, иконописанию — рисование как контрабанда преследовалось. Один из учащихся здесь, талант почище твоего покорнейшего слуги, рисовал тайком с натуры и нарисовал сторожа с щеткою — такую прелесть, что не оторвался бы. За этим делом застал его ректор, взял подвернувшийся ножик, разрезал картину, да и в печь — рисуй-де иконы. Но

теперь уже не так строго — даже раз натурщика позволили нанять, и иконы яичными красками отошли на второй план; но все это тебе не интересно, — а дело в том, что я в себе разочаровался. С чего бы я не рисовал, все у меня какое-то смешное выходит, да и сам я смешной, особенно в форменном длиннополом сюртуке, шлепающем по пятам; когда выхожу из своего заведения и иду по Невскому, то при начале этой улицы есть москательные лавки, и купчики при виде моей фигуры никак не удержатся, чтобы не засмеяться и не затынуть вполглотоса «Иже Херувимы» или «Господи помилуй» — и мне самому делается смешно и хочется подпеть им. Учиться бы много надо, и мне позволили, если хочу, остаться и по окончании курса и учиться, я обрадовался, не спал целую ночь, мечтал и думал, думал и мечтал, а утром пошел к ректору и просил его отправить себя поскорее в наш милый Тобольск — тоска взяла, хочется посмотреть скорее, как мой батька старик орарем орудует да паки, паки покрикивает, да материнского жирного печенья захотелось. Все равно великим светилом мне не сделаться и премника Брюллова из меня не выйдет. Итак, в Питер больше не пиши мне, а приезжай поскорее в Тобольск, ты будешь орать землю, я рисовать и орать

различные канты прелюбезно, и оба вовсю будем хохотать».

Наступило время, когда я мог написать своим родным, чтобы они не писали мне больше, что я еду! Еду! Кто, сорвавшись со школьной скамьи, мчался в свою родную Палестину с целью служить, прилагая приобретенные познания и запас благих намерений на пользу человечеству, — тот пусть вспомнит это время и избавит меня от описания дороги — нахлынувшие на меня восторженные мечты о будущей деятельности и робкое негодование при виде встречающегося зла и угнетения, утоляемого только колотью в боках от быстрой неустанной езды. Вот в таком-то бокоболящем состоянии в один осенний вечер пользовался я минутным отдыхом, когда мою телегу перевозил паром через небольшую речку; до предполагаемого ночлега захолустного городка было верст 5. Под влиянием ожидаемого отдохновения я дал депутату от перевозчиков, заявившемуся с просьбой на калачики, несколько мелочи. Подачка эта, вероятно, превзошла их скромные ожидания, и они всей гурьбой бросились к телеге, чтобы вкатить ее на крутой берег, ухнули разом, и телега разом была наверху — только от излишнего усердия лопнула ось, и заднее колесо меланхолично отправилось обратно к парому. Начались ахи, охи, почесыва-

ние различных частей тела, мало помогающие делу, брань ямщика на излишнюю ревность. Из этой брани я заключил, что ямщик мой — человек энергичный и, если вполювину будет находчив столько в деле, сколько был находчив в подборе язвительных слов, то дело устроится и без меня; я оставил его попечению искалеченный экипаж и уселся на берегу утешать себя мыслию, что еще сутки двое-трое, и все эти дорожные невзгоды минуют меня, я буду на месте, на своей родной почве, и знакомые фигуры гирляндой потянулись перед моими слипающимися глазами, в ушах слышались знакомые речи.

— А как бы, ребята, вы перевезли меня или дали бы лодку переехать на тот берег, — раздался за мной мужественный голос, заставивший меня обернуться от реки. На золотистом фоне неба от закатающегося солнца вырисовывалась темная могучая фигура, сорвавшаяся со страниц какого-нибудь иллюстрированного немецкого издания — фигура странствующего бурша. Заметив дымок от моей папиросы, странник набил свою буршевскую трубку табаком из висящего на пуговице кисета и подсел на берег.

— Позвольте закурить. Что это вы так смотрите?

— Извините, пожалуйста! Ваш голос, лицо, удивительное сходство!

— Ваша фамилия?

Я сказал.

— Ну так никакого сходства нет. Здравствуйте, я и есть Коронатов.

— Каким образом? Как? Куда? — засыпал я его вопросами, пожимая его черную, загоревшую широкую руку.

— По образу пешего хождения на Кавказ марширую.

После маленькой беседы я высказал ему следующее предложение:

— Иван Терентьевич, ночь придется вам провести в деревеньке, где вряд ли найдете кружку молока на ужин. Сделайте же мне удовольствие следующего рода: поедемте назад в городок, а завтра утром вы с этим же ямщиком двинетесь опять вперед — это вам ничего не будет стоить. Мне, видите ли, хочется отпраздновать свое вступление в жизнь с вами.

— Bene!* Согласен, но, кроме празднования, рюмка или две водки ничего еще, а от всего прочего отказываюсь.

Осмыслив на этот раз свое желание быть поскорее в захолустном городе, я подошел узнать о результате, вытекающем из хлопот и брани ямщика. Коронатов, узнав, в чем дело, отодвинул мужика, взял у него топор и принялся орудовать им с ловкостью, заслужившей одобрение даже перевозчиков.

Вот бы, думалось мне, отличный Калистову натурщик

для картины Петра, работающего на верфи. Работа между тем кипела так, что через пять минут мы могли двинуться к ночи.

В маленькой комнатке какой-то вдовицы, пускающей проезжающих, мы беседовали с Иваном Терентьевичем.

— Если я сделал пять верст назад, то именно сделал это из любопытства, хотелось пораскусить, что из вас вышло.

— Ну, и что же из меня вышло?

— Да особенно ничего — нового человека не вышло. Специалист вышел, да это, пожалуй, и хорошо. Специальность отвлекает человека от человеческих вопросов — а это и спокойнее.

— Ну, однако, ведь это вы ругаетесь.

— Будто бы! Ну так как знаете, а нового человека я уж где-нибудь да встречу.

— Не теряете надежды?

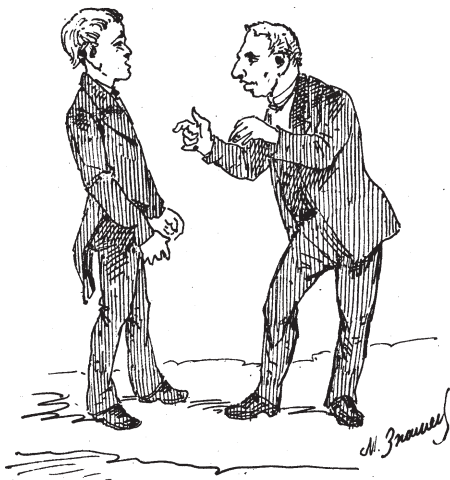
— Не теряю. Тогда только и скажу: ныне отпускаешь раба твоего, Владыко. Ну да дело не в том. Я сказал, зачем я сделал оборот назад — из любопытства, а вы меня уговорили на это тоже из любопытства отчасти. Постараюсь удовлетворить, слушайте. А слывно развалиться этак и проповедовать.

И он развалился на голые доски дивана, подложив под свою голову свой походный ранец и начал:

* Хорошо (лат.). — Прим. Н. Горбачевой.

- Ну, и ограбили? Да ты бы кричал...
- Я кричал «караул», и ни одна душа не показалась.
- Зачем «караул»? А тебе бы крикнуть: «Кто желает выпить на даровшину!»». Со всех бы частей сбежались.

(Маляр. 1877. №46. С. 367)

— Надо вам знать, милостивый государь, что в эту могучую шкуру, прикрывающую железные мускулы, с самого детства вселились два беса: один тщеславный, как монах, другой благоразумный, как немецкий философ, и с самого первого дня, как они перебрались на эту даровую квартиру, началась между ними пикировка, — а за их дразги отвечает ваш покорнейший слуга своею шкурою. Бесплезно бы скрывать от вашей пронизательности, что мозгом меня Господь не обидел — перед вами лежит олицетворение мудрого классического изречения: *mens sana in corpore sano**. Бес тщеславия погнал меня из бурсы в академию, с богопротивной целью сделать из меня магистра и бакалавра, но бес здравого смысла не дремал и в сознании всей тщеты мирских титулов начал выкидывать презанимательные коленца, так что академические власти, родственные по духу первому мое-

му духу, пришли в ужас — поспешили дать мне кандидата и столкнуть в вашу...** Сибирскую семинарию. Похождения мои там вам уже известны. Я начал было праздновать со своим скромным духом победу над врагом, но тот, каналья, не дремал, только я, измельчав в провинциальной жизни, не замечал его подходов. Но я вам, милостивый государь мой батюшка, буду просто рассказывать факты, а вы уж сами там разьясняйте, что сделано под влиянием одного, что сотворилось под влиянием другого. Итак, задумал я идти в попы, и сделали меня попом. Уехал я в степь к казакам, и жили-поживали мы там ладно, только явился обозревать нашу мест-

* В здоровом теле здоровый дух (лат.). — Прим. Н. Горбачевой.

** Слово в рукописи разобрать не удалось. — Прим. Н. Горбачевой.

ность генерал-губернатор. Генерал этот был прозван одним ученым естествоиспытателем шкафом с учеными книгами, перевернутыми вверх ногами. Действительно, человек этот и по-латыни болтал, и с медиками о самых специальных вопросах спорил, и в генерал-басе основательные познания оказывал. Представилось ему все наше станичное начальство с разными ординарцами и разными штуками, а вслед за ними и я пошел.

— Кто вы такой?

— Такой-то, — говорю.

— Почему вы не являлись вместе с другими?

— Да не желал, Ваше ваше-ство, портить своим непрезентабельным костюмом блестящего представления. — Сдвинул брови, повернул налево кругом и двинулся от меня прочь, но раздумал. Где, — говорит, — вы воспитывались? — Там-то. — А какого сегодня святого? — Признаюсь ему чистосердечно, что не знаю. Ну и пустился он меня распекать. Нужно отдать справедливость, говорил ладно и окончил свою аудиенцию самой круглой фразой. На другой день являюсь к нему опять.

— Что вам еще надо?

— Имею просьбу до Вашего вашества.

Сморщился.

— Собственно, — говорю, — просьба эта не как к генерал-губернатору, для подобных вещей у нас есть свое началь-

ство и свои инстанции, а обращаюсь к Вам, как к единственному в этом краю просвещенному и образованному человеку, — расцвел.

— Да, мол, готов, что могу.

— Пишу-де я историю этого края, но так как история в этом крае делается собственно начальниками, то мне желательно получить сведения: кто был первым генерал-губернатором?

— Этого, — говорит, — я не знаю, но справлюсь и доставлю вам сведения.

Я поблагодарил его и попросил разъяснить мое недоразумение: каким образом он — генерал-губернатор и не знает, кто был первым генерал-губернатором, когда их было, может, только 5-6 человек, а требует от священника, чтобы он знал имена всех святых, когда их тысячи.

Ученый генерал не захотел метать передо мной бисера; а месяца через два меня турнули в другое место. Не буду утруждать вашего внимания этнографическими данными об этой местности, скажу только одну его характеристическую черту: начальство, из опасения, чтобы существующая там команда не сгорела с вина от первого начальника до последнего казака, — отдало приказ, ограничивший продажу вина известным количеством ведер. Не помню этого количества теперь, но оно было очень достаточно

для того, чтобы все жители могли быть в пол-пьяна ежедневно. И что же? В первый же месяц было забрано вперед чуть ли не за полгода. Вот сюда меня и толкнули. Как я тут жил, право, сказать не сумею. Место самим Господом Богом было так устроено, чтобы пить, играть в карты, ссориться и без всякого сожаления оставлять сей свет. Все первое делал я, последнее сделала жена моя. Прожил я после нее еще около года. Летом на охоту ходил, зимой за дровами ездил один в такие трущобы, что пьяное казачество глаза пучило и предсказывало мне смерть неминуемую или от киргизов, или от медведей, или от буранов. В один день я получил согласие на мою просьбу перебраться в другую епархию в качестве смотрителя духовного училища. Угостил на славу своих собутельников и расстался. После подобной трущобы губернский город показался мне раем. Сошелся кое с кем из порядочных людей, тут встретился с одним господином — это было законное продолжение незаконных 25 годов, но уже поглубже, даже замечались в нем зачатки нового человека. Так-то я жил да поживал, да вдруг и надумался: чем быть мне смотрителем училища, не сделаться ли ректором семинарии, а потом Архиереем. Не боги же горшки обжигают.

— Это в Вас бес-то тщеславия заговорил?

— Ну, ну, он самый, и что же вы думаете? Прельстил ведь, каналья. Подал просьбу: желаю, мол, ангельского чину. Все пошло как по маслу, назначен был и день пострижения. Но тут другая-то каналья сыграла со мной штуку — убедила меня пригласить всех съехавшихся на торжественное мое пострижение иноков. Ну ночь-то пробеседовали, а к утру отцы оказались никуда не годными и прилегли отдохнуть. Утром Владыка кого ни хватится, никого нет. Бросились ко мне — в роде если не семи спящих дев, то около дюжины высыпающихся девственников.

— Повремените, — говорю, — дух бодр, но плоть немощна. Отложили день моего пострижения и постригли.

— Так вы монах?

— Да-с, иеромонах Ионикий. Ну-с, хоть и постригся, но уже вижу, что ректором, а тем паче Архиереем мне не бывать, я и подался во флот. Принимаем, говорят, но явитесь на свой счет. Вот и иду на свой счет, давно уже иду. Поговаривают, что война будто бы начинается, поспеть бы. Не слышали ли?

— Да, говорят, будто бы турку колотить будут, но, право, верного ничего не знаю.

— Так-с, ну да ведь это до почвы, до удобрений и до химии не относится. Вот она что значит, специальность-то. Ну, да я не унываю, вся эта шелуха с Вас еще сойдет, по самой

этой специальности Вы стоите поближе к народу. Что и давай Вам Бог... Ну-с, прошел я и Тобольск ваш, разумеется, инкогнито. Там теперь царят если не новые люди, то новые силы, которыми так некогда Ф. Визин восхищался. Что-то он теперь подельывает — это милое дитя.

— Дитя!

— Ну да, дитя — именно такое, каким Христос желал, чтобы все люди были. Ну-с, так это новые силы очистили и сами осели в ней.

— Ну и результат?

— Гонения, батинька, на взятки, ревностно взялись за дело и пошадны не дают; поймают взяточника — и капнут, поймают блоху, сейчас же ей в рот персидского порошку, как кто-то благоразумно советовал, ну и результат такой же. А так как эта сила состоит из баричей, то для ворочания бумажного кома требуются силы черноземные, такие находятся между прочим из бурсачьего сословия, и выходит ничего, рабочие хоть куда. Тобольск эдаким полированным выглядит. Но не думаю,

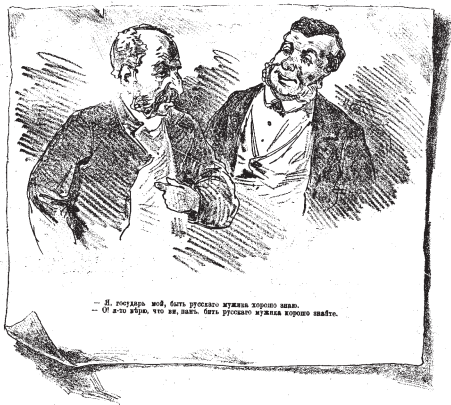
чтобы эти новые силы тут долго просидели: выслужат возможность попасть на такие же места в других губерниях и исчезнут. Птицы перелетели. Да если еще наши общие знакомые улетучатся, то нельзя будет позавидовать вашему местопребыванию, останется одна подьяческая атмосфера.

— Бог милостив, других нашьют.

— В этом, конечно, нечего сомневаться, только другие-то просветителями не будут.

— Почему это?

— А, батенька, век не тот — теперь уже люди капитальные да аристократы в эту петлю не полезут — нет уж, дудки. А какой, спрашиваю я Вас, могут иметь авторитет в каком-нибудь губернском городе люди без вышеупомянутых атрибутов? Ну, однако, я сообщил Вам про прожитое, извольте-ка Вы, человек вступа-

— Я, государь мой, был русского мужика хорошо знаю.
— О! Я-то верю, что ви, пан, быть руссаго мужика хорошо знайте.

— Я, государь мой, был русского мужика хорошо знаю.
— О! Я-то верю, что ви, пан, быть руссаго мужика хорошо знайте.

(Маяр. 1878. №7. С. 57)

ющий в жизнь свою, речь держать про свои будущие планы.

— Мои планы? Какие же мои планы — передать семинаристам хоть половину той любви к своей специальности, какая есть во мне, и выпустить таким манером в село апостолов, которые будут полезны людям, ведущим свое хозяйство по допотопному манеру.

Коронатов свистнул.

— Мостите, батенька, мостите.

— Что мостить?

— Да дорогу-то в ад, благими намерениями ведь она умощена.

Глаза мои слипались, после двух-трех несвязных фраз я замолк.

Звон колокольчика и лошадиный топот заставили меня открыть глаза. Я соскочил с привычным стремлением садиться в телегу и ехать дальше, но взгляд в окно напомнил мне вчерашнее. Коронатов садился в экипаж. Увидев меня, он подошел к окну.

— Не хотел Вас будить, сладко так спали, ну прощайте.

— Прощайте, не знаю, право, чего бы вам пожелать.

— Самое лучшее — не тряской дороги.

Звякнул колокольчик, тронулись лошади, и Коронатов скрылся.

Возвращение Михаила Знаменского

Мы живем в эпоху ренессанса истории. Тезис этот уже несколько лет воспринимается как досужее общее место. Вот только менее справедливым он от этого не становится. Последние полтора десятилетия дали примеры такого обильного возвращения дат, событий, фактов, названий, книг, которые сравнить не с чем. Все больше и больше доказательств, что «история рождается из ошибки симпатий, антипатий, самолюбий, претензий — из ошиб-

ки характеров живых людей» (Я.А. Гордин). Нужно только вернуть их из тьмы былого — эти характеры, имена, «лицы» (так говаривали во времена человека, о котором пойдет речь).

Справедливо ли говорить о возвращении Михаила Степановича Знаменского (1833—1892)? Ведь сведения о его жизни, не в пример многим нашим землякам прошлого века, можно найти в Биографическом словаре русских писателей. Имя Знаменского — педагога,

рисовальщика, журналиста, литератора — во все годы меньше или больше, но было на слуху в нашем крае.

Всякий знающий о «ссылочных невольниках» 14 декабря знает и об их сибирских учениках и воспитанниках: М. Францевой, О. Балакшиной, П. Свешниковой, детях протоиерея С.Я. Знаменского, среди которых и Михаил. Мальчиком он получил первоначальное образование в семействе М.И. Муравьева-Апостола, продолжил его в ялуторовском уездном училище. Из Тобольской духовной семинарии в 1851 году был отправлен декабристами-тоболяками в Петербургскую образцовую духовную семинарию. Декабристы «пустили его по дороге жизни», помогли выявить талант, ободряли в занятиях рисованием и радовались успехам. Свидетельством душевной близости наставников и подопечного стала поездка Знаменского по окончании курса в столичной семинарии в подмосковное Марьино, где еще до общей амнистии позволено было поселиться М.А. и Н.Д. Фонвизиным. В письмах М.А. Фонвизина находим подтверждение «большой радости любоваться и беседовать» с молодым человеком, который навестил поднадзорных в сентябре 1853 года. Вернувшись из ссылки, Фонвизины «застали на месте родины одни могилы, родных нет, близких сердцу, с коими

могли бы поделиться чувствами, нет, а тогда — что и родина, коли нет и друзей» (из письма С.Я. Знаменского от 25 апреля 1853 года). Именно друзья и явились в это «тихое и уединенное житье» в лице М. Знаменского и сыновей И.Д. Якушкина. Встреча с этими «молодцами» — веселыми, энергичными, открытыми — была тем более отраднa, что Фонвизины еще не оправались от недавней трагической утраты — смерти обоих сыновей, надеждой свидеться с которыми жили все годы каторги и ссылки. В дни этого визита Знаменский рисовал Михаила Александровича, а затем отправился на родину «как живая грамота о житье-бытье» Фонвизиных, тосковавших по сибирским друзьям. Служа по возвращении в Тобольск учителем рисования в духовной семинарии и Мариинской женской школе, М.С. Знаменский переписывается с декабристами, собирает архив — письма декабристов к членам семейства Знаменских и другим лицам. Позже он частично публикует их и на их основе составляет своеобразную хронику жизни Н.Д. Фонвизиной в 1839—1859 гг.

Благодарной памятью о духовных наставниках вызваны к жизни и литературные произведения М.С. Знаменского, посвященные декабристам. Одни из них, по его собствен-

ным словам, являют собой «правдивое сказание без прикрас искусства» («Поездка в Марьино», биографические очерки «Иван Дмитриевич Якушкин» и «Наталья Дмитриевна Фонвизина», воспоминания «Детство среди декабристов»). В других доля «прикрас» очевидна («Исчезнувшие люди», «Тобольск в сороковых годах»).

Эти произведения, а также те, что представляют автора как историка края, в самое последнее время стали доступны любознательному читателю — тому, который, как верил М.С. Знаменский, может быть, и «вдали от родины, в более чистой атмосфере труда и науки <...> начинает чувствовать свою кровную связь с городом (добавим: и краем — Н.Г.) и дорожит всем до нее касающимся». Встрече со Знаменским-беллетристом, мемуаристом, историком помог состояться выход в свет тома его прозы «Исторические окрестности города Тобольска» (Тюмень, 1997). Попыткой своеобразной «реконструкции души» Знаменского-человека и художника является вступительная статья к сборнику, принадлежа-

щая литературоведу и критику В.А. Рогачеву. Всякий, кому интересен символ веры М. Знаменского, найдет в ней содержательный материал для размышления. Сборник, вошедший в серию «Невидимые времена», на сегодня самое полное и единственное собрание сочинений писателя.

Читатель держит сейчас в руках журнал с первой публикацией повести М.С. Знаменского «Пятидесятые годы в Тобольске»*. Чуть не полтора века разделяют создание текста и его встречу с читателем. Но возвращение произведения состоялось, а значит, возможен диалог с художником из-за ста лет. Теперь каждый из нас, подобно известному литературному герою, может с полным правом заявить: «Когда я встречался со Знаменским, он мне сказал...». Справедливость, однако, требует отметить, что сегодня в диалоге, пожалуй, рождается больше вопросов, чем дается ответов. Вопросы касаются и творческой истории текста, и состояния рукописи, и содержания произведения.

Так, только предположительно можно датировать текст 70-ми годами прошлого века.

* Круг исторических имен и обстоятельств в повести М.С. Знаменского близок к тому, который очерчен в опубликованных журналом «Лукич» мемуарах К.М. Голодникова «Декабристы в Тобольской губернии». Поэтому считаем возможным, не повторяясь, отослать читателя к биографическим и другим комментариям к этому тексту (Горбачева Н. В потомках ваше племя оживет // Лукич. 1998. № 4. С. 87—120) и к повести «Тобольск в сороковых годах» (Рогачев В. Комментарии // Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. — Тюмень, 1997. С. 373—376).

Когда точно началась и закончилась работа над произведением, специалистам еще предстоит выяснить, обратившись, возможно, к письмам Знаменского или отыскивая свидетельства современников. Но чьи, где, в каких архивах? Такой поиск кропотлив, и кто не побоялся его сложности?

В фонде М.С. Знаменского в РГАЛИ хранятся две рукописи повести «Пятидесятые годы в Тобольске». Одна — автограф самого писателя. Вторая, объемом в 100 страниц, переписана его племянницей — когда и для чего? Пометка на рукописи, сделанная другой (чьей?) рукой, указывает, что 11 октября 1936 года в Тобольске рукопись переменяла владельца, перейдя от Е.Н. Знаменской к И.С. Абрамову: почему, в связи с какими, возможно, драматическими, обстоятельствами?

В статье, посвященной М. Знаменскому в Биографическом словаре русских писателей, отмечается, что РГАЛИ располагает только «главами из повести». Действительно, в рукописи выделены и пронумерованы лишь первая и вторая главы. Но при этом текст, безусловно, завершен: сюжет исчерпан, переписчица крупно выводит на последней странице: «Конец». Что же не позволило разбить на главы вторую часть рукописи, объем которой много больше первой?

Вряд ли недосмотр или небрежность переписчицы... Для текстолога первая публикация повести открывает широкое поле деятельности.

Свои вопросы, наверняка, появятся не только у специалиста, но и у внимательного читателя, хоть немного знакомого с исторической основой произведения. Так, одни исторические герои выведены в тексте под собственными именами: Фонвизины, П.С. Бобрищев-Пушкин, Оля Анненкова, Иван Иванович (Пушин). Другие, столь же реальные, лица, — под прозрачными, легко раскрывающимися псевдонимами: Машенька Крайцева — это, конечно, воспитанница Фонвизиных Маша Францева; Вильгельм Карлович — вовсе не Кюхельбекер, а барон Василий Карлович Тизенгаузен; Т(Ф)еоза Филиппевна — это Татьяна Филиппевна Земляничина и т.д. Почему же так? Чем дальше от предельно индивидуализированного колоритного характера к типу или к герою-функции, тем «гуще» псевдонимизация? Возможно, и так. Небезынтересно, кстати, чьей (явно не одной) рукой и когда (явно не в одном веке) в рукописи расшифрованы некоторые псевдонимы и почему это не сделано со всеми?

С другой стороны, всегда ли необходима такая расшифровка? Думается, больше не прав был тот, кто, пройдясь по ру-

кописи повести, решительно везде зачеркнул имя главного героя Гриши Земляницына, вписав сверху «Миша Знаменский». Земляницын, безусловно, герой автобиографический. Автор этого и не скрывает, иначе не включил бы в текст отрывки из писем, в действительности адресованных самому Знаменскому, не передал бы герою свои собственные семейные и дружеские отношения, мнения, симпатии и антипатии. Вместе с тем автор столь же очевидно дистанцируется от главного героя, лишая его самых заветных своих склонностей и талантов: Гриша рисовать не умеет, уроков живописи не берет, Тобольск ради столичного учения не оставляет. Эти обстоятельства помогают обнаружить редкую для мемуарно-биографической литературы примету прозы М.С. Знаменского: биографический автор под пером создателя текста буквально раздваивается. Грише Земляницыну в повести отдана история духовного созревания, пережитая реальным человеком Михаилом Знаменским — история того «роста», когда «оболочка благодушия <...> лопалась и разлеталась ключьями и из-под нее начал выказываться другой человек», который обретает и переоценивает идеалы, выбирает дорогу служения. А обстоятельства внешней жизни, определившие всю будущую профессиональ-

ную жизнь Знаменского-рисовальщика, карикатуриста, воплощены в сюжетной линии Василия Калистова. Это он открывает мир искусства, приобщается к ремеслу, учится в Петербурге, обнаруживая редкий дар видеть смешное вокруг и в себе самом, наконец, возвращается на родину, в «милый Тобольск».

Но есть еще и третье лицо в повести, которое прямо должно быть соотнесено с биографическим автором. Это рассказчик. Прежний идеалист, теперь набравшийся житейского опыта и горько «поумневший», ведет повествование о былом из-за нескольких минувших с тех пор десятилетий. И вновь мы видим удивительную для мемуаристики вещь. Главное качество рассказчика — безусловная «литературность». Он пребывает в системе ценностных представлений новой культурной эпохи — народнической, он владеет ее литературным языком, он видит реальную жизнь через призму русской литературы и, пожалуй, живописи: в его рассказе подлинные исторические лица — это одновременно и типы, пришедшие со страниц книг и с живописных полотен (отец — «подвижник», дядюшка — федотовский «офицер», члены консистории — перовские герои, соученики Земляницына — «бурсаки», которым несть числа в русской прозе 1860—1870-х гг., Опусов-

Коронатов — «чудак» и «странник» и т.д.) Зато мы не узнаем о рассказчике ничего из того, что вправе прежде всего искать в автобиографических мемуарах, а именно — фактов реальной жизни автора в новое время, оставшееся за границей фабулы: где он сейчас, кто он, что пережил, чем занимается, кто с ним рядом. Мемуарно-биографическая повесть Михаила Знаменского «Пятидесятые годы в Тобольске» меньше всего дает нам конкретных сведений о самом Михаиле Знаменском. Но парадокса в этом нет. Дело в том, что автор создает воспоминания, главные герои которых не люди и не обстоятельства их жизней, какими бы удивительными они не были, а «годы».

Это становится отчетливо ясно при сопоставлении «Пятидесятых годов в Тобольске» с предшествующей повестью «Тобольск в сороковых годах». Тексты роднит стиливое единство, образ рассказчика, общность героев. Во второй повести буквально «подхватывается» фабула первой: «Тобольск в сороковых годах» завершается счастливым обретением учителя живописи для Калистова, а «Пятидесятые годы...» с этой истории начинаются. Все это позволяет считать повести дилогией. Но столь же очевидно, что в главном тексты разнятся. Это главное — предмет преимущественного авторского ин-

тереса. В первой повести это нравы, домашний быт, сухая рутина учебных заведений, литературные и политические споры в губернском городе, вообще выражение которому придают прежде всего люди: тихий радетель за всех Павел Сергеевич Пушкин, фрондерка и подвижница Наталья Дмитриевна, умница и «иронистка» Маша Крайцева, глубокий, благородный Михаил Александрович Фонвизин и др. Все они вместе и есть Тобольск — не кусочек сибирского пространства, а живой, подвижный организм.

Вторая же повесть представляет собой прежде всего биографию времени. Это подчеркивает уже название произведения: при кажущейся похожести двух заглавий смысловой акцент во втором смещен в сторону временных характеристик («пятидесятые годы»). Авторское внимание сосредоточено на тех качественных изменениях, которые позволяют говорить о неотвратимом наступлении новой эпохи. Потому-то и расширяются в повести пространственные границы — действие охватывает не только Тобольск, Ялуторовск, но и Петербург, киргизские степи, сибирскую дорогу, путешествие «по образу пешего хождения» через всю империю на Кавказ, к южным морям и пределам. Эпоха вступает в права не на отдельном участке суши, а на просторах

всей России. Ее приметы — отчетливая смена вех, о которой говорит в повести Опусов-Коронатов: кончилось время «просветителей», капитальные люди и аристократы больше не сунут голову в петлю за благо ближнего. Место подвижников занимают «положительные» люди, исповедующие теорию пользы и конкретных, пусть малых, дел, которые способны принести скорые плоды. Но почему же так ироничен Коронатов, утверждая, что «апостольское служение» Гриши Земляничина на благо родной «почве» — это лишь вариант мощения дороги в ад? Почему уверен, что «специальность» только отвлекает от «человеческих вопросов»? И почему так критичен он к тем «новым силам», которые, служа за совесть, «отполировали» же прежний Тобольск? Только ли потому, что они — «перелетные птицы», подвержены соблазну и нуждаются в «черноземных» помощниках? Думается, что ответ на эти вопросы одновре-

менно объяснит и то, почему рассказчик в повести так рвется из нынешнего поумневшего времени в прошлое, не случайно ведь рассказ о давно прошедшем он ведет в формах настоящего времени: бывшее в сознании перекрывает настоящее, потому что явило такие образцы жизни, каким уже не повториться. Беда новой эпохи в том, что, сделавши ставку на «капитальность», она разминутась с идеалом человека и вынуждена заменять его идеалом идеи и дела. И сколько бы ни иронизировал Коронатов над «милым дитятей» Фонвизинным, такого воплощения идеала христианского человека в иные времена уже больше не найти. Впрочем, надеяться никогда не грех. Потому и оставляет автор своих героев на большой дороге в надежде честно послужить, с верой, что «новый человек уж где-нибудь да встретится». Открыто пространство поиска в повести. Открыто пространство и нашей встречи с Михаилом Знаменским.

Книжный проспект

Огрызко В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Биобиблиографический справочник. В 2-х частях. — М.: Концерн «Лит. Россия», 1998—1999.

До начала российских реформ историко-культурное изучение литератур народов нашего Севера и Дальнего Востока, биобиблиографические розыскания были на вполне приличном уровне. Что касается Сибирского региона, то еще в 50-е годы в стране была образована большая сеть гуманитарных НИИ в автономных республиках и областях с литературно-языковыми отделами, чья работа координировалась головным институтом в Новосибирском академгородке.

В состав довольно качественной академической истории многонациональной советской литературы, изданной в 70-е годы, тюменские северяне попали, но лишь в обзоры литератур Крайнего Севера. В этом отношении больше повезло якутам, алтайцам, бурятам и другим народам из автономных республик и областей.

Роль собирателя литературных сил писателей Севера, ко-

ординатора культурного взаимодействия взял на себя московский литератор и критик Вячеслав Вячеславович Огрызко. Помню, как еще в 70-е годы в «Комсомольской правде» он первым на весь Союз рассказал о замечательном прозаике ненке А. Неркаги. Все 90-е годы Огрызко неутомимо и полезно занимается культурным возрождением малых народов Сибири, пытаясь наладить контакты между расплодившимися ассоциациями северян, различными фондами.

И вот увидела свет его своеобразная энциклопедия литератур Севера и Дальнего Востока, настоящий научный и культурный подвиг, ибо в двух томах помещена развернутая библиография, представляющая панораму нелегкого пути этих литератур в XX веке. Отражено 320 имен — среди них и знаменитости, и те, кто напечатал в местной прессе лишь небольшие произведения.

В этом труде, помимо весьма содержательного и обширного очерка о становлении и развитии «малых» литератур, помещены библиографии коллективных сборников произведений писателей народов Севера и

Дальнего Востока, учебных хрестоматий, школьных программ и книг для учителя, список трудов об этих литературах. Есть и хроника важных событий общественно-политической и культурной жизни «малых» литератур, начиная с открытия петроглифов (наскальных рисунков) III тысячелетия до н.э. и заканчивая декабром 1998 года, когда ненецкий поэт Юрий Вэлла (Югра) получил международную премию «За подвижничество».

Труд Огрызко правильной назвать биобиблиографическим указателем, а лучше всего — энциклопедическим словарем.

Эссеистски-ассоциативный стиль, избранный Огрызко для персональных статей, — этакое свободное путешествие в жизненную и творческую судьбу писателей. Но жанр справочника в подобном случае требует точных и документированных хотя бы основных сведений о персонах. Так, из статьи о Р. Ругине мы не узнаем о дате его рождения, основных вехах биографии. Не совсем точно составлена справка о сборнике «Живая вода», изданном в Тюмени на хантыйском языке в 1963 году: отсутствует название книги на родном языке автора: «Лыланг ик» (Живая вода). Такая же история с названием «Еш патэмна вотас» (Метель на ладони) — Свердловск, 1982. В последнем сборнике неверно указано число страниц — не 64, а 78.

Конечно, это право Огрызко — давать свои субъективные вер-

сии творчества того или иного северного литератора, приводить краткие эмоционально-категоричные оценки. Ну не нравится Огрызко проза Р. Ругина. Но ведь много доброго сделал для местной культуры главный редактор журнала «Ямальский меридиан». И даже не это должно защищать Р. Ругина, а жанр книги, выбранный В. Огрызко: *справочник*. И, чтобы действительно соответствовать этому подзаголовку, в книгу должны были попасть работы критиков и литературоведов (Л. Полонского, А. Омельчука, О. Лагуновой и др.), которые положительно отнеслись к творчеству Р. Ругина. Зато в перечень публикаций попала история, рассказанная тенденциозным «Московским комсомольцем» о якобы увезенных Ругиным из Москвы чужих вещах. Так ли это? Ответить на вопрос мог только суд, которого не было...

Не могу умолчать и о переделках Огрызко, когда он хлестко «уделяет» повесть Ругина «Ранний ледостав». Сходство этой вещи с прозой о военном детстве П. Кила, В. Ледкова, В. Санги очень приблизительное. Лучше бы Огрызко вспомнил про «Ранних журавлей» Ч. Айтматова. Хотя бы потому, как она нашумела в литературе 70-х годов. Ругинская повесть вышла позднее. Видимо, здесь сыграл свою роль странный антисоветизм Огрызко, тотальное отрицание той части советской истории, которая связана с се-

верными народами. Я вовсе не сторонник видеть то время лишь в розовом цвете, и нашу семью не обошли сталинские репрессии. И все беды и драмы той эпохи мне известны не только из книг. Сам видел, как без попукуаний и надзора райуполномоченного русские женщины, старики и подростки впрягались и тащили по весенней пашне плуги.

Рано опалила война юношей ругинской повести, заставила взвалить на плечи тяжелые заботы своих отцов, ушедших на фронт. Долго и мучительно раздумывает председатель колхоза, прежде чем послать юных героев на лов рыбы. Иронически пишет про этих ребят Огрызко: нашлаповал Ругин повесть газетными клише, мол, ребята героически, изо всех сил тащили невода, разоблачали кулацких выкормышей Откуда это вы взяли, Вячеслав?! Там мрачные мужики, уклонившиеся от призыва, браконьеры, реально угрожавшие паренькам расправой.

В. Огрызко, очевидно, по своему прав в своем неприятии советского образа жизни. Но та новая идеология, которую он предлагает взамен, связана с антиисторизмом — сплошным разрушением и отрицанием прошлого. Мол, Советы разрушили традиционные северные ценности, заставили северян вымирать, споили их. А что в США? А если посмот-

реть статистику дореволюционной России? Могли бы тогда появиться Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги? Любой серьезный ученый скажет, что отношения богатых и бедных родов были очень сложными.

Не принимая творчество Ругина, не надо подводить под сие политическую базу. Мол, слишком долго провел он на работе в партийно-советских органах, запутался в двоедушии. Словом, персоналия про Ругина полна натяжек и передержек, во многом неаргументированных.

Необходимо уточнение и о дате смерти И. Юганпелика (указан 1991 год). Поскольку факт до сих пор не установлен, а некоторые источники считают, что поэт ушел из жизни в 1993 году, в справочнике рядом с датой смерти должен был быть поставлен знак вопроса.

В библиографию о Л. Тарагупте не попала повесть А. Родионова, напечатанная в одноименном альманахе салехардских литераторов «Под сенью нохарюха» (Тюмень: СофтДизайн, 1995), лучшие страницы которой посвящены северному писателю.

В библиографические списки не попало много публикаций К. Лагунова, А. Омельчука, Е. Зашихина и др. Да что там статьи! Не попала в библиографию и книга-эссе о современной тюменской литературе К. Лагунова «Портреты без ретуши» (Тюмень, ИПК ПК, 1994), хотя частично ее материалы упомянуты в рос-

писи сборника «Космос севера».

Не повезло и моим работам. В библиографию включены лишь небольшие газетные рецензии, статья об А. Неркаги. А вот серия обзорных очерков о тюменских писателях в журнале «Урал» конца 70-х—начала 80-х гг. «Чем крепче ветер» — об эпической мифологии северных поэтов (1977. № 5), о северной природе и человеке на Севере (1980. № 8) и др. — куда-то затерялась В брошюре «Страна Тюмения в региональной литературе после 1985 г.» (Тюмень: Знание, 1988) целый раздел посвящен мной северным писателям.

Опытные библиографы уверенно скажут, что в их работе «возня» с обзорными статьями — высший пилотаж. Есть обзоры, где только перечислены Иванов, Петров, Сидоров с их произведениями на определенную тему, а есть и такие, где дан развернутый анализ. Увы, последние труды почти не попали в качестве объекта для изучения автору справочника...

Несмотря на наличие «блох», которые удалось все-таки насобирать, в целом исследование В. Огрызко достойно самой высокой оценки. Всем тюменским северянам — от Айпина до Хабэчи Хываревича Яунгада (Ямал) — отведено достойное место.

Блестяще написана автором статья о М. Шульгине. Мне симпатична позиция В. Огрызко, поместившего в двухтомник

библиографию о Г. Райшеве — великом художнике XX века, чья «микроргенная» Вселенная нашего антропокосмоса несводима только к изобразительно-виденциальным эссе — уникальные творения в слове о северной естественно-природной цивилизации.

Не могу не поддержать В. Огрызко в его понимании сложного характера личности и творчества Н. Ядне, хотя боюсь, что опять на Ямале соберут ангажированную северную интеллигенцию и дадут москвичу «прикурить» по полной мере.

«Вече» северных литератур наконец-то состоялось, и нам, занимающимся их проблемами, стало лучше работать.

Суворова Е.Г. Незнакомка: Стихи. Казань: Татарское книжное изд-во, 1998. 156 с.

«Незнакомка» В этом названии книги и стихов Екатерины Суворовой есть что-то безыскусно-романтическое и даже банальное. В основе ее поэзии — искренность. У поэтессы нет стихотворений, построенных на каком-либо приеме: аллитерации или каламбурной рифме. Весь затейливый механизм стиха отодвинут ею в тень. На виду земные женские чувства: любовь, разочарование, тоска, желание убежать от «жизни пресно-серой, без огня». Быть может, одно из самых замечательных стихотво-

рений — «У гроба». Написано оно на смерть родного человека:

Бабушка.

Милая.

Добрая.

Мертвая.

Августа ветренный день.

Бабушка, солнышко,

мамушка крестная,

Где твоя скорбная тень.

Руки твои

с узловатыми пальцами,

Робея, я складываю на груди,

Уж не согреться тебе одеяльцами...

Бабушка, бабушка, не уходи!

Церковь окурена

сладостным ладаном.

В гробике тихий твой лик.

Тайна ухода пока не разгадана.

Слушаю внутренний крик.

Все рифмы очень выразительны: день — тень, пальцами — одеяльцами, лик — крик. Одна неточная рифма в последней строфе: ладаном — не разгадана — создает особую ритмическую паузу, после которой последняя строчка стихотворения приобретает глубину и значимость. На ней невольно останавливается внимание читателя:

Слушаю внутренний крик.

Сквозь большинство творений поэтессы просвечивают сутолока и обыденность жизни, наполненной глухой тревогой, жадной чуда и робкими попытками влюбиться. В стихотворении же «У гроба» Суворова от-

крыла чистые, текущие из глубокой древности родники народной славянской веры. Языческое восприятие природы и человека сливается в них с наивной набожностью.

Смерть бабушки, несмотря на всю ее трагичность, — лишь звено в бесконечной цепи природных метаморфоз. Смерть не абсурдна и не отталкивающая. Бабушка умирает в августе, когда созревает урожай. Подобно тому, как зерно падает на землю со спелого и тяжелого колоса, так и она летит в мир иной с робкой жертвенностью на лице:

Тайна ухода пока не разгадана.

Не разгадана потому, что смерть — лишь вспышка в недрах вселенной, объять которую человеку не под силу. Дверь в потусторонний мир всегда открыта, и в зияющем проеме гуляет августовский теплый ветер, наполненный запахами сухой земли и цветочными спорами

Стихотворение «Бегство из рая» также очень примечательно. Оно целиком в современности, но истоки его — в библейских преданиях.

Почему же именно бегство, а не изгнание из рая? Потому что рай этот — не щедрая и благодатная земля. Он скуден, мал, состряпан наспех. Это какое-то геометрическое построение — везде выступают углы и грани. В сжатом пространстве рая слышно тиканье хронометра.

*Завтра я оставлю эти стены,
Эти грани маленького рая,
Свой мирок уютный,
самодельный,
Скучный и устойчивый такой...
Вяло он отсчитывал недели,
Год за годом отнимал с лентой.*

В этом стихотворении сталкиваются между собой и приходят во взаимодействие разные семантические континуумы: рай, компактный, устойчивый, с неспешным течением времени, и более обширная поэтическая сфера с разбегающимися гранями-вокзалами. Время в ней течет вспять, из будущего в прошлое: «отчужденность будущих друзей», «новое нагрянет и закружит». Поэтесса, убежав от своего прошлого и забыв его, предчувствует свое будущее.

*Только в час,
когда весь город спит,
Гляну из-за занавесей кружев —
Там все та ж
обыденность стоит.*

Этими строчками Суворова очерчивает новый поэтический материк. Время в его недрах застыло, как застывают потоки вулканической лавы. Очутившись в этом мертвом городе, поэтесса оказывается

одновременно в еще более тесном мирке, отороченном «занавесями кружев». Это новый и в то же время все тот же, до боли знакомый маленький и самодельный рай. Обыденность за окном лишена вещной определенности, она не блоковские «Ночь, улица, фонарь, аптека».

Если в начале стихотворения тоска имеет отвлеченное значение — «среди тоски», то в его конце она превращается в жуткую и немую соседку:

*Та ж тоска селится по соседству.
И опять в глаза в глаза глядит...
Сколько раз еще
спасаться бегством
От нее, смертельной, предстоит?..*

Все метанья поэтессы, все переходы из одного пространства в другое заканчиваются тем, что она оказывается один на один с тоской. Уже нет спасительных стен и времени на бегство. Тоска эта по сути — сама смерть. Бегство из рая — это бегство от смерти, навстречу смерти. Это стихотворение порождено жадой бессмертия, о которой говорил еще Сократ. Впрочем, и все искусство живет грезами о вечной жизни.

Путевые заметки (Тобольская губерния)*

«И поезжай, Господень ты человек, сам за всем присмотри, что там и как, да в добром здоровьи к нам возвращайся и обсказывай. А допрежь того ты ничего не хвали и не смущай ты своими наказами крещеный люд, не соблазняй».

Максимов («На Амур»).

1. От Туринска до Тюмени

Я выехал из Туринска (окружного города Тобольской губернии, у предгорий Урала и в 60 верстах от громкой Ирбита) в конце августа 1861 года. Был теплый и тихий летний вечер. В такую пору весь «крещеный люд» в поле. Едем по большой дороге и тоскливо глядим на тяжелую полевую работу уборки хлебов. Пшеницы здесь почти не сеют,

ибо климат суров, а почва тундриста и, следовательно, холодно-вата; да и зерно родится мелкое, мука в помоле темная. Впрочем, в 1861 году и хлеба, которые уже здесь обнатурились: рожь, ячмень, овес, — глядели вовсе не приветливо. Сколько ни старался я настроить себя на идиллический лад, не было никакой возможности. Колос низенький, реденький, жиденький; жатвы не переливаются золотистыми волнами по необъятному желтому пространству, пышные колосья не гнутся к земле от тяжести своей зернистой короны... далеко нет! Нива торчит грустно, не шелхнется, да и поля страшно дурно обработаны! Сорные травы везде заглушают хлеба, и каково жать все это, выбирая колос к колосу. По всему видно было, что

Текст воспроизводится по публикации в «Тобольских губернских ведомостях» (1863. №№41–47). Комментарии к словам, имеющим цифровой надиндекс, приводятся по вышеуказанному источнику.

Ипполит Иринархович Завалишин (1808—не ранее 1883), писатель-этнограф, краевед. Автор рассказов и записок, написанных на сибирском материале. В 1862–67 гг. опубликовал «Описание Западной Сибири» (М., Т. 1–3). В 1863 г. жил в Тюмени.

«Путевые заметки» в том виде, в котором они опубликованы в «ТГВ», не попали в «Описание Западной Сибири».

Нынешняя публикация является одновременно и издательским анонсом.

В нынешнем году в краеведческом издательстве приступили к работе над книгой: «Тобольские губернские ведомости: Избранное в трех томах», которая попадет к читателя в течение 2000–2001 гг. — *Прим. издателя.*

умолот такого жиденского зерна будет ничтожный, а между тем цены стояли тогда высокие, просто московские! В последнюю при отъезде моем субботу ржаная мука на туринском городском базаре продавалась по 60 к. с., а по деревням не находили купить и по 90!¹ Цены доселе здесь неслыханные, ибо по Тобольской губернии привыкли искони есть ржаную муку уже дорого если по 20 к. за пуд, да и то в северных округах, а в Кургане и Ишиме чащенко и по 8 копеек! Зато умиравшие тогда откупа торжествовали! Никогда не выпивалось столько вина в кабаках, просто море... Так как цены на хлеб были высокие, а базарная выручка мужика порядочная, то он с умилением уделял часть барышей в пользу базарной ведерной, и никогда тоже в Туринске не было таких щедрых возлияний у кабаков по субботам!

А все день-динит, заливаясь, мой колокольчик. Сейчас видно, что Тюмень близко. Что Валдай для России, то Тюмень для Сибири — мать всех колокольцев. Здесь на каждую почтовую дугу привязывают по два колокольца, всегда подобранные в тон, зато и поют они согласно свои неумолчные песни. А тоска все гложет да гложет! Нет — воля ваша, это не свободный да разумный труд. Сибирь не знала крепостного рабства (здесь от Тюмени до Амура нет и 4000 д.

помещичьих), но все-таки прогресса в хозяйстве не узнала. Как пахали, косили и жали, как молотили и веяли со времен Ермака и царя Иоанна Грозного, так упражняются в сельских работах и донныне! Самые ремесла не отзываются усовершенствованием. Тюменские ямщики славятся от Москвы до Кяхты. Многие от этого промысла разбогатели и, зная по личному опыту, как тяжела жизнь обозного ямщика от неуклюжих телег, глупой сбруи и малосильных лошадей, не хотят уделить своей родовой профессии мысли перенять кое-что у немецких фурманов и английский ломовых возчиков.

Так как хлеб был тогда редок и низок, да и притом заросший сорными травами, то просто жалость брала смотреть на жнецов и жниц! Каково им поработать, согнувшись в три погибели, да еще и набирать сноп колос по колосу? Иначе ведь очутится в горсти пук сена, а не хлебных колосьев! В особенности тяжело бабам и девкам. Они доселе везде у нас исправляют обязанность выючного скота в хозяйстве! Еду мимо полей, и не на одном десятке верст пробегаемого моей тройкой пространства вижу мужиков, лениво развалившихся под тенью накиданных снопов. Все они в здешнем краю — трубочники, полеживают да потягивают табачный дым из трубки-сопелки, а не вижу ни

¹ В августе нынешнего 1863 года цены понизились, это правда, но лишь до 40 к. с. за пуд. И это сравнительно с прежним еще очень дорого!

одной бабы или девки, которая бы приотдохнула! Они, бедные, не то что жнут внагибку, а просто ползают на коленях по кочковатой и колочей ниве. Как-то ж грудям, спине и коленям? А иначе нельзя. Везде, где я проезжаю, хлеба дрянь, малорослы и жидки, да и так заросли сорными травами, что колос от колоса на аршин! Выглядывает он, бедненький, смиренно из-за бодрых и сильных крапив, репейников и других блюдолизив.

Если б какая-нибудь волшебница перенесла меня сюда внезапно из Петербурга при полном незнании того, как вообще живут и здесь, и во всех наших провинциях, перенесла прямо с английской набережной на здешнюю почтовую дорогу, то, не будучи духовидцем, я бы, однако, с первого же взгляду сказал, что тут-то али там-то ждут непременно ревизора из губернского города! Ибо у нас в России песок есть неизбежный спутник всех возможных административных ревизий! И здесь то же самое! На столбовой почтовой дороге посыпаны песочком, но не сплошь, а кое-где выбоины; у ворот околицы при въезде в селения тоже песочек. Есть он и у крылец всех почтовых станций, всех земских квартир и волостных правлений, у порога всех церквей. Даже щедро насыпан песок у казенного почтового станционного столба с мучительной надписью: «от С. Петербурга 3176 верст!». Экая,

подумаешь, дичь и глушь! Даже иное казенное усердие посыпает песочком самые полы в станционных домах к душевному проклятию ревизиующего...

Вот и Коркинская слобода в 12 верстах от Туринска. Церковь каменная, так себе, как и почти все сельские церкви, но ограда деревянная дрянная, развалившаяся. В ограде все заросло сорными травами. Как бы, кажется, не сделать оазиса в этих сельских пустынях, не насадить деревьев вокруг церквей, не разбить дорожек? Ведь оградой все это защищено от бродячего скота, да и сторожа есть при каждой церкви, могли бы поддерживать эти садики. Между тем глаз крестьянина привык бы видеть, что около его божьего храма все так мило и чисто, тень деревьев летом есть, цветы... За границей везде это водится, особенно около немецких пасторов.

Да и на кладбища наши — не только в селениях, но и в городах — следовало бы обратить серьезное внимание. Это у нас не места успокоения, а какие-то навозные пустыри. Ни зелени, ни деревьев, ни цветов, ни разбитых правильными рядами могил. Самые могилы обвалились, памятники, где они есть, разрушились (а в Тюмени их даже обкрадывают!), скот бродит по этой «ниве Божией», никакого благоговейного чувства она не возбуждает. А за границей кладбища составляют пред-

мет живейшей заботливости и нежных попечений, любимое место прогулок для прихожан и связь непрерывного духовного общения с милыми сердцу отшедшими в вечность и тут успокоившимися.

Об общественных зданиях — каковы думы, ратуши и хозяйственные управления в городах, а волостные правления и сельские приказы в деревнях — можно сказать то же самое. Все они строятся кое-как, не по нормальным планам, приспособленным к массе и значению обществ; все они одной матки детки, т.е. вонь, грязь, духота, теснота в них привилегированные! Так называемые «сибирки, чижовки, каталажки», что означает городскую и сельскую арестантскую, — везде просто собачьи конуры, в особенности при волостных правлениях. Они так тесны, что и двум в них не поворотиться, притом же без окошек, без отдушин, да и без нар, грязь в них по колену! Об исключениях не говорю. Разве исключения доказательства? От Туринска до Ялуторовска в трех округах и на пространстве 250 верст все арестантские, безусловно, дурны! Вот вам и исключения. А кто знает мужицкий произвол в деревнях, где сажают и томят в чижовке не только заседатель-голова и писарь, но и богатые мужики; кто знает произвол градских полиций и земских судов в городах, где тоже не только городничий и

исправник, но и квартальные да секретари набивают в свои чижовки всякого рода человечество часто для того только, чтобы сорвать... тот искренне пожелает, чтобы обратили, наконец, и на это серьезное внимание, особливо в Сибири, которая так далека от надзора и контроля правительства. Здесь есть такие глухие местности: Пелым, Березов, Нарым, Приалтайский край, об которых начальство мало знает, а где между тем чиновники позволяют себе все...

Вот хоть бы Коркинское волостное правление, первое на почтовом тракте от Туринска к Тюмени, альфа моих наблюдений по этим глухим сибирским дорогам. Неказистый «общественный дом», нечего сказать! Черный, низенький, тесный! Чижовка — курятник и, как говорится, «курам на смех!». Как тут угораздишься держать живого человека в этом грязном чулане? И петуху здесь не расхотеться! Однако песочек посыпан у крыльца, и в сенях он есть. Значит, была недавно ревизия. Вхожу. В сборной, очень тесной и несоразмерной с населением (в волости 2142 р.д.), когда съезжаются сюда крестьяне для общественных сходов, ни живой души. В так называемом «присутствии», пародии на это слово, грязной и темной камерке, какая-то сергучная фигура держит у себя под носом указ Туринского земского суда, выкрикивая по складам: «Указ Его

Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Туринского земского суда Коркинского волостному правлению!» Икнул на все волостное правление и остановился.

«Где волостной писарь?» — спрашиваю его, дождавшись терпеливо, когда он перестал икать и отплеиваться.

— Отдыхают-с, ваше благородие!

Я улыбаюсь. «Благородство» приятно шекочет мое самолюбие, и я продолжаю: «Разбуди и позови!».

Заслышавши колокольцы, выползают из соседнего кабака кой-какие мужички. Бессмысленно выпучили они на меня свои посоловелые очи. А чего пьют? Одурающую воду по 7 рублей серебром за ведро! Тогда еще царствовали откупа.

Является волостной писарь. Но при первом же на него взгляде я удостоверяюсь, что и он жертвоприноситель, да щедрый г. откупщикам.

«Есть ли здесь, любезный, какие-нибудь курганы, остатки древних укреплений, старинные иконы в церкви? Ну, что-нибудь замечательное, старинное?».

И кажу ему бумагу, в которой изложена цель моих паломничеств по сибирским дорогам.

Но писарь тщетно вертит бумагу во все стороны, даже казенной печатью вверх, ан ничего в ней не видит, язык его худо ворочается. Наконец, сбираясь долго с силами, он вскри-

кивает, черкнув правой рукой по воздуху:

— Все-с есть!

Я хохочу до упаду, хохочет и мой Мишка, сидя на козлах, и ямщик городской станции — разбитной парень мещанский. Кланяюсь я низенько писарю и направляюсь в церковь. Отпирают. Нет ничего замечательного.

«Дома священник?» — спрашиваю у дьячка.

— Пелымский благочинный-с али отец протопоп?

— Да разве их здесь два?

— Два-с. Отец протопоп да отец Иоанн благочинный пелымский.

— А что здесь делает пелымский благочинный? Ведь он должен жить среди своего «благочиния», а отсюда до Пельмы 300 с лишком верст, да свыше 500 до глуби Вогульской земли!

Кстати, о пелымском «городовом лекаре». Он по закону должен жить в Пельме, ибо там центр управления, казачья команда, аптека при сборной, а он до 1863 года жил в Туринске. Почему местное начальство молчало? Его помощь и его присутствие ежедневно нужны в Пельме. Там по сырости климата — вечные гнилые горячки, повальные тифы, злокачественные лихорадки.

Противу церкви — пожарный сарай «с инструментом». Но, Боже мой, что за «инструмент»! Бочки рассыпались, колеса у телег поломаны, да и самый сарай покосило. А в волости с лишком

2 тыс. ревизск. душ! А возможно бы было собрать деньги хоть на одну заливную трубу, на первый раз при волостном правлении, потом можно и при каждом людном селе. Да, кстати, о приходских училищах. Их в здешней губернии разительно мало. Всего 15 с 283 учащимися. Невелик прогресс! Да и этот на бумаге. В Ишимском и Ялуторовском округах, где больше жителей, нежели во всей Архангельской губернии, только две школы! А безграмотность мужичьих властей²: голов, старост, старшин, сборщиков податей и проч. — манна небесная для писарей.

И еду я далее да далее, между тем как светлая Тура беспрестанно мелькает у меня влево. Виды здешней местности незатейливы, конечно: нет тут ни заоблачных гор, ни дремучей тайги, ни беспредельной тундры либо степи (двух крайностей на двух окраинах губернии: у Ледовитого океана и у Омской линии), нет и громадных вод Иртыша либо Оби, зато солнце так великолепно садится, воздух так свеж и чист, мягкие линии лугов и полей так увлекательны, перелески так мило окаймляют эти крохотные деревушки! А вот в далекой дали — опять каменная церковь с высокой колокольней. Это село Липовка, над самой Турой. Здесь берега уже обрывисты и покры-

ты хвойными лесами. Здесь тоже и первая почтовая станция, от г. Туринска 26 $\frac{1}{2}$ версты отъехали, а какой еще дальний-предальный путь впереди! Но нечего делать. Привычка — вторая натура, хотя путешествия по Сибири — не комфорт!

Липовка — от липовых рощ, ее окружающих, — сельцо неказистое. Церковь хоть и каменная, да незатейливой архитектуры, и древностей в ней никаких нет. Деревянная ограда развалилась, кладбище, хоть и очень поэтически раскинутое над самой быстринной Туры, могло бы быть местом успокоения не только для мертвых, а и для живых, ибо вид отсюда восхитителен: объемля извилины светлой реки, желтеющие нивы, заливные зеленые луга и темный сосновый бор над рекою; да небрежно содержится, заросло сорными травами.

Почтовая станция — дрянь, и это общий грех всех станций по Сибири. Повозки — дрянь, кожа в дырах, колеса часто рассыпаются, но иначе быть не может, ибо подрядчиков страшно обирают все, а при круговом обирательстве и сбавки цен на торгах *quand même* (что и нынче сам видел в Тюмени и Ялуторовске) не из чего содержать и гонять хорошо. Посему русские святые: «живет авось и кое-

² Ныне священно- и церковнослужители некоторых округов здешней губернии постепенно открывают у себя на дому «школы». Но это только «бумажные школы». На деле — пустошь. Пятак мальчишек с азом на приход — капля меду в бочке дегтю!

как» — тут везде в чести и вере! Заглядываю я от безделья в пожарный сарай: «струмент» такой же, как и в Коркиной. Все развалилось. Но велик русский Бог! Авось Липовка не вздумает гореть! Иду пешком в гору, приказавши ямщику догнать меня, когда перепрягут; в горнице нет сил сидеть: вонь, духота, грязь... Сознаюсь простодушно не во гневе академику Погодину: что хоть точно приятно, когда «Русью пахнет», но приятность эта сопряжена на почтовых станциях со многими неприятностями! Станционные горницы везде дрянь. Зимой в них банный жар, осенью сквозной ветер, а летом затхлый воздух. Тоску притом наводят табели, еще во времена всемирного потопы подписанные губернским почтмейстером и до такой степени загаженные мухами, что уже ни числа верст, ни названия станций решительно разобрать невозможно! Печально горит сальный огарок в

ржавом подсвечнике, да нещадно терзает слух конская брань ямщиков из-за очередей. Нет, воля ваша — это не комфорт и уж куда как не Европа! Это черт знает на что похоже...

Но конец концов, сел я³ в повозку и помчался сосновым борком, сквозь который робко проглядывали серебристые лучи месяца. Окрестность стихла. Мир возвратился с своих тяжелых полевых работ, огоньки замелькали в деревушках. Утомительно звенят колокольцы, а думы еще утомительней и неутешительней... Так еду я до Томиловой (название здесь кстати, без каламбуров!), дрянной деревушки и второй станции от Туринска. «Лошадей!». Я уже не вылезу из повозки.

Если бы я описывал берега Рейна или Гвадалквивира, мне бы было непростительно не вдохновиться, но чем вдохновляюсь я на берегах этой пустынной Туры? Положим, что Тюмень

³ Помещая «Путевые заметки» г. Завалишина, редакция считает долгом сделать некоторые оговорки. Г. Завалишин, как видно из сочинения его, утопист и все хотел бы видеть в стройном виде, в розовом свете, так, например, в Туринском округе он хочет видеть лучшие, устроенные и возделанные провинции Англии, Бельгии или Германии. При таком взгляде понятно, что г. Завалишин везде находит неурюстройства и неудобства в администрации и в обществе, иногда преувеличивая их даже, по обычаю сочинителей. Не станем отрицать, что в сочинении г. Завалишина есть своя доля правды; но на это должно сказать прежде всего, что «Заметки» г. Завалишина относятся к 1861 г., а с тех пор многое изменилось, — для устройства городов, селений, дорог и для улучшения состава волостных управлений, так же как городских и сельских полиций, приняты начальством меры, и все дурное, по возможности, исправляется и устраняется. Далее обязываемся объяснить г. Завалишину, что в администрации, как и в жизни, нужна постепенность, а не поспешность; быстрые перевороты в укоренившемся времени и обычаями почти невозможны и, предпринятые насильственно, оказываются несостоятельными. К этому надобно добавить, что легко делать замет-

может вдохновить меня даже, пожалуй, как поэта. Там есть бесконечные обозы с чаями, пароходы, сытые обеды, хлебосольные вечера; там можно призадуматься над иной красавицей, даром что она обворожает теперь Сибирь, а не Европу... но откуда Тюмень еще далеко, и все поэтические порывы мои сокрушаются об прозаическое сознание, что смертельно спать хочется! К тому же и поздно. Далеко за полночь сквозь легкую дремоту слышу крик, гам, опять конскую брань — значит приехали на станцию. И точно. Это большая и торговая слобода Туринская, в которой 300 домов и 775 ревиз. душ. Здесь бывают ярмарки 17 марта и 8 ноября, впрочем, не большие. Однако слобода хорошо обстроена, церковь каменная и опрятно содержимая.

Станционный смотритель, очнувшись от сладкого сна, выбегает встретить меня в форменном сюртуке с пряжкой за 20 л.

и медалью за спасение России в 1853—1856 годах. Умилительно приглашает он в комнату, даже кажется в заманчивой дали яичницу с ветчиной. Но я уже знаю по горькому опыту от Петербурга до верховьев Амура, что значит станционная яичница и какая изгарь во рту от нее целые сутки бывает. Скромно отклоняю я от себя официальную встречу почтового чиновника и приказываю везти на «земскую квартиру». Земская квартира — рай всякого рода казенного человечества. Впрочем, я плачу за все на «земской», хотя долго не могу заставить хозяйку принять плату. Сей час вижу, что мужичка моей петербургской гуманности не понимает. Насилу уломал. Бойся взять! Впрочем, с 1 мая 1863 года годовых земских квартир уже нет, а отводят чиновникам квартиры по очереди и с условием платы за еду.

В Туринской слободе (до которой от Томиловой 23¹/₂ вер-

ки и находить недостатки, сидя в кабинете. Известно, что всякое светлое тело имеет темные пятна. Стало быть, черное найти везде не мудрено. Надобно побывать самому администратору какого-либо хотя маленького уголка (не говоря уже о губернии или крае), простирающегося на тысячи верст, чтобы уразуметь о лежащих на нем обязанностях. Тогда только можно понять, с какой осмотрительностью должна быть принимаема каждая административная мера и сколько ответственности принимает на себя начальник, принимая какую-либо быструю и несвоевременную меру в управлении. Вероятно, администрация, даже в самом малом значении этого слова, никогда не была в сфере деятельности г. Завалишина, а то он не судил бы так легко обо всем и не предлагал бы исправлений, которые так скоро пишутся на бумаге, в действительности же вызываются только жизнью народа и его потребностями.

Редактор.

Данное примечание поставлено редактором «ТГВ» в начале второй части публикации «Путевые заметки: Тобольская губерния». (ТГВ. 1863. №32. С.353—357) — *Прим. издателя.*

сты) земская квартира была тогда из ряду вон. Две комнаты с крашеными полами. Нет блох, тараканов и клопов, а это уже неизмеримый прогресс в сельской жизни. Итак, засыпаю сном праведника, и сны мои поистине утешительны. Я вижу во сне, что будто бы из России выродилась Англия и что я еду по железной дороге из Туринска в Тюмень (впрочем, это скоро сбудется, ибо железная дорога от Перми до Тюмени уже осуществляется). Но вижу я тоже, что около меня поля огорожены живой изгородью и превосходно обработаны, то и дело мелькают фермы, скот и лошади отличных статей! Вижу наконец, что Тюмень обратилась в сибирский внутрениий Ливерпуль, железный мост перекинут через Туру, громадные фабрики и заводы покрывают весь левый берег, тюменские кожи соперничают с английскими. Проснулся. «Лошадей!».

И опять пошла писать, все то же да то же! Только окрестность дивно хороша и весела в это раннее летнее утро; проснувшись, как и я, она глядит сельски мило. А вот и столб с доской да надписью: «Граница Туринского округа». Итак, я уже теперь в Тюменском! А вправо белеет высокая колокольня известной торговому миру «красной слободы», славящейся своими ярмарками. Она уже в Камышловском уезде Пермской

губернии. Значит, там за ней — Россия. Другие учреждения, другие обычаи, совсем другой мир, а кажись, только рукой подать. Но и между Туринским да Тюменским округами большая разница даже в самой внешности. Начать с того, что почтовая дорога в Тюменском округе хуже, мосты черные и ветхие, инде даже их ветхие перилы перевязаны мочалами и веревками⁴! Неутешительная прочность и незавидная безопасность, особливо в ночное время! К тому же и селения хуже обстроены, лачужки почти везде развалились. Первая, например, по тракту деревня Нехорошкова вполне оправдывает данное ей глупое имя. Из рук вон плоха, разбросана закоулками, бедность и лохмотья на каждом шагу. Отчего бы это? Я думаю, вот от чего: Туринский округ совершенно в стороне от головной сибирской дороги, и город его Туринск не представляет никаких соблазнов. Но Тюмень — перепутье ямщины, пароходства, узел всех почтовых дорог края. Всякого народу и сброду в ней ежедневно тьма. Крестьяне имеют всегда дурные примеры перед глазами, да и сельское население, занимаясь более обозничеством, ремесленностью, всякими оборотами и изворотами, скорее привыкает к бичу нашей простой жизни, пьянству, и ко всем его безотрадным последствиям.

⁴ Дороги и мосты ныне исправляются.

И на козлах у меня торчит уже не смиренный апатический мужик Туринского округа, селянин и землепашец по необходимости (ибо других промыслов здесь нет, и звероловство — почти исключительность малонаселенного Пелымского края)⁵, но Гарibaldi en personne — в красно-рыжеватой блузе, снятой, вероятно, с дюжих плеч какого-нибудь обозного «молодца», и в соломенной шляпе с широкими полями. Начинаем дружескую беседу по предмету страшно древней семисотной версты, вросшей в землю и с незапамятных лет покривившейся. На ней уродливая арабская цифирь вязью.

— А что, детина, — говорю я, осматривая эту археологическую редкость, — кажись, то верста шибко старая?

— Господь ее знает, — отвечает ямщик, — вестимо старая! — При сем он поводит кнутом по взмыленной тройке.

— А пошто у вас дороги худы, мосты — такая ледащая дрянь?

— Лесу нет, рук нет, народ ходит по стороне.

— Да ведь копейку зашибает, Тюмень кормит?

— Кормит умного, — замечает глубокомысленно ямщик, — а народ здесь озорной, вина много пьют, пропивается. Да и примеру худого много: расплодился посельщики, варнаки.

Аргумент непогрешительный! Ибо давно бы пора избавить Западную Сибирь от посельщиков, а в особенности от каторги (в успенском и екатерининском винокуренных заводах). Это постоянная язва и порча Сибири. Теперь места, и хорошего, много на Амуре, сделать бы там место ссылки. Это было бы и рациональнее. Ибо оттуда бегать некуда.

— А это что? — продолжаю я, указывая на целый ряд курганов, раскинувшихся далеко по полям и инде уже поросших лесом.

— Чудь жила. Тут их много, этих курганов. Семь, вишь, здесь, на одном поле.

— А пошто у вас деревни дрянно обстроены? По сю сторону Туринска лесу тоже мало, а постройки чище?

— Народ, говорю я, балованный — неохота жить хозяйством. Тюмень портит.

— И тебя испортила?

— Я в работниках живу. Что меня портить, нужда давно испортила!

И этот аргумент безрепличный! Между тем показалась Усть-Ницынская слобода, будто и в самом деле меня везет Гарibaldi, река ведь тут Ница, довольно большая и глубокая. Здесь бывает две ярмарки, обе Никольские (6 декабря и 9 мая), но, как и в Туринской слободе, привоз незначителен. Однако Усть-Ницынская слобода стоит при впа-

⁵ В Туринском округе на пространстве 70,787 квадратных верст только 54,214 д. о. п., из этого числа в Пелымском краю 7000 д. о. п. (2031 р. д. крестьян и 976 р. д. вогулов).

дении этой реки в Туру, а река Ирбит впадает в Ницу, значит, можно иметь сообщение между Тюменью и Ирбитью, что и пытался начать с весны прошлого года купец Корчемкин с парохомом в 25 сил. Слобода хуже Туринской, хороших домов немного. Покуда перепрягают лошадей (еще 18½ версты проехали), заглядываю я в волостное правление. Писарь, парень молодой и красавчик, сидит тут на писарстве и творит суд да правду с помощью отца. Ну да мне какое до этого дело, ведь царствуют же в Сияме два короля, почему и Ницей не управлять отцу с сыном? А как очутилась здесь гарибальдиевская Ницца? Я думаю, ссыльный пиемонтец так окрестил местность. В Иркутской губернии я сам бывал в слободе Мальте и в деревне Байроновке! Но их окрестила (при основании), кажется, дочь генерал-губернатора А.С. Лавинского.

Иду заглянуть и в обе церкви, потому что их здесь две. Одна огромная, каменная, людям на диво, когда подумаешь, из каких доходов могли ее воздвигнуть прихожане. Другая же деревянная, но просто археологическая находка! Что за пузатые главы! Таких глав я и в Забайкалье не видывал, а там есть деревянные сельские церкви с двухсоплетней фактической

жизнью. Идучи, завязывается между нами следующий разговор. Надо пояснить, что мой проводник сам волостной писарь.

— Отчего окрестные деревушки такие бедные, а церковь такая громадная?

— Ее строили очень давно, — отвечает писарь, — тому назад лет семьдесят. Тогда народ был богаче, жили лучше.

— А отчего же теперь не богатеет? Торговля, ямщина, промышленность, ремесленность — ведь все здесь развивается. Кажись, и копейку достать в нынешнее время легче?

— Оно так-с, да живут не по-старинному. Вино дорого, пьют его много. Мужики плутоваты и мотоваты стали.

— Понимаем!

Отворили каменную церковь. В ней, кроме ее громадности, ничего нет особенного, но лишь только я вошел в деревянную (она хотя обшита тесом и довольно хорошо сохранилась, но в ней уже не служат), меня поразил ее иконостас и в особенности стены. Просто археологическая находка! Почти все образа писаны на холсте и притом в громадных размерах, точно картинная галерея! Снятие с креста, херувимы, страсти (ряд картин) — все это колоссальные фигуры. Но что за пошиб⁶, что за контуры

⁶ В Туринском городском соборе есть громадная икона Нерукотворенного Спасителя, очевидно, очень древней живописи (копия с нее есть и в Пельмской церкви), т.е. сурово, безжизненно, резко, но усть-ницынские образа поражают еще большей резкостью. А это верные приметы древнейшего пошиба.

тела, что за выражения лиц! Су-рово, безжизненно, страшно, резко, должно быть, строгановской школы времен чуть ли не завоевания! А в алтаре — огромный образ на холсте же, изображающий Иоанна Богослова, видимо, итальянской работы, но с русской вязью над головой: «Иоанн Богослов». А что всего оригинальнее, что он изображен в одежде, очень похожей на фрис-капуцина, да и черты лица резко южные. Как он сюда попал и кто его писал — это загадка, но, очевидно, что русская надпись вязью сделана уже здесь. (Может, даже есть соотношение между этим образом хорошего итальянского стиля корреджиевой манеры и названием, данным реке: Ница). Вообще весь этот храм поражает оригинальностью своей постройки. Множество пузатых глав в византийском стиле, а, как в церквях на востоке, колокольни нет, колокола висели над входом. Нельзя не пожалеть, что у нас не предпринято доселе археологического путешествия по Сибири. Год от году старина исчезает от недосмотра, невежества и апатии. А здесь весьма многое пояснило бы не только историю Сибири, но и внутренней России, ибо завоеватели приносили в далекую Сибирь свои идеи, воззрения, обычаи, и в этой глуши все сие сохраня-

лось упорнее и дольше, нежели в русских губерниях.

И по Усть-Ницынской волости хлеба очень тощи, обработка полей еще хуже, сорные травы заглушают и без того голодные нивы. Видно, ясно видно всюду, что никто не заботится о хозяйстве крестьян, что ниоткуда не веет на них жизненным дыханием движения вперед.

До Липкинской станции (на пространстве 19 верст) дорога становится получше, но мосты все-таки дрянь, ветхи и не везде безопасны для проезда; между тем как по Туринскому округу все это гораздо исправнее! Диковинка просто, когда вспомнил, что по Тюменскому округу беспрерывно разъезжают всякого рода ревизоры, а в Туринский редко заглядывают⁷... Липкинское волостное правление тоже: избушка, чижовка, как и все (одной матки детки!). Но недавно построили для проходящих арестантов новую избу, разделенную на две половины, — мужскую и женскую. Это уже явный прогресс!

Липкинская церковь каменная, облупившая и довольно безобразно сложенная, с низенькой и уродливой колокольней. Отсюда почтовая дорога пролегает по зыбучему песку и посреди мелкого сосняка. На пространстве 26 верст до Каменской слободы деревни редки, обрабо-

⁷ Князь Горчаков генерал-губернаторствовал здесь 14 лет, а генерал Гасфорд — 10 лет, и оба ни разу не были в Туринске, хотя он от Тюмени лишь в 164 верстах. Но генерал Дюгамель с самого же начала управления обозрел (в феврале 1862 года) и Туринский округ.

танных полей почти не видать. В этих подгородных местах жители большею частью промышленляют извозом, женщины же — ткацким довольно известным по Сибири и по приуральским губерниям махровых ковров, половиков, цветных салфеток, пестряди. Махровый ковер чистых и ярких цветов⁸, купленный мною в Каменке, длиною в 4 аршина и шириной — в $2\frac{1}{2}$, стоил около 3 рублей серебром. Это, как говорится, «дешевле репы». А зимой в здешнем климате, который, известное дело, не из нежных, такие толстые и пушистые ковры — драгоценность для устилки кабинета. Тепло, мягко и красиво. Каменка — очень большая и уже порядочно красивая слобода, чуть не посад. На нее веет соседством Тюмени. Много в ней домов хорошей постройки, рамы по-тюменски в три стекла. Но волостное правление — ветошь, однако чижовку устраивают новую. Есть тоже в Каменской слободе ветхий гостинный, который я бы советовал поскорее сломать. (Такая же безобразная громада есть и в Усть-Нице). Обе прилеплены к церквям, сухи, как порох, и когда-нибудь спалят обе слободы. Вообще все селения Туринского и Тюменского округов безобразно дурно устроены: без соблюдения плана, без предосторожностей от

пожаров, и опять-таки, по правде сказать, приводится: «никто доселе ни за чем и ни за кем здесь не смотрел!».

Каменная церковь, хотя и каменная, но неприятно для глаз облупившаяся, что тоже очень странно. Неужели у прихожан в такой, по-видимому, промышленной местности нет ни усердия, ни возможности содержать в порядке свои общественные здания, как-то: церкви, волостные правления, пожарные сараи, арестантские, магазины, лавки ярмарочные? Волость, т.е. общество, редко здесь менее 1500 душ (только в Пелымском краю). Неужели она не в состоянии иметь хорошего волостного правления с гигиенической арестантской, теплого пожарного сарая хоть с одной заливной трубой, прилично содержимой церкви с опрятным церковным двором и благоустроенным кладбищем, удобного почтового дома и хоть одной сельской школы с волостной библиотекой? Все это дело какого-нибудь лишнего целкового с души, и мужик дал бы его охотно, ибо понимает пользу всего этого.

Я уже сказал, что Сибирь никогда не знала господского ига. Вся она издревле от Тюмени до верховьев Амура была совершенно свободна, в своих действиях и быту она не связана с

⁸ Эти ковры ткуются из овечьей и коровьей шерсти. Краски употребляются: корень марены, серпуха, зеленица, индиго. Делают ковры и в 30 рублей серебром. Такой ковер устилает поле порядочно большой гостиной. Краски не линяют, и хорошие ковры служат очень долго.

прошедшим и ничем не обязана пред будущим. Ее можно уподобить русским североамериканцам. Отчего же она — на этой девственной от тлетворных влияний и преданий исторических почве, при этих счастливых условиях местности и быта, на распутии Европы и крайнего Востока, дверь в Китай и в Индию — так медленно формируется и не могла быть, мало того что хорошо, а образцово устроена⁹..

В Каменке бывает ярмарка 8 июля, в день св. Прокопия праведного, устюжского чудотворца. Привоз, однако, незначителен — от 20 т.с., не более. Но замечательно, что устюжане первые вышли из России населить Сибирь тотчас после завоевания и много занесли сюда своих родных обычаев. Язык сибиряков (в простом народе) чист, мягок и правилен. Справедливо говорят: что Сибирь добыта, населена, обстроена и отшлифована устюжанами да жителями поморских городов. Они дали тогдашней Сибири первых земледельцев, ямщиков, посадских, настроили в ней церковь и научредили ярмарок, установили в ней праздники устюжских и поморских чудотворцев (св. Прокопия устюжского, св. Савватия и Зосимы соловецких, св. царевича Дмитрия угличского и проч.). Пелым заселен сосланными Годуновым

жителями Углича, Туринск — устюжскими посадскими, даже Забайкалье наполнено сольвычгодцами и поморянами.

Из Каменки уже последний переезд (в 27 верстах) до Тюмени. Все та же преглупейшая почтовая дорога. Тут, на перепутье, еще одна волость — Троицкая. Ее волостное правление — в деревне Кулаковой. Это волостное правление — единственное по всему тракту от Туринска до Тюмени (164½ версты), в котором есть чистота и порядок. Но чижовка неудовлетворительна. Как остроги выстроены ныне по всей Тобольской губернии (кроме Тары и Ялуторовска, где, впрочем, новый строится) каменные, крытые железом и по удобному нормальному плану, так следовало бы по чистой совести построить везде хорошие волостные правления каменные¹⁰, по образному и удобному плану и застраховать от огня.

Покуда я мечтал, как, пожалуй, иной прогрессист либо гуманист петербургский или московский «чая движения воды», лошади буквально потащили меня по наисквернейшей дороге и, о чудо чудес, пролегающей уже по городской земле прогрессивной Тюмени! Что за отчаянные крюки да повороты, что за выбоины, что за мосты, даже пни патриархаль-

⁹ Утопия — *Ред.*

¹⁰ Когда, разговаривая с ялуторовским исправником, я коснулся и этой идеи, он отвечал, что в его округе уже есть новые волостные правления, хотел показать, но я за распутицей не успел съездить.

но торчат посреди разгону! Плохо же рекомендует себя богатая Тюмень! Вот она выдвигается постепенно из-за кустов, близится да близится, уже мы в нее въехали, а признаюсь — первое об ней мнение и первое производимое ею впечатление очень неутешительны! Домишки-мазанки, горы нечистот и сору — деревушка деревушкой. Богачи и барские дома еще впереди...

Вечерело, когда я остановился у ворот гостиницы купца Железова (в просторечии «Вахрушевский дом»). Это большой, трехэтажный каменный дом за Тюменкой. Тут становище чайных обозов, которые запрудили обе улицы (дом на углу).

Итак, я в Тюмени! Из окон моего номера, как раз улогого на улицу, виден Троицкий мужской монастырь, приходская церковь, вся нагорная Тюмень и крыши домов двух богачей — К.К. Шешукова да И.Е. Решетникова. Впрочем, и тут, глядя вдоль улицы, видишь дрянные домишки, дырявые тротуары, отсутствие фонарей, сор, а уж грязи... по колено! Грязь — герб Тюмени. Но поглядим-ка, какими манерами она поживает «дущевно»¹¹!

II. Тюмень. Успенский завод

Принято говорить в Сибири: «Тюмень в явном прогрессе». По

совести же говоря, этого вовсе нет, а, напротив, приглядевшись к самой наружности города, видишь, что он, несмотря на его хваленое богатство и торговую деятельность, в большом застое! Есть, конечно, барские палаты, которые можно бы поставить и на хорошей петербургской улице; да таких домов немного, а большею частью домики и домишки деревянные, неказистые. Тюменское общество крайне самолюбиво. Послушавши их, зажмутив глаза, можно, пожалуй, подумать, что их город осьмое чудо света; но в этом чуде нет решительно ни одной улицы (не исключая и главной, Александровской, идущей от собора до ялutorовской заставы), которая бы была не только мощена, а хоть выровнена своим земляным полотном! Даже на Александровской улице ухабы и выбоины сплошь да рядом. Лишь с весны 1863 года начали кое-что поправлять. Самые тюменцы сознаются (да и я изведал это лично на горьком опыте осенью 1861 года), что лишь только подумать пойдет порядочный дождь дня два-три сряду — тюменские улицы делаются не то что непроходимы, а просто и непроездны! Такой адской грязи — со свечкой поискать в нашей матушке России! Да и навряд ли найдешь, разве в классическом Иерусалиме жидов, Бердичеве! Не только телеги тонут в этой черной и вязкой жид-

¹¹ Об устройстве улиц и тротуаров в Тюмени, равно и об освещении города, сделано распоряжение и приводится уже в исполнение.

кости (по воду ехать — бочки запрягают парой), а экипажи надо вытаскивать не иначе, как парой же. Каково ж тогда бедным пешеходам? Потому что деревянные тротуары — страшная дрянь, по ним инде ходить нельзя (инде даже набросаны просто дощечки), всюду дыры, доски гнутся, нога проступается, того гляди переломишь! Притом везде страшное нечистотство, даже около домов богачей. И лишь с весны 1863 года начали кое-где устраивать новые тротуары, да и то неравной ширины и неодинаковой прочности, притом же не на всех улицах, а инде и из очень тонких досок. Тюмень не Цареград, а однако рай собак, их и здесь страшно много бродит!

У Тюмени, богатой и превозносящейся, как капернаум, пожалуй, что до небес, фонари на улицах деревянные, видом схожие с известными ямщицко-обозными, окрашенные каким-то рыжекрасным цветом, да и освещают их салными огарками. Ну уж это из рук вон! Тюмень, за малыми исключениями домов богачей, вся деревянная (каменных домов только 29, а деревянных 2379!), а так как места под постройки в городе год от году дорожают, то дома и надворные службы страшно стеснены. Горит она ежегодно, а иногда и в большом количестве строений, траты капиталов и имущества бывают огромные, но при всем богатстве своих миллионеров никто из них и не думал до 1863 года об учреждении

общественной пожарной команды, как в Осташкове это сделали Савины, о заведении хорошего пожарного обоза с усовершенствованными машинами; одним словом, об обезопасении себя от бича русских деревянных городов — всегубительного огня! А ведь нельзя же сказать, чтобы тюменское городское общество было бедно средствами. В массе оно имеет большие деньги, а не принимает того: что первое и настоятельнейшее условие благосостояния городов — чтобы улицы были сухи, тротуары для пешеходов прочны и удобны, чтобы фонари были хороши, освещаемы хоть маслом (а не грешно бы завести спиртовые). Одним словом — езда и ходьба по улицам удобные, освещение их не фонарями напоказ, а реальное и тоже для удобства жителей; многочисленная пожарная команда с лучшими инструментами для обезопасения от огня; ночная стража, правильно организованная из домохозяев для предупреждения краж и даже разбоев в таком городе, где большое стечение рабочих и ямщиков, да сходбище всякого сброду не только с целой Сибири, но и чуть ли не со всей России — ведь все это существенно необходимо, так ли? И с удивлением видишь далеко громкую и гремящую Тюмень с ее 11430 жителями обоого пола (мужчин — 5692, женщин — 5738, а с приливом стороннего народа и до 20000 душ); с ее углом всех почтовых, пароходных, обозных со-

общений всей Сибири с Россией; с ее миллионерами и широкой гульбой «пир на весь мир», нисколько не думающую и не помышляющую об удобствах публичной жизни, без хороших пристаней, без горящих фонарей, без мощеных улиц, без крепких тротуаров, с дрянной, как и в каждом чередном городишке, пожарной обстановкой, отдаваемую беспечною самих жителей, не хотящих ни в чем содействовать местному управлению — ночью на произвол воров, да и днем, пожалуй, не лучше! На что ж это похоже? И не приводится ли повторить здесь опять: шампанского выпивается в Тюмени иртыши, а для истинной пользы общественной еще ровно ничего не сделано¹².

Так как в нынешнее время «ум» пошел и вошел в честь да почет, то начнем же исследование о житье-бытье Тюмени с ее умственной жизни.

Учебных заведений в Тюмени пять. Одно уездное и два приходских училища для мальчиков, одно уездное и одно приходское для девочек. Все они казенные, точь-в-точь такие, как и во всех небольших городах русских. Я осмотрел с добросовестным вниманием все эти заведения и сознаюсь с сокрушенным сердцем, не вынес из них ни одного отрадного впечатления! В Тюмени ведь теперь, как я сказал выше,

11430 жителей обоего пола, да в округе Тюменском 79725. Это треть населения всей Архангельской губернии, а училищ в городе пять, в округе — три, да учащих только 693! По богатству Тюмени, по претензиям ее общества на образование и на, очевидно, быстрый прогресс цифра учащихся очень недостаточна! К тому же тут, как видно, все сделано для внешности, а мало для практической пользы. Подходишь к этой учебной знаменитости Тобольской губернии и видишь два больших каменных новых дома, оба двухэтажные и крытые железом, рядом ставшие в углу двух проезжих улиц и с обширным двором. Это подарок, сделанный просвещению тюменским купцом К.К. Шешуковым. Вхожу в эти святилища науки и вижу в них то же самое, что увижу, пожалуй, в любом Лаишеве либо Опочке! В обоих палатах сих, разумеется, барские помещения для штатного смотрителя и для надзирательницы. У смотрителя внизу целый этаж, хоть бы вице-директору департамента в Петербурге! А наверху нет коридора, достаточно просторного для зимней рекреации учеников и вовсе нет конференц-залы! Комнаты уездного и приходского училищ страшно высокие, с огромными окнами, хоть в Неаполь впору, но эти громадные и голые стены тяжело ложатся

¹² Как сказано выше, на все изложенное здесь обращено внимание правительства и приняты уже меры к исправлению и улучшению вида города и городского хозяйства Тюмени.

своей казенщиной на душу. Ребятишек много сидит — это правда, но все как-то смотрит старинной педагогией.

С удивлением вижу я тоже, что в таком большом здании, не купленном случайно, а построенном именно для учебной цели, нет никаких удобств, соответствующих его назначению. Сверх того, и учебные пособия этой просветительницы юношества, храмины души и науки, уж чересчур скудны! В двух смиренных и невзрачных шкапиках помещается вся книжная мудрость тюменских училищ. Тут до 700 названий увражей авторов, отживших свой век и свою славу, да притом в числе всего этого хламу считаются за увражи и старые периодические издания всякого рода; одним словом — нет тут никакого сродства с текущей и столь много изменившей да изменяющей жизнью. Публичной библиотеки в Тюмени нет, и, по отзыву зрителя, никто даже желания на это не изъявляет... В другом тоже вновь выстроенном и с таким же знанием дела да потребностей климата и учения каменном доме помещается женское училище второго разряда и женская же приходская школа. Классы страшно высокие, со страшно большими окнами, и все это глядит, наконец, как-то страшно, безжизненно...

— Я думаю, что здесь зимой будет очень холодно, — так начинаю я, и тем начинается беседа моя со штатным смотрителем.

Он глядит на меня тоскливо.

— Я многое уже переделал, — отвечает он. — Все арки и окна заклал внизу до половины, а здесь (мы стояли в это время в каком-то манеже, называемом «руководельным классом») думаю поставить зимой железную печку (она с 1862 года и поставлена).

«Шутишь!» — думаю я в свою очередь, оглядывая это чистилище, где будут мерзнуть девочки, как в ледяном кругу Данте. Господь Бог одаряет иногда Тюмень 40-градусным морозом с ветром, так что птица падает на лету мертвая! Как угораздишься натопить такую едикуль в здешние морозы! Я помню, что в бытность мою в Тюмени 1 января 1828 года обедни вовсе не было, город походил на вымерший до четырех часов вечера, когда набежали снеговые тучи да смягчили атмосферу. Притом в Тюмени 35 градусов — не в диковинку.

Мы переходим в приходскую школу. В эти часы преподавали в ней катехизис, и священник спрашивал какую-то девочку об Адаме.

Я выхожу из класса и продолжаю беседу со смотрителем.

— Какую же степень участия принимает здешнее общество в ваших заведениях? Оно могло бы иметь попечительный совет для прогрессивного развития этих заведений, могло бы жертвовать на покупку книг, мало ли что могло...

— О попечительном совете давно уже идет переписка и даже

приказано его непременно от-крыть при женской школе, но так как о правах служебных для членов не упомянуто, то никто и не идет! Сколько ни приглашал, не идет. О пожертвованиях на книги отвечают: «После!»¹³.

Ко всему вышеизложенному следует прибавить, что за Турой есть второе приходское училище — очень неказистый деревянный двухэтажный домик с одной только небольшой зальцей для класса — то вот все, что есть по настоящее время в богатой и торговой Тюмени для ума и умственного развития! Конечно, газеты, журналы выписываются кое-кем (как и везде ныне в городах), но в разговоре незаметно большого образования. Однажды был я приглашен на именинный бал к одному из тюменских богачей, чиновнику, женившемуся на купеческой дочери. Дом ярко блистал огнями, музыка гремела, экипажи заставили весь обширный двор, барышни были разряжены в пух, бриллиантов и жемчугу было довольно, потому что все это богачки... но души и жизни в обществе не хватало, да и не могло хватать, ибо душа общества — равномерное распределение образования, вкуса, такта между всеми. Гости танцевали, играли, угощение, разумеется,

было щедрое, ибо Тюмень славится угощениями. В заключение подан был роскошный ужин с водоподом шампанского...

А между тем в Тюмени много купеческих капиталов, и очень значительных. По первой гильдии — 9, по второй — более 100 к первому июля 1863 года. Но это только обрядное дело, поминальная явка капитала (на мильон целковых), в сущности же по чаям, кожевенному производству, пароходству и судоходству тут ворочают десятками мильонов целковых. Как бы, кажись, при таком богатстве не устроить для воспитания детей «коммерческого училища», да и на европейскую ногу? Ведь в нынешние времена высшее коммерческое воспитание есть существенная необходимость для негоцианта, притом знание иностранных языков развило бы мысли, показало бы, как важно иметь просвещенное понятие о торговле, как нашим купцам необходимо сближение с Европой¹⁴. Есть здесь в некоторых домах (но в очень немногих, кажется, в пяти) гувернантки, частью немки, а частью наши институтские пепиньерки. Но заграничных книг для них и журналов не выписывают, средств следить за всем лучшим, умственным не дают.

¹³ Попечительный совет ныне открыт. Но пожертвования все-таки туговаты...

¹⁴ Нужно желать, чтоб настоящие учебные заведения развивались и достигали тех целей, которых желает от них правительство, а не вызывать устройство нового насилию, потому что время и потребность покажут необходимость устройства коммерческого училища без всякой посторонней инициативы. — *Ред.*

Перехожу теперь к главной и капитальной тюменской производительности, т.е. к ее кожевенным заводам. Их здесь считалось к 1862 году 67 (с округом — 84), и на них выделялось кож воловых, конских, бараньих, козлиных и опойковых на сумму, по официальному, 578657 рублей 50 копеек, а в сущности, конечно, втрое более, потому что наши купцы еще не привыкли оглашать свои торговые дела. При такой, однако, значительной производительности и на такую большую сумму как бы, кажись, не позаботиться об усовершенствовании выделки? А выходит иначе. Тюменский кожевенный товар далеко отстал не только от казанского (в особенности опойки), но даже от кунгурского! От сего и самая поставка на потребности военного ведомства встречает год от году большие неудачи. Тюменцы обыкновенно говорят: «Зачем нам улучшать? Товар и без улучшения сбывается хорошо в киргизскую степь, Китай, Ташкент, Хиву и Бухару, а сверх сего, на всех ярмарках и торжках нашей губернии да соседних приуральских». Спору нет, сбывается. Да мало ли что сбывается на простую руку, разве из этого жить и умирать в застое?

Коснемся теперь тоже и вопиющего злоупотребления — по-

стройки кожевенных заводов среди города, и вопреки не только всем гигиеническим правилам, но и при ежедневном ропоте 11 тысяч жителей, вынужденных пить порченную воду, а летом дышать теми невыносимыми миазмами, которые, как известно, далеко заражают воздух около кожевенных заводов. Правительство, как слышно, хочет перенести тюменские кожевенные заводы вниз по реке Туре за город, и давно бы пора это сделать. Потому что откуда привилегия дается тюменским кожевенным заводчикам заражать Тюмень в противность медицинским правилам о народном здравии, соблюдаемым в целой империи? Я слышал, что новые места для переноса на них кожевенных заводов уже назначены и отведены, а большая часть кожевников очень богаты, стало быть, переносить свои заводы им не разоренье в корень! Потому повторю — пора перестать чумить Тюмень, пора держать ее почище¹⁵.

Иду я по берегу Туры и вижу, что она течет чрез эту богатую Тюмень просто на деревенский манер, т.е. в первобытных берегах своих, какими видал их 250 лет назад Ермак Тимофеевич. Тюмень имеет теперь, в 1863 году, 14 пароходов (из коих многие замечательно хороши)¹⁶ и до

¹⁵ На перенос за город кожевенных заводов в настоящее время обращено особенное внимание начальства, и эта мера вскоре будет приведена в исполнение. — *Ред.*

¹⁶ Например, новый железный пароход в 80 сил купца Тюфина и К° работы Гуллета (в Екатеринбурге) очень хорош, да и легок на ходу. Я на нем делал пробную прогулку по Туре.

80 судов (кроме мелких каюков и крытых лодок), груза поднимают они примерно на 20000000 рублей серебром, т.е. свыше трети всего обычного оборота Ирбитской ярмарки; каким же образом при таком движении судостроения и самого ценного (ибо большую часть груза составляет чай) не позволить себе роскоши (вот уж тут впрямь полезной!) — хорошей городской пристани да и в центре города? Крутые обрывы правого берега Туры со съездом на нее, а подъемом за Тюменку (где день и ночь тянутся огромные обозы) просто в устрашающем положении. Деревянное их укрепление, Бог знает когда сделанное, почерневшее, подгнившее и расшатавшееся, грозит ежеминутно обвалами и падением, грозит задавить обозы и самих идущих да едущих тут беспрестанно жителей, ибо в за-тюменской части города помещаются все постояло-обозные дворы и многие оптовые по Кяхте торговцы. Как бы, кажись, не подумать о том, чтобы все было тут сделано прочно и удобно? Лишь летом 1863 года принялись поправлять стенки спуска. Наконец замечу еще странность — Тюмень раскинулась версты на четыре. За Турой — все кожевенные заводы, много домов очень богатых торговцев и значительное население мелких горожан. А через Туру в городе и его окрестностях только один мост (наплавной), да и то еле-еле живой, так и пляшет, воду от тяжести

экипажей выбивает, а для пешеходов в виде утешения кой-где набросаны доски!.. И так как его не освещают ночью фонарями, то можно вообразить себе отчаяние пешехода, бродящего по воде вплотьма, притом же перила шатаются! Вот как «думает» Дума об удобствах общества! Теперь, в 1863 году, предположен, правда, другой деревянный же мост, но Тюмень могла бы перекинуть через Туру и железный, если б только «умела хотеть». Да и что за фантазия строить наплавные мосты в таком богатом городе? Можно иметь хороший мост на плашкоутах — езда и ходьба сухая, да и разводить середину для пропуска судов легче. Можно это устроить с откидными полотнами на цепях.

Брожу я тоже по тюменскому гостиному. Он велик, спору нет, двухэтажный и каменный, крытый железом, с 272 лавками, но содержится решительно дурно, просто хаос! Везде грязь, безобразно набросанные вещи, хлам, тряпье — чердак, а не гостиный двор! Скажут: да ведь это народ торговый, досуг им думать об опрятности. Однако в других городах она есть. Притом же тюменский гостиный — громада да и только, ничего изящного в архитектуре, а это было бы тоже не лишнее.

В таком богатом городе, как Тюмень, и где так много ежедневного торгового движения, пора бы градскому обществу озаботиться не одним только своим

огромным гостиным, а и устройством рыночной торговли, базара. Ну, закричат, пожалуй, на меня все, вот что еще выдумал, базар не хорош! Не прикажешь ли проложить и к этому твои бредни? А почему ж и не проложить? Тюменский базар — страшный хаос самых ветхих, безобразных и диких лавчонок¹⁷, балаганов, столов, стоек. Ежеминутно грозит он гибелью всему центру города, ибо это все решительно как порох — до такой степени все высохло! К тому ж на базаре и по всей улице между гостиными и деревянными лавчонками всегда труха сенная, мочальная и бумажная. Пади на это искра (от чего да избавит Бог Тюмень!), и город сгорит дотла!¹⁸ Как же не позаботиться об отвращении такого страшного бедствия? Лучше оставить до времени мощение и нивелировку улиц, освещение их хорошими фонарями, устройство пристаней, переделку угрожающих падением на спуски и взвозы береговых укреплений, постройку новых мостов, лучше все это оставить; но воля ваша, следует приступить горячо, энергически и деятельно к коренному устройству базара. Тут — бдение сердца Тюмени. А сгорит весь этот страшный хаос, и уж, конечно, не пощадит он соседних улиц, самого гостиного. Подумайте ж, право, пора!

Тюмень, в которой свыше одиннадцати тысяч постоянно-

го населения, с непрерывным приливом народу из Сибири и России, с центром обозных, почтовых, пароходных и административных сообщений, всемирный этап между Петербургом и Амуром, Россией и крайним востоком — не имеет доселе не только сносного помещения для градской полиции, но и никакого помещения. Небольшое помещение, где была прежде полиция, отдан пожарной команде. Полиция же помещается в наемном деревянном доме, не имея каланчи не только на центральной управе, а и на частях (ибо обе части тоже помещаются в обывательских деревянных домах). Наконец, за Турой, где кожевенные заводы и большая масса населения, вовсе нет части, а заведует ею затюменский частный пристав. Тогда как Тюмень топографически делится на три города: собственно город, Затурье и Затюмень. Как же не иметь трех частей с каланчами и отдельными пожарными обозами? Центральную полицию уже предположено построить, но не лишнее подумать и о постройке еще двух частей: вторую за Тюменкой, а третью — за Турой. Первая же должна помещаться при центральной полиции. Что касается всех остальных тюменских присутственных мест, то о них можно сказать лишь следующее: окружной и земский суды, общее окружное управление и каз-

¹⁷ Все это сломано и будет выстроено новое.

¹⁸ На все это обращено в настоящее время внимание начальства.

начейство помещаются все в казенном каменном доме сносной наружности. О тюменской полиции и говорить нечего! На нее давно уже махнула рукой судьба, да и что можно сделать путного из этого наемного деревянного дома, строенного купцом про себя. А в заключение — дом градского общества на базаре весь облупился снаружи. Разве не хватает средств у Думы поправить свой общественный дом? Зала порядочно устроена, все же прочее содержится неопрятно.

В Тюмени теперь одиннадцать православных и одна единовременная церковь да мужской монастырь. Все церкви каменные, но нет ни одной, которая бы поражала смелостью и легкостью архитектуры, как, например, Покровская в Туринске. Внутреннее украшение некоторых церквей богато — это правда, но нельзя сказать чтоб очень изящно.

Я уже говорил, что Тюмень много берет на себя, величась прекрасным и хорошо устроенным городом. В ней домов каменных, казенных, церковных, монастырских и общественных только 8, а частных — только 21. Весь же город (2369 домов) — деревянный. Какой же тут прогресс, да и тем более что огромная масса этих деревян-

ных домов нисколько не лучше очень неказистых в других городах сибирских, а деревенской очень незатейливой архитектуры в этой массе так и премо-жество! Сверх сего, из 21 дома частных лиц только 3 сносной архитектуры: купцов Шешукова и Трусова да недавно отстроенный чиновника Унжакова. Прочие же — безвкусные громады, не более. И из деревянных только весьма немногие можно назвать хорошенкими и чистенькими. «Здесь, — говорил мне откровенно один местный чиновник, — вот какой обычай: едва только торгаш поднимется, как говорится, на ноги и зашибет порядочную деньгу, он уже лезет из кожи, чтобы не быть, «а казаться!» Затеет домину, меблирует на славу, явятся экипажи и выездные лошади, соболь и бархат на семье, одним словом, он весь блистит заемным блеском»¹⁹.

Само собой разумеется, что в Тюмени нет театра, публичной библиотеки, типографии, книжной лавки, литературного кружка, беседы ровно никакой... кроме обыденной. Следовательно, нет жизни и движения. Зато есть теперь по новым акцизопитейным распоряжкам собственнo лишь в черте города 120 кабаков, обширные склады вина и на большую руку виноградные

¹⁹ Это слишком преувеличено г. Завалишиным и доказывает, что он в пребывание свое в Тюмени не успел хорошо ознакомиться с бытом тамошнего купечества. Да и автор сам себе противоречит, говоря выше, что в Тюмени нет хороших домов. — *Ред.*

погреба (в особенности купца Канонникова). Пьют много, даже чересчур много, начиная с почтенной сивухи и кончая блестящим шампанским!

Мне случилось быть в пиру, данном одной компанией пароходства на принадлежащем ей пароходе. Тут являлось все, чего душа пожелает, т.е., как говорится, «только птичьего молока не было», а шампанское лилось державинским водопадом! Наступил тихий летний вечер, взошла полная луна. Пароход пошел вниз по реке (прогулка верст на 30), и что ж? Эта именно поэтическая прогулка в дивную летнюю ночь не вызвала никого из многочисленных приглашенных выйти из душных кают на палубу, чтобы разлюбоваться и уснувшей рекой, и великолепным небом, и спящими берегами с их крохотными деревушками, и нависшим на зеркальную воду леском, все это обливаемое широкими серебристыми лучами месяца! Подышать упоительной свежестью ночного воздуха, ароматом хвойных лесов и пахучего, уже подкошенного сена; впиться жадными зорами и в среброматовую ширинку реки, и в дальний огонек полуночного рыбака; уловлять не только слухом, но и чувствовать те разнообразные звуки, которые ночью так сладостно действуют на душу, и где-то далекую песнь запоздалых косцов, мгновенное ржание коня, чириканье полусонной пташки, качающейся в зеленой люльке

свесившегося на реку густого березняка — мало ли что? Напротив, в мужской кают-компании появились, лишь только набили желудки, неизбежные карты и горы кредитных билетов, а в дамской кушали всякие сласти, да и то большею частью молча! Кто ж не играл и не жевал, тот... спал! Точно плывем мы по какой-нибудь пустынной реке срединной Африки в полном отчуждении от мира!

Кстати, коли дело пошло на анекдоты, еще один, и ярко характеризующий тюменское общество. Мне раз сказывала одна заезжая сюда из Петербурга дама, очень милая и образованная, что когда, прибывши в Тюмень, отправилась она с визитами, то была поражена общностью разговоров дам и девиц. Обыкновенно это происходило так. Пожавши друг другу ручки и взаимно отрекомендовавшись, гостя и любезная хозяйка сядились рядышком на диван. Глубокое молчание.

— Как ваше здоровье? — начинала изумленная гостя.

— Хорошо-с! А ваше?

— Хорошо.

Опять молчание.

— Сегодня прекрасная погода, — продолжала гостя.

— Да-с, хорошая.

И снова молчание.

— Есть ли у вас детки? — тоскливо вопрошала измученная гостя.

— Как же-с, есть. А у вас-с?

— И у меня есть.

Заключительное молчание и, несколько минут спустя, расставание.

Впрочем, мужчины начинают понимать пользу женского образования и приятность иметь хорошо воспитанную жену. Из гувернанток, сюда выписываемых богачами, почти каждая годика через два либо через три находит себе здесь мужа, и не из бедных. Стало быть, есть потребность в воспитании. А коли есть, то почему ж господа миллионеры не устроят хорошего женского пансиона? Воспитание общее лучше домашнего, соревнования больше. Притом же наставниц можно бы привлечь еще лучших, нежели нынешние...

В Тюмени, за исключением трех-четырех домов, нет обычая жить по-людски, в ежедневной дружеской беседе, в просвещенном обмене идей, в разговорах о том, что делается в мире, в суждениях, на которые так напрашивается ныне перерождающаяся Россия. Дома здешних богачей вечно на задвижке. Правда, что зимой делают вечера, пожалуй, и балы, но главное на них — игра в карты и угощение.

В здешней губернии остроги решительно опередили всю Россию. В Тобольске, Омске, Тюмени, Туринске, Кургане и Ишиме выстроены на сих годах новые каменные трехэтажные тюрьмы с каменной же оградой и службами, все это крытое железом. Тобольский — гро-

мада, стоившая 121819 рублей серебром. Кончают постройку и ялуторовского.

Тюменская тюрьма заслуживает полного одобрения, в особенności ее большие палаты, очень чисто содержимые по родам болезней. Кровати железные, белье опрятно, пища удовлетворительна. Но тут надобно особого медика, ибо городовому в таком обширном городе заведовать, кроме городской, и еще острожной больницей тяжело. Тюремная церковь красива, иконостас богатый, ризница и утварь изящны. При этой церкви особый священник. Приношения здесь не скудеют.

В Тюмени — две гражданские больницы. Одна тюремная, о коей я уже говорил и которую не могу не похвалить еще раз, другая же городская. Есть еще военный лазарет, так себе. Городская больница очень простенькая и даже небольшая, судя по наплыву в Тюмень судоробочих и ямщиков, городская больница могла бы быть обширнее. Что такое хоть 50 кроватей (а их далеко нет) на население в 11 тысяч душ с наплывом стороннего народу вдвое более? Рядом с больницей инвалидная казарма, тоже пожертвованная. Флигель — так себе, особенного ничего нет. В Тюмени, кроме того, есть вольная аптека Рейнеке. Его аптека сделал бы честь и старику Имзону в Петербурге. К тому же содержатель (из аптекарей горного ведомства) — человек

добросовестный, с любовью к своей специальности, ученый в настоящем и благородном значении этого слова. Достойному — честь и хвала!

Однажды обедал я у бывшего градского головы И.В. Иконникова, у которого государь император дважды останавливался в доме в 1837 году. После обеда вследствие изъявленного мною желания свозил он меня на градское кладбище. Я признаюсь: вправе был ожидать, что тюменское градское общество заботится об месте успокоения присных сердцу, ибо нельзя же почитать умершего человека тушей павшей скотины, которую спешат зарыть в яму, да и баста! Однако я нашел тюменское кладбище (и заметьте, что тут лежит вся местная аристократия) в страшно неряшеском виде! Даже только одна половина ограды сносная (впрочем, деревянная), а другая половина обвалилась, и что всего гаже — памятники обворовывают. Да! Буквально обворовывают, мне показывал это сам Иван Васильевич. На его фамильном кладбище, многократно уже обкраденном, теперь все украшения на железных заклепах! А место поэтическое, в роше близ Туры. Как бы таким богачам не оградить своего кладбища крепкой каменной стеной с воротами, не иметь хорошего караула, не разбить на кладбище дорожек, не насадить пахучих кустов, не обложить дерном могилы и не поделать скамеек

для отдыха? Повторяю: кладбища должны быть общественными садами, местом духовного общения живых с отшедшими, должны возбуждать успокоительные мысли... а то развалины, навоз, святотатственные поломы и похищения с памятников! Иван Васильевич несколько раз говорил об этом градскому обществу, но то был «глас вопиющего в пустыне»! А нельзя же ему переделывать одному всю Тюмень. Он и так много доброго и полезного делает. Возвращаясь с кладбища, осмотрел я и богадельню Трусова. Очень небольшое богоугодное заведение...

Тюменцы напечатали в Губернских же ведомостях пиндарическую оду и своему общественному саду. Был я и в нем, приглашенный однажды моими знакомыми пить там чай в прекрасный летний вечер. Но этот сад, как говорится, «не собаку съел» своим устройством. Напротив! Содержится он более нежели неопрятно, дорожки заросли травой, зала и беседка, черные и ветхие зданьица, да и местоположение — не Бог знает что. Тура извивается — это правда, в глазах созерцателя инде продымит и пароход, но жизни и движения по Туре мало, притом же она ведь не Волга, а небольшая речка, текущая сонно в глинисто-низких берегах. Тюмень, конечно, эффективна, если глядеть на нее из-за Туры, но красит ее тут кругая гора, церкви и монастырь, особенно же восхитительного ниче-

го нет. Тобольск эффектнее из-за Иртыша. Вообще, Западная Сибирь видами не богата, не то что Восточная. Конечно, за исключением поэтического уголка Алтая и Зайлийского края. Но все громадное пространство от омской линии до Ачинска и Пельыма — покатая к океану плоскость с дремучими тайгами, а к Северному полюсу и с тундрами.

С 1845 года учреждена в Тюмени ярмарка с 1-го января по 1 февраля. На первых порах привезено было на нее товаров на сумму 3857142 р. с., а продано на 1030000 р. с. Цифра, кажись, очень почтенная. Тогда торопились пророчить Тюмени перевод в нее Ирбитской ярмарки, и сибирское купечество даже домогалось этого у правительства, но домогательство это отклонено, и ярмарка начала упадать, цифра привозу и продажи год от году понижается. В 1861 году привезено было товаров только уже на 500400 р. с., а продано на пустую сумму 177800 р. с. Причины такого упадка очень понятны. Ирбить сложилась целым столетием. В ней теперь есть все удобства для помещения торговцев и товаров. В Тюмени же этого ничего нет. Гостиный двор ее недостаточен для такой громадной торговли. Торговая площадь, как мы видели, тесна и неудобна, езда по спускам и улицам еще хуже. Владельцы же немногих хороших домов — все люди богатые и ведущие свою собственную обширную торговлю. Они

никогда не согласятся пускать к себе на постой из-за денежных выгод, для них совершенно мизерных и не заслуживающих в глазах их никакого внимания. А в общности домиков и домишков — ни удобств, ни надлежащего обеспечения в безопасности никогда не будет. В нынешнюю Ирбитскую ярмарку жители получили доходу от найма до 40000 р. с. официальной цифры (а известно, что эта цифра всегда ниже истинной); стало быть, заботиться об улучшениях — для них необходимость, ибо они живут остальные одиннадцать месяцев в году этим февральским доходом. К тому же, что за беда для торгующих сворачивать с Московского тракта сухую безделицу — 110¹/₄ верст (с Камышлова)? Это для них пустой расчет денежный. Наконец, с 1 января 1862 года проведена и в Ирбить телеграфическая проводка (она стала действовать с 1 февраля), а еще года через три Пермь и Тюмень будут, может быть, соединены с Ирбитью железной дорогой, т.е. Кама и Волга с Турой (а Тоболом, Иртышом, Обью и Томью пароходно с Томском). Стало быть, менять верное хорошее в настоящем на неверное хорошее в очень далеком будущем торговля никогда не согласится. Рассматривая ведомость о движении ярмарки Тюменской в прошлом, да и в позапрошлых годах, сейчас бросается в глаза горестная графа книг, вопиющая в пустыне, с протянутыми по ней

тире! Да! В 1861 году не привезено в Тюмень «ни одной книги» — трогательное доказательство просвещения этого города. С подобным направлением, конечно, далеко не уйдешь, и хотя будешь ворочать миллионами целковых, но это лишь наружный блеск, ибо 20000000 р. с. речного судоходства — лишь удобный водный перевоз с одного пункта Сибири на другой, т.е. с Томска, где начинается водная пути на западной части края, до Тюмени, откуда надо идти опять обозно до камских пристаней, покуда не осуществится проектируемая ныне железная дорога от Тюмени до Перми. Собственно ж производительность Тюмени ограничивается выделкой незавидного кожаного товара да торговлей красным про себя. Что ж касается других производств тюменских, как-то: мыловаренного, свечного, гончарного и тому подобное, то, во-первых, все это на ничтожные суммы, во-вторых, такие производства есть сплошь да рядом и в других городах империи, притом в больших размерах и лучшего качества.

И древностями не может похвалиться Тюмень, да и самая древность ее не очень далеко хватает. Она основана в 1581 году, или, точнее сказать, сделалась первым по заселению русским городом в Сибири из татарских юрт прежних мурз. Громкие слова «царство Сибирское» не надо принимать в смысле грозных

некогда царств потомков Золотой орды, Астрахани и Казани, Крыма и киргизских орд. В Сарае и Казани остались исторические следы прежнего могущества — развалины и выкапываемые доселе драгоценности. Здесь этого ничего нет. И самый «Искер» близ Тобольска был кочевой ставкой хана Кучума, не более. Все в здешнем «Сибирском царстве» древнее, монументальное исторически замечательное принадлежит русской эпохе. Тюменский Свято-Троицкий мужской монастырь основан в 1618 году пришедшим из Казани монахом Нифонтом. Тут есть архимандрит и 8 монашествующих. Монастырь не богат, но содержится хорошо, да и архимандрит человек просвещенный и любознательный. Здесь могила приснопамятного Сибирского Митрополита Филофея Лещинского (в схиме Феодора), прославившегося своим самоотверженным апостолом в обращении в христианство магометан здешнего края: вогулов, остяков и самоедов. Он скончался здесь 31 мая 1727 года и по завещанию его похоронен на монастырском дворе прямо западных дверей Троицкого собора. И ныне разъезжать по Пелымскому краю, по Березовскому округу и берегам Ледовитого океана — не находка, а что ж было 150 лет тому назад? Притом же не только идолопоклонники, но и магометане несколько раз пытались его убить. Еще замечательна ико-

на Знамени Божией Матери, писанная около 1621 года, и к которой православные жители Тюмени питают особенную веру. Богатая риза ее, украшенная камнями, сооружена усердием И.В. Иконникова. На площади подле Думы хранится в деревянном сарае шлюпка, на которой государь переправлялся дважды через Туру в июне 1837 года. На шлюпке собственноручная надпись: «Александр. 1 июня 1837 года». В самой Думе, в ее присутственной камере хранится снимок с блюда, на котором поднесены были хлеб и соль. Блюдо это было сделано из тюменской глины с золочеными орнаментами. Так как государь дважды останавливался в доме И.В. Иконникова, то в зале этого дома сделана надпись. Завершим эти заметки справедливым порицанием за облупившуюся наружность Думы. Али денег у тюменских тузов не хватило? Хоть бы из амбиции. Ведь надпись гласит: «Дом градского общества». Можно, стало быть, дергать его опятно.

В Тюмени есть довольно людей почтенных, родовых богачей, благородных по душе и по совестливости в делах торговых. Таков Иван Васильевич Иконников, в доме которого (как сказано было выше сего) дважды останавливался государь в 1837 году. Иконникова можно назвать «сибирским самородком!». Немного найдешь в Сибири людей из купеческого со-

словия, которые бы имели такой светлый и беспристрастный взгляд на все их окружающее. Сибирь избалована похвалами. Золото, в ней найденное и до селе находимое, подняло, как говорится, «ее курс». Конечно, в Сибири живут материально лучше, строятся опрятнее, довольства духа и брюха неизмеримо более, нежели во внутренних русских губерниях, но все-таки эта драгоценная колония могла бы развиваться еще быстрее, если бы дух ее капиталистов был направлен на путь истинного прогресса. Себялюбиво наживать миллионы, а не хотеть, чтобы и край богател; относить все к себе, а не желать преуспевания и обществу — не есть дело и призвание истинного сына отчизны и хорошего гражданина. Глядя на благородное поприще Степана Савина, а ныне и детей его, которые все стараются привести свой родной Осташков в лучшее и лучшее положение, нельзя не пожелать, чтобы в городах наших (а тем более сибирских, по отдалению этого края) было поболее купцов, подобных Савиным. Здесь же, в Тюмени, много богачей и даже есть миллионеры... Построить либо украсить церковь — похвальное дело, богадельню — тоже, подарить дом для училища — тоже архипохвально, но не пора ли вложить и «душу живую» в среду, окружающую эти миллионы?

Если тюменское градское общество точно богато (а этого от-

рицать нельзя), то почему у них не было до сих пор «общественного банка», когда и при небольшом банке город несомненно быстро двинулся бы вперед на пути материального развития? Почему у них не было «сберегательной кассы» в таком центре торгового движения и скопления разного люда, тогда как этим можно б было приучить рабочий народ к духу порядка и бережливости, столь ему необходимому? Почему у них не было «общественного клуба», куда могли б сходитьсь дружеские купцы и обмениваться мыслями, ибо только социальность да обмен мыслей могут их вывести из нынешнего видимого застоя? Почему у них не было и нет доселе «коммерческого училища», тогда как подобное учебное заведение для него настоятельная необходимость, ибо пора же быть русским купцам негодьями по-европейски? Почему, наконец, у них не было да и нет доселе «публичной библиотеки» своей, да и в таком городе, где местной и заезжей молодежи купеческой да мещанской так много (по десятой ревизии здесь окладных мещан 3127)? Почему да почему?.. И когда брожу иногда тоскливо вечером по опустелым улицам этой громкой Тюмени да вижу дома здешних богачей, уже с десятого часу погруженные в полный мрак и могильную тишину, меня так и порывает крикнуть им на весь их

город: «Когда же вы жить-то начнете?». Впрочем, в нынешнем 1862 году городской банк получил начало, есть и дворянское собрание, расшевелена умным купцом Н.М. Чукмалдиным и мысль о публичной библиотеке. Стало быть, недаром я пишу и говорю вот уже три года!

Да! В Тюмени мало покуда духа общественного, и в этом она далеко отстала от Томска, Иркутска, даже Кяхты!

Успенский винокуренный казенный завод в 80 верстах от Тюмени не имеет ничего замечательного, даром что турист встречается тут, въехавши в Сибирь (близ Тугулымской станции в 53 верстах от города), первый раз лицом к лицу с Сибирью. Работают на этом заводе преступники, назначенные по суду для работ на заводах. В Успенском заводе считалось в 1861 году мужчин 153, а женщин — 6. Ныне и этого разряда преступников здесь нет по новому положению о работах. Его заменяют поселенцы — «временно рабочие» на 4-летний срок. И в 1861 году тут уже было 379 мужчин и три женщины.

Тюменское градское хозяйство нельзя назвать процветающим. Доходов было в 1861 году 16316 руб. 47¹/₄ к. с. Задатный капитал самый ничтожный: 17156 р. 95³/₄ коп. сер., тогда как маленький Ишим имеет до 30000 р. с.²⁰.

²⁰ Автор забыл сказать, что в Ишиме большая Никольская ярмарка, которая много способствует увеличению городских доходов. — *Ред.*

Осмотрев все замечательное в Тюмени, я собрался ехать дальше.

Прощай, Тюмень! Ты несомненно имеешь все данные для хорошего будущего. Ты — узел почтовых, обозных, водных, телеграфических путей всей Сибири, а Бог даст, и железная дорога скоро соединит тебя с Камой и Волгой. Ты стоишь на грани Азии с Россией, у подошвы Урала. Местность твоя дала тебе многое. Но «жизненного духа», который один всемогущ творить чудеса в наше прогрессивное время, в тебе еще нет! Общество твое апатически делает «свои дела», а общественных делах нисколько не заботится. У тебя лишь теперь, и то в младенческих размерах, заводится банк, начинается клуб, думается о публичной библиотеке, и доселе нет около тебя сносных дорог, хорошего проезда внутри, чистых улиц, хороших тротуаров, горящих фонарей. Громадное большинство твоих домов не удовлетворяет очам, вкусу, удобствам жизни. Спуски и подъемы твои ни на что не похожи, мост — и подавно. Нет полицейских зданий, пожарной казармы и пожарных помещений. Грязь и сор в тебе всюду и обуюду! Нищих, восседающих с пошухами и кузовками на базаре и у спусков и раздирательно ревущих — легионы. Беглых много, и воров немало. Одним словом, в тебе благодарение Господу! 120 кабаков, а вряд ли найдется 10 современных книг...

III. От Тюмени до Ялуторовска

Я уже высказал, какое неприятное впечатление произвела на меня Тюмень, когда я подъезжал к ней со стороны Туринска. И проводила она меня тем же самым, когда я из нее выехал в Ялуторовск. Воображаю, какое дурное впечатление производит она на въезжающих в Сибирь из России. От самого Тугулыма (по Екатеринбургскому тракту, где торчит древняя пирамида царства Сибирского, свидетельница многих исторических событий) дорога идет среди тундристой почвы, устланной мхами и поросшей мелким сосняком и березами. Как говорится, так и тянет за душу. То же самое и от Тюмени до Ялуторовска: дико, пустынно, безотраднo...

Выехал я из Тюмени только что с пиру, заданному мне одним богачом с жалостливой душой, и его-то угощению *ad libitum* обязан, что лукавый не сманил меня повеситься на первой же встречной лесине! День был гадкий, серый, дождь ситом сеял. Обстановка дороги скучная. Ни одного пахотного поля, ни одной деревушки! Так по дурной дороге тащился я до села Богандинского, где почтовая станция и последнее волостное правление Тюменского округа. Тащился 31 версту с лишком 7 часов! Темнота сделалась страшная, дождь и рытвины на дороге, и я

боялся, что мой тарантас того и гляди опрокинется. Но когда стали мы подъезжать к Богандинской, дождь перестал, ветер утих; темно было, это правда, зги не увидишь, зато воздух потеплел и напомнил даже недавно простившееся с нами краткое сибирское лето. Вдруг в этой темноте и тиши замелькали костры, пламя которых ярко отражали сонные воды Пышмы. Это река большая и глубокая, течет она с Уральского хребта и могла бы быть, подобно Нице, судоходной, содержать сообщение между хлебным Ялуторовским округом и уральскими горными заводами.

Однако поэтически эффектно было это костровое пламя, горячее в разных местах на темном фоне осеннего ночного неба. Сим способом «лучат рыбу». Привлекаемая ярким пламенем костров, играющим на зеркальной поверхности сонной реки, рыба, уже спавшая в своих кристалльных чертогах, пробуждается и поднимается на речную высь. Тогда ее либо колот баграми, либо ловят неводком.

В странствиях, подобных тому, какое предпринял в прошлом году даровитый Максимов на далекий Амур и какие я теперь предпринял с 1861 года, есть, спору нет, большие неудобства и лишения, много нужно, конечно, самоотвержения и силы воли, но зато есть и свои увлекательные прелести, своя чарующая поэзия! Едем, как, например, сего дня, по сущей пустыне

в крошечной тьме сибирской осенней ночи, истолчет и изотрет все кости, коверкая и ломая тарантас по иной дурной дороге. Проклянешь тогда от всей полноты души день своего рождения и охоту таскаться по дорогам... и вдруг — о волшебный жезл магика-декоратора! — изломанный, промокший, назябшийся порядком очутишься в чистенькой, сухой и теплой светличке, в которой молодая черноглазая хозяйка квартиры хлопочет около кипящего самовара, улыбаясь и, видимо, сочувствуя комплиментам «барина». То же чувство неги и самодовольствия испытал и я, когда очутился в светличке Богандинской...

Сажусь пить чай, отдохнуть не только телом, а и душой. Вдруг тихо скрипнула притворенная в прихожку дверь, и вкрадывается в мою светличку волостной писарь, низенький, кругленький, с отвислым брюшком и полнорумяными щечками. Одна рука его заложена за спину, другая за борт сюртука. Шаркнув по обычаю правой ножкой, он поздравляет меня с благополучным прибытием. Не прочь я принять благосклонно его поздравления, и между нами завязывается довольно интимная беседа.

При выезде из Богандинской я убедился, что самая местность — то тут просто Богом обижена. В Пельмском краю хоть и тундра, по крайней мере растет там на ней великолепная дремучая тай-

га, а здесь — та же тундра, но с мизерным лешишком, таким, что и на дрова его рубить стыдно! По обе стороны дороги не увидишь ни одного пахотного поля. Богандинские крестьяне ездят пахать верст за двадцать от своего села. Но, слава Господу! Вот, наконец, граница Ялуторовского округа, а вот и станция Романовская. Если пошло теперь у нас с вами на откровенность, на «правду всякого мужика», то, по моему крайнему разумению, давным-давно бы следовало обратить серьезное внимание прежде всего на сокращение расстояния станций там, где (как в Сибири) при жестоком климате они просто невыносимы! В России давно уже сокращаются эти расстояния, хотя там деревушки сплошь да рядом по тракту и есть где отогреться да потребовать помощи в случае нужды. А возьмем, например, первые две станции от Тюмени к Ялуторовску уже на главном Сибирском тракте, т.е. на путеследовании самом разъезжем, где и огромные почты на нескольких тройках ходят теперь в глубь Сибири пять раз в неделю, и проезжих по подорожным всегда множество. От Тюмени до Богандинской станции — 30 верст, а от нее до Романовской — 33, и ни одного жилья по дурной дороге, пролегающей часто через болота! Как бы не сделать тут подставки? Лошади мучаются, целые сутки проходят в ожидании их возвращения домой, проезд останавливается. На об-

ратном пути моем из Ялуторовска в Туринск осенью 1861 года у меня сломался тарантас между Ялуторовском и Романовской, и меня отпустили с Богандинской станции в романовской же почтовой повозке, уверяя, что «повозок-де у нас нет». Отпустили с двумя ребятишками (один за форейтора, ибо повозку тащили 6 лошадей), с непрочными колесами, дырявым кожаным запоном и так далее; сверх сего, я вынужден был заплатить за эту дрянь (кроме огромных прогонов, хотя подорожная моя была на две лошади и по справедливости да закону следовало заплатить только за четыре по случаю осенней распутицы) полтинник прокату, иначе пришлось бы сидеть на станции целые сутки. Отпустили наконец таким на «авось» манером в ночь и с снежной метелью. Последствия такой безурядицы были вот какие. На 14-й версте от Богандинской, часу в одиннадцатом ночи, одно из передних колес повозки-душегубки не сломалось, нет! — а просто рассыпалось, т.е. оковка сама по себе, спицы тоже и трубица паки тоже. Значит, хорошо смотрят! И вот очутились мы в лесу, окруженном топками, еще не замерзшими болотами, в снежную вьюгу... А ближайшая деревня, и то в стороне, в восьми верстах! И откуда один из мальчишек (подросток лет 17) поскакал в эту деревню на вершней сбивать народ, мы про-

сидели в лесу и в снегу битых три часа: я, как можно себе вообразить, в мучительном беспокойстве за оставленного при пяти лошадях парнишку, что-бы он не замерз.

Отчего ж это так делается? Оттого, что за почтосодержателями, должно быть, ладом смотреть не хотят.

Романовская станция — так себе, утонувшая в непроходимой грязи деревня. Неказиста и окрестность этой Романовской, даже неудобна, ибо проточной воды нет, а берут ее черт знает где, из какого-то болота, но, отъехавши верст десять (эта станция до Ялуторовска по крайней мере только 19), окрестность как бы декорационно внезапно изменяется! Совместно ли крохотному городу Ялуторовску показать себя на болоте, Богу ли так над ним смилоствивился, но внезапное изменение ландшафта поражает, как обухом по голове, всякого наблюдателя. Лесишки, жалкая пародия на сибирскую тайгу, внезапно куда-то уходят, грунт крепчает, показывается вдали веселое степное пространство с тенистыми березовыми рощами. Слава Богу! Значит, благодатные южные округа под боком.

Ялуторовск, как и соседи его Ишим да Курган, — большое село и только. Порядочная (или как себе ее так воображают жители) улица только одна. От тюменского выезда идет она, упираясь в базар, за которым

спуск на луговую сторону Тобола. На ней и обе церкви (каменные, но не очень изящной постройки). Гостиный двор нехорош — черное старое и темное строение.

22 сентября 1861 года, отдохнувши от толчков и пинков дурной дороги, пустился (как сделал сие и в Тюмени) я напрожь всего осматривать «ялуторовское просвещение», открытое в 1846 году на собственные средства И.Д. Якушкина, находившееся до 1858 года в ведении епархиального начальства, ныне перечислено в Министерство просвещения. В трехлетие — с 1859-го по 1862 гг. — в нем воспиталось: в 1859 году 55 девиц (мещанских 17, купеческих, челанских, крестьянских и разночинцев 38), в 1860 году — 68 девиц, а в 1861 году — только 43. Вообще Ялуторовское женское училище не произвело на меня отрадного впечатления, даже дом меня раздражил. Огромный коридор поглощает, Бог знает для чего, все почти здание, а комнат нет! Все это строено, кажется, на живую нитку.

Ялуторовское уездное училище в январе 1862 года сгорело с библиотекой и со всеми учебными принадлежностями. Это был небольшой домик с греческим фронтоном и не совсем удобным помещением. Двор был грязен и тесен. А не худо бы иметь при училищах чистые дворы, даже с садиком.

Приходское училище на другой улице, на вид неказисто. Внутри темно и неопрятно. В Ялуторовском округе на 156983 ж. о. п. только одно училище Министерства государственных имуществ. Во всей этой местности (половина всей Архангельской губернии) учеников 63, а учениц 6. В уездном училище — 53 ученика, а в приходском — 43 на город с 3030 ж. о. п. Говорят еще, что сельские причты учат детей у себя на дому.

Городничий повез меня показывать свой острог и градскую больницу. Острог этот состоит из трех темных и грязных казарм (притом вовсе не обширных), помещалось в этот день 133 мужчины да в одной избе во дворе 15 женщин²¹.

Из тюрьмы поехал я с городничим в градскую больницу. Городового лекаря тогда была вакансия, а окружной постоянно находится в округе, ибо дел тьма. Больница очень немудрая и не совсем чисто содержимая.

Ялуторовские присутственные места помещаются (окружной суд, градская полиция и казначейство) в каменном двухэтажном доме (купленном у экс-торговца), но тесно и неудобно. В особенности мала присутственная камера градской полиции. Во дворе пожар-

ное помещение было тогда тоже незавидное²². Внутри было тесно. На дворе этого же дома находится следственный флигель.

Земский суд помещается особо, на другой улице, в большом деревянном доме. Хоть простор и есть, да не очень опрятно.

Заташили меня и в «хозяйственное управление», где всякого рода бороды правоправят своими брадытыми ближними и здешним городским хозяйством. Низенько и темно. Осматриваю я и обе церкви. Бедно и нечисто. На базаре у спуска на реку подобие публичного сада с жиденькими березками (эти сады приказал устраивать генерал Гасфорд), но когда он достигнет цели, к тому ж тут и петуху не разгуляться! Но выполнили волю «пославшего их», и совесть спокойна, дело о садах сдано в архив. О наружности города и не говорю. Если уж богатая Тюмень неряха, то чего требовать от Ялуторовска?

Желая видеть все, ездил я с командиром инвалидной команды в новоустроенную им казарму. Вот тут видно тотчас знание дела и заботливость. Близ казармы — новый острог. Дай Боже подрядчику, этот острог строящему, соорудить его скорее и прочнее. Наконец, заглядываю я и на городское кладбище, хочу почтить мертвых... а приводится махнуть рукой на живых!

²¹ В Ялуторовске уже оканчивается постройка нового острога. — *Ред.*

²² Постройка новой ялуторовской пожарной, наконец, разрешена и в 1863 г. окончена.

26 сентября была при мне в Ялуторовске ярмарка, очень пустенькая (на 6000 р. с. привозу и на 2000 продажи). Зато Ялуторовский округ — вечная ярмарка. Их в нем 52, иные даже на полмиллиона целковых обороту. Здешняя местность не только земледельческая, но и промышленная да ремесленная. Она славится своими холстами, деревянной посудой. Много есть богатых крестьян. Но вот что худо. Еще в Тюмени заметил я множество нищих, облепивших спуск на Туру. Здесь на ярмарках их тьма, и, что всего хуже, расхаживают так называемые «юродивые». Дурацкий колпак на голове, вериги на шее, огромные четки в руке — все бы ничего. Но они вооружены дубинами с железным копьём. При том же мне жаловались, что они назойливо лезут в дома, с угрозой вымогая подаяние! Юродствовать вообще надо запрещать, ибо это не в духе времени.

Как в Тюменском округе, так и в Ялуторовском есть татары (в Тюмени — четыре волости и 3144 рев. души, а в Ялуторовске — две волости и 2140 рев. душ). Такой итожец исчезает, как капля в море, в населении в 300000 душ. Здешние татары — военные поселяне, причислены к Тобольскому татарскому конному полку. В домашности, от наших татар русских губерний, ничем не отли-

чаются. С Ялуторовского округа уже начинается плодородная почва южных округов здешней губернии, да и всего низовья Сибири от Кургана до Забайкалья. Здесь сеют преимущественно яровой хлеб, которого снято в 1861 году 996354 четверти. Льна и конопли тоже много. Лошадей до 95350 голов, а рогатого скота до 96147 голов. Даже овец свыше 10000, а свиной до 50000. Значит, округ не то, что Тюмень и Туринск. Однако трехлетие — с 1857-го по 1860 гг. — жутко отразилось на благосостоянии всего здешнего юга, и хотя в 1861 году урожай был редкий по обилию (сам 17), но этого диковинного урожая недостаточно было, чтобы пополнить нужды и потребности истощенного населения!

Закрываю. Какие ж можно извлечь поучительные результаты из всего, что я в 1861 году видел, слышал и теперь рассказал прямодушно? Из всего, что и доселе, почти то же. На пространных трех округах, мною тогда исследованных, с тремя городами и 300000 населения (треть Тобольской губернии) есть все: русские, татары, вогулы, каторжные поселенцы, есть тайга, болота, степи и тучные пажети, есть сундуки с мильонами и много нищих, есть, наконец, тучи чиновников, но мало еще того жизненного начала, которое все ведет к лучшему.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Лукич».

Мост на Стриковской¹

Хоть раз в жизни каждый тюмонец проходил или проезжал по мосту, ведущему к вокзалу, что на Первомайской улице. Но, наверное, мало кто знает, что у этого моста длинная история, начало которой было положено еще в XIX веке.

Железная дорога пришла в Тюмень в 1885 году. Торжественное открытие движения по Екатеринбург-Тюменской железной дороге состоялось 6 декабря этого года в Екатеринбурге, в этот же день в Тюмень отправился поезд, начиная тем самым регулярное движение по участку железной дороги Екатеринбург—Тюмень. Но этому торжественному моменту предшествовали многолетние дебаты по строительству дороги от города к железнодорожному вокзалу.

Все дело оказалось в том, что город Тюмень в силу своего географического положения оказался отделенным от железной дороги логом, с протекавшей по

нему речкой Тюменкой. Для того, чтобы благами железной дороги можно

было воспользоваться, от вокзала до города необходимо было построить подъездной путь.

В Государственном архиве Тюменской области хранятся документы, свидетельствующие, что еще в 1876-м и 1881 годах при проведении правительственных изысканий по устройству Екатеринбург-Тюменской железной дороги инженерами Лестушевским и Мациевским было предложено устройство подъездного пути от городской станции железной дороги в город Тюмень по направлению к Большому Городищу через речку Тюменку, мимо дома Трусова до Гости-

¹ Ныне улица Крупской.

нодворной² площади. Такое предложение соответствовало нуждам города, было одобрено постановлениями городской Думы от 1 августа 1876-го и 25 августа 1881 годов. Затем, при новом рассмотрении вопроса о дороге к железнодорожному вокзалу, Тюменская городская

Дума в своем постановлении от 1 мая 1884 года решила: «просить железнодорожное управление об устройстве двух подъездных путей: одного, ранее намеченного, мимо дома Трусова к Гостинодворной площади и другого к Базарной площади».

Первый и, как считали гласные Тюменской городской Думы, главный путь мог бы проходить по направлению к Большому Городищу через речку Тюменку по Трусовскому переулку³, мимо дома Трусова, до Гостинодворной площади. В тогдaшнем центре города Трусовский переулок уже имел деревянный мост через лог.

Правда, мост был уже старым, и тюменцы наде-

² В документах встречается и другое название, например, Гостинодворская.

³ Ныне улица Перекопская.

План части города, прилегающей к железной дороге

А, В — варианты подъездных дорог к вокзалу; 1 — железная дорога; 2 — вокзал; 3, 6 — проектируемые мосты; 4 — лог; 5 — жилые кварталы, предполагаемые к сносу; 7 — церковь Михаила Архангела

ялись, что за казенный счет в городе будет построен новый земляной мост через лог. Для прокладки дороги через Городище городское Управление планировало даже произвести снос строений, подпадающих в зону планируемой дороги.

Второй подъездной путь предполагалось сделать по Голицынской улице⁴ до Базарной площади, также с мостом через лог. Просьба эта была вызвана и мотивирована растянутостью города и сравнительной недостаточностью одного построенного пути.

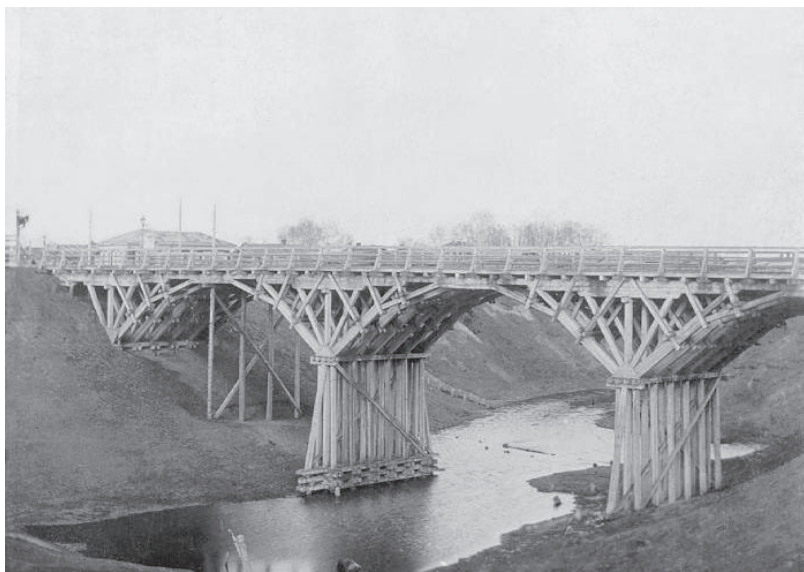
Рассмотрев это ходатайство городской Думы, Временное

Управление казенных железных дорог отклонило устройство на казенный счет пути мимо дома Трусова из-за значительной протяженности и дороговизны его постройки, но приняло на себя устройство моста на пути по направлению к Базарной площади. С этим заключением Временного Управления согласился министр путей сообщения.

Настаивая на постройке дороги через Большое Городище, городская Дума имела в виду «общее удобство, общий интерес всех частей и жителей города, а не одной его окраины»

К июлю 1885 года подъездной путь к Базарной площади

⁴ Ныне улица Первомайская

Мост на Стриковской улице. Построен в 1885 г.
(фото около 1900 г.)

с деревянным мостом через лог был построен, однако по компромиссному варианту — мост через лог выходил не на Голицынскую улицу, а на Стриковскую, т. е. по направлению к тогдашнему центру города.

На заседании городской Думы констатировалось, что «город имеет в настоящее время один подъездной путь к железнодорожной станции «Тюмень», который связывает эту станцию только с окраиной города. Центр города, Заречная и Затюменская его части оказываются весьма отдаленными от железной дороги. Между тем в этих именно частях города сосредоточены главным образом торговля и промышленность Тюмени, так, например, кожевенные заводы, составляющие главную и весьма значительную по обороту капитала промышленность Тюмени, находятся все в Заречной части города; в этих же частях города расположены гостиницы и дома для приезжающих.

Поэтому привоз товаров в город со станции «Тюмень» и вывоз таковых из города на эту станцию и также въезд в город и выезд из города проезжающих по железной дороге в настоящее время положительно затруднителен».

Но пожелания тюменцев остались только на бумаге. Железнодорожное ведомство при строительстве дороги от вокзала руководствовалось не в последнюю очередь минимумом

затрат. Об этом свидетельствует акт о состоянии моста от 15 декабря 1886 года. «Во исполнение поручения Тюменской городской Управы, мы нижеподписавшиеся, в прошлом ноябре месяце осматривали бывший временный железнодорожный мост, при чем нашли, что мост этот в настоящем своем виде хотя и может быть признанным пока благонадежным, но ввиду того, что он уже теперь должен считаться не временным и служить значительному передвижению обозов, мы считаем необходимым с весны же будущего 1887 года приступить к некоторым исправлениям, а отчасти и укреплению, а именно:

- 1) Сделать новую настилку
- 2) Поставить новые перила
- 3) Средние пять поперечных

рядов свай раскосить крестовинами из пластин с прибавкою их к сваям шпильями».

Тобольский губернатор 30 ноября 1887 года направил письмо тюменскому городскому голове, в котором сообщал, что министр путей сообщения «признал подлежащим удовлетворению ходатайства Тюменского городского общества об устройстве на счет казны подъездного шоссированного пути от ст. Тюмень до Хлебо-базарной площади г. Тюмени лишь в пределах отчуждения под станцию железной дороги. Но, желая облегчить городу устройство остальной части подъездного пути от грани-

цы отчуждения железной дороги до Базарной площади, Его превосходительство признал возможным разрешить перевезти по Екатеринбургско-Тюменской железной дороге все потребное для устройства шоссе количество материалов по служебному тарифу». Но денег в городской казне на устройство шоссе от вокзала до Базарной площади не нашлось.

Шло время, деревянный мост ветшал, в то время как грузооборот через него все увеличивался. Гласные Тюменской городской Думы, обеспокоенные состоянием моста, на своем заседании 2 мая 1900 года рассмотрели вопрос «о постройке вместо существующего через овраг по дороге из города к станции «Тюмень» Пермской железной дороги ветхого деревянного — земляного моста».

В смете, составленной исполняющим должность городского архитектора К. Чакиным, на сооружение земляного моста с деревянной трубой для пропуска воды подсчитана сумма в 11703 рубля. Смета включала следующие статьи расхода:

- 1) Забивку свай в количестве 186 штук;
- 2) Работы по сооружению трубы;
- 3) Устройство тротуаров и перил;
- 4) Навалка земли в насыпь;
- 5) Укладка дренажа, выстилка русла ручья, выстилка дерном откосов насыпи;

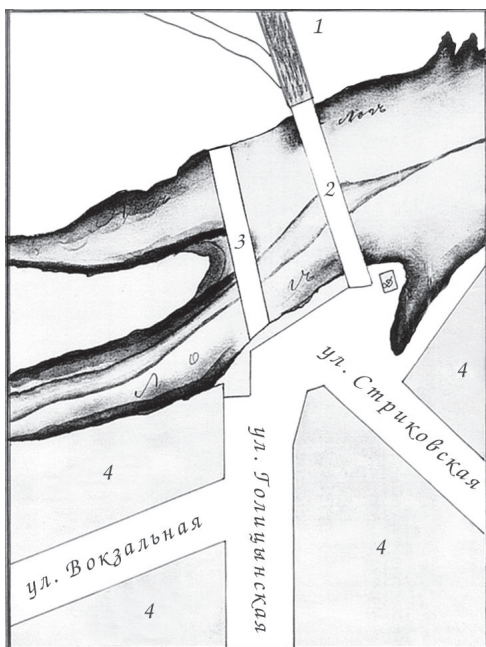
б) Полировка откосов насыпи.

Причем предполагалось, что требуемое в насыпь количество земли будет безвозмездно доставлено с работ под казенный очистной винный склад.

Лишь в 1908 году Тюменская городская управа вернулась к вопросу о вокзальном мосте. Вниманию членов управы был предложен доклад заступающего места городского головы В. А. Копылова.

По осмотру, произведенному Тюменской управой совместно с городским архитектором, состояние деревянного моста, находящегося на овраге на пути к железнодорожному вокзалу, «возбуждает весьма серьезные опасения, настилка моста пришла в негодность, скрепления также весьма ненадежны, почему представляется необходимым безотлагательно принять меры к сооружению нового земляного моста».

По мнению городской управы, смету 1900 года можно было принять к руководству и «хотя цены на рабочие силы возвысились, но земляные работы можно выполнить дешевле, при пользовании находящейся вблизи земель. Признавая положение существующего моста весьма опасным, городская Управа полагала бы ныне же приступить к работам по сооружению нового земляного моста рядом с существующим, потребный же для сего расход отнести на эко-

**План существующего
и проектируемого мостов**

**1 — дорога к вокзалу; 2 — старый
деревянный мост; 3 — проектируемый
земляной мост; 4 — жилые кварталы**

номию, образовавшуюся в сумме до 10500 рублей по смете текущего года, вследствие заготовки дров из городских дач, а недостающую сумму внести в смету 1909 года».

Для контроля над сооружением нового моста и других строительных работ, согласно ст. 103-104 Городового Положения, необходимо было избрать исполнительную комиссию, которая и была избрана в собрании городской Думы 12 июня

1908 года. В комиссию вошли гласные А. М. Ратанов, М. А. Брюханов, А. Ф. Аверкиев, Н. Т. Горбунов и А. Ф. Обрубов.

В этот же день начальнику 8 участка Пермской железной дороги поступило письмо из Тюменской городской Управы с просьбой «не отказать принять участие в осмотре деревянного моста на овраге по пути к вокзалу для определения степени его надежности»

К осмотру моста были привлечены инженеры А. В. Ступалов, Г. И. Горбунов, Ф. Э. Вардроппер.

Прибывшие 20 июня 1908 года начальник 8-го участка Пермской железной дороги А. Н. Филонов, инженер путей сообщения А. В. Ступалов, заступающий место городского головы В. А. Копылов, члены комиссии и городской архитектор К. П. Чакин осмотрели мост и нашли, что он «пришел в совершенную ветхость, почему ремонт его представляется невыгодным», а потому было признано необходимым следующее:

«1) В нынешнем же году приступить к постройке земляного моста с каменной трубой

через овраг, немного левее в сторону от настоящего моста, ближе к Голицынской улице;

2) Ввиду опасного состояния моста теперь же прекратить на нем движение тяжестей, которые направлять по дорогам чрез земляные мосты: мимо тюремного замка и по Трусовскому переулку;

3) Ныне же возбудить ходатайство пред Управлением Пермской железной дороги:

а) о переноске водопроводных труб, проложенных на месте, где ныне проектируется новый мост, при чем присутствующие при осмотре инженер путей сообщения А. Н. Филонов изъявил свое согласие составить проект трубы моста, исчисление ее стоимости и давать указания при самой постройке моста

б) просить Управление Пермь-Тюменской железной дороги о льготной перевозке бутового камня, необходимого для сооружения моста».

Смета, составленная городским архитектором К. Чакиным 25 июня 1908 года, включала в себя следующие пункты.

«1) Привезти в насыпь земли 1370, 44 куб. саж. по 3 руб. = 411, 32 руб.;

2) Настлать мостовой из 2-х верхковых плах 138 кв. саж. по 5, 5 руб. = 759 руб.;

3) Тротуар шириной 0,6 саж. — 736 руб.;

4) Одерновать откосы 600 кв. саж. — 300 руб.;

5) На непредвиденные расходы — 177,18 руб.;

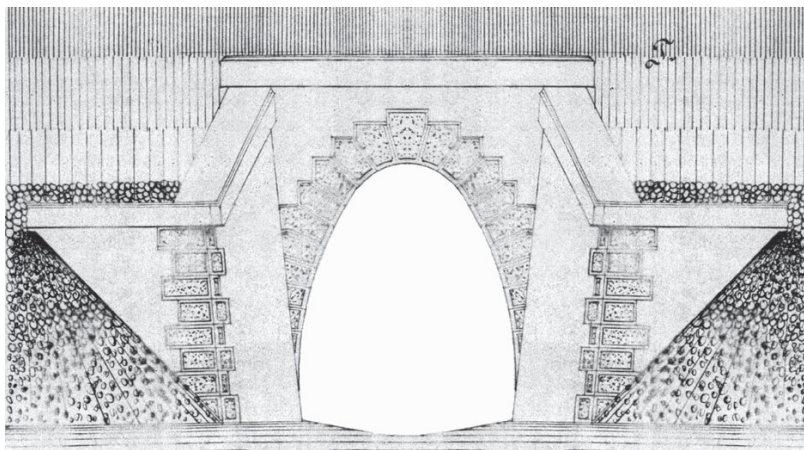
6) На укладку водопроводных труб 60 по 10 руб. = 600 руб.

Итого 6683,5 рубля».

Инженером Филоновым отдельно была составлена смета на сумму 9800 рублей на постройку каменной трубы для нового земляного моста.

Но, видимо, находились более важные дела, более срочные и необходимые платежи из городского бюджета, который и так-то был невелик. Строительство нового моста все откладывалось.

Лишь 11 июня 1911 года собралась комиссия в составе уже нового городского головы П. И. Никольского, тюменского уездного исправника Н. Е. Скатова, членов технической комиссии инженера Г. И. Горбунова и Н. В. Кузьмина, членов городской управы М. И. Карташева, И. Г. Шиленкова, А. Д. Нестерова и городского архитектора К. П. Чакина. Собравшиеся произвели осмотр вокзального моста в Тюмени, причем оказалось, что «в средних главных устоях сваи при поверхности земли подгнили, а также подгнили продольные и поперечные брусья при поверхности земли, поставленные в 1903 году подкосы в средней части при проезде дают колебание, в береговых устоях подгнили подкосы в месте соединения их с подушками, в городском устое нет одного подкоса и стояка. В

Проект вокзального моста в конце Голицынской улицы (1908 г.)

некоторых местах ослабили подкосы в соединениях, продольные и поперечные брусья в верхнем строении сгнили — почему комиссия решила под 2 главные устоя подвести городки, к сваям поставить подкосы по центру моста».

В заседании городской Думы от 15 июня 1911 года признавалось, что «означенный мост, построенный средствами Уральской, ныне Пермской железной дорогой и перешедший в владение городского Управления, в настоящее время по заключению комиссии пришел в ветхость». Одни гласные высказали мнение, что «в интересах же города было бы более желательно приступить ныне к постройке нового моста, для чего можно было бы временно позаимствовать средства, например, из специального капитала

на постройку моста через реку Туру». Другие, что «ждать же постройки моста два, а может быть и три года представляется при существующем положении вещей совершенно невозможным. Закрытие проезда по мосту на столь большой срок вызовет массу неудобств в сообщении города с вокзалом, в особенности со времени открытия движения по Тюмень-Омской железной дороге.

Оставлять же по-прежнему проезд по мосту без его ремонта представляется слишком рискованным, так как состояние моста настолько плохо, что оно угрожает падением самому мосту.

Сделать же временное позаимствование средств на постройку моста является крайне затруднительным. Так, специального мостового капитала 8000 рублей

закладными листами Нижегородско-Самарского Земельного банка будет недостаточным для всей постройки моста, исчисленной по смете в сумме 25000 рублей. Других же источников к поименованному на постройку денег у города не имеется, а потому таковой проект является малоосуществимым».

Исходя из этого городская Дума приняла решение о ремонте деревянного моста. Решение было единодушным, гласные надеялись, что отремонтированный мост может простоять по крайней мере три года, в течение которых образуются капиталы из попутных сборов для постройки нового моста.

Предполагалось, во-первых, «произвести ремонт вокзального моста, согласно указаний комиссии, производившей его осмотр, и на основании составленной городским архитектором сметы, выражающейся в размере 2600 рублей 92 копеек».

Во-вторых. «На время ремонта моста прекратить езду по нему с тем, чтобы следующие на вокзал пассажиры и грузы должны быть направляемы в объезд или по земляному мосту или возле тюрьмы».

22 июня 1911 года городской голова Павел Иванович Никольский направил тюменскому уездному исправнику письмо, в котором писал, что требуется крайняя осторожность в проезде по мосту, а го-

родская управа просила исправника «сделать распоряжение об усилении надзора со стороны чинов полиции за тем, чтобы езда по этому мосту, согласно существующим правилам производилась шагом и по возможности без скопления на мосту нескольких экипажей».

Ремонт моста был сделан, и 18 июля 1911 года собралась приемная комиссия. В составе комиссии были городской голова П. И. Никольский, члены городской управы – Д. Т. Горбунов и А. Д. Нестеров, члены строительной комиссии – инженер Г. И. Горбунов, Н. Д. Машаров и А. П. Шитоев, городской архитектор К. П. Чакин, а также подрядчик Ф. П. Мельников.

Комиссия, осмотрев отремонтированный мост, убедились, что под два главных устоя были подведены городки; поставлены подкосы, скрепленные сверху по стоякам болтами; в устоях положены в землю прогоны, в которые установлены новые подкосы; балки под мостовой заменены новыми; старые мостовые заменены новыми в два пласта; поставлены перила и настланы новые тротуары; нижняя мостовая и городки осмолены.

Комиссия постановила: «мост признать прочно отремонтированным и открытие по нему движения вполне безопасным». Мост простоял еще четверть века.

Новый земляной мост, о котором так долго говорили, все же построили, только без каменной трубы и несколько левее старого деревянного, как предусматривалось проектом 1908 года. Тупиковая когда-то Голицынская, а позже Первомайская, улица напрямую соединила город с вокзалом. Точную дату постройки нового земляного моста установить пока не удалось, но построен он был уже в 30-е

годы, незадолго до Отечественной войны, а в прошлом 1999 году был капитально отремонтирован.

Сегодня можно признать, что решение железнодорожного ведомства, принятое более ста лет назад, по строительству моста от вокзала к Базарной площади, тогдашней окраине города, вопреки мнению тюменцев, оказалось удачным, и ныне кратчайший путь связывает вокзал с центром города.

Валерий Александрович Чупин родился 30 июля 1962 г. в г. Ишиме. Закончил исторический факультет ТюмГУ, работал учителем в школе. Публиковался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», «Архитектурном наследстве». В настоящее время — старший научный сотрудник отдела фондов Тюменского областного краеведческого музея. Постоянный автор журнала «Лукич».

А был ли Яша Шайчик?

Стоит в Тюмени на улице Спасской (так раньше называлась улица Ленина) под номером 47 двухэтажный каменный красивый дом с полукруглым эркером. Как гласит надпись на фронтоне, построили его в 1914 году. Здание это известно в Тюмени как «Дом Яши Шайчика». Впервые я узнал это имя, наверное, из книги Светозара Павловича Заварихина «Ворота в Сибирь», изданной в 1981 году¹. Мне как-то сразу запомнилось это имя, Яша Шайчик, фамилия необычная, интересная, забавная даже, с уменьшительным суффиксом. Слышалось в словосочетании «Яша Шайчик» что-то такое шестящее, шуршащее, шорохтящее, и имя — теплое, домашнее...

Ну, а теперь самое время задать вопрос: а был ли Яша Шайчик?

Вопрос-то я задал, а ответа на него не знаю. Нет, Шайчик, разумеется, был, но вот называл ли его кто-нибудь когда-нибудь

Яшей — мне неизвестно. Может быть, жена, может быть, братья, друзья. А может быть, никто и никогда.

Не знаю. Но вот в чем я почти уверен, так это в том, что в книге «Ворота в Сибирь» имя Яша рядом с фамилией Шайчик появилось, что называется, с забора. Дело в том, что на ажурной кованой решетке ворот усадьбы имеется надпись: «Дом Я.Ш. Шайчикъ» с буквой «ер» на конце фамилии. А авторы книги, видимо, прочитали инициалы «Я.Ш.» как сокращенную форму имени Яша.

Так как же все-таки звали Шайчика, как расшифровать его инициалы? А звали Шайчика Янкель Шаевич. Что нам о нем известно, кроме того, что на ули-

¹ Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М.: Искусство. 1981. С. 128—130.

це Ленина в Тюмени стоит его двухэтажный дом, вернее, даже два каменных дома на одной усадьбе. Ну, известно, например, что торговал он готовым платьем. Вот, пожалуй, и все. Не густо. Я пока что нигде не встречал даже год его рождения, хотя, впрочем, это легко вычислить. Посчитайте сами: если в 1910 году Шайчику было 38 лет (а этот факт зафиксирован в посемейном списке тюменских евреев за 1911 год), следовательно, появился на свет он в 1872 году.

Родился Янкель Шаевич, видимо, в Тобольске. В документах Тобольского архива сохранилось дело «о пристройке крыльца к дому Шайчика». Речь в этом документе идет о доме отца Янкеля Шаевича, поскольку самого Янкеля тогда еще не было на свете. Проект реконструкции крыльца был составлен в 1870—1871 гг., за два года до его рождения².

Первое свидетельство о Янкеле Шайчике в Тюмени относится к концу XIX века: в списке домовладельцев города за 1898 год по адресу Спасская, 33 вместо Порфирия Степановича Мальцева вписан тобольский мещанин Янкель Шаевич Шайчик³.

Где-то на рубеже веков, около 1900 года, Янкель женился. Ему тогда еще не было 30,

лет 28. Его избранницу звали Сарра.

В 1901 году у Сарры и Янкеля родился первенец, которого в честь отца Янкеля Шаевича назвали Шай⁴. В последующие пять лет у Шайчиков родилось еще трое детей: в 1903 г. сын Хаим⁵, в 1905 г. сын Мейлах⁶, а в 1906 г., 16 августа, дочь Хана.

Итак, в первые годы XX века неуклонно увеличивалась семья Шайчика, а вместе с тем параллельно росло и его благосостояние.

Торговый дом «Братья Шайчики» на Царской

До 1904 года семья тобольских мещан Шайчиков вела «небольшую торговлю готовым платьем на тюменском базаре в дощатом городском балагане» (Ермак, 1912 г.). В годы русско-японской войны (1904—1905 гг.) они, видимо, из Тюмени уехали на восток. Им «улыбнулась фортуна». Война — дело прибыльное. «Как и многие из поставщиков на русского солдата, Шайчики разбогатели и вернулись в Тюмень капиталистами, на Царской и на Спасской улицах они выстроили большие дома, открыли богатый магазин, устроили роскошное помещение для клуба»⁷.

² ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 113.334. 1870—71.

³ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 462.

⁴ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

⁵ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

⁶ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

⁷ Ермак. № 4 (21). 19 мая 1912 г., сб. С. 20.

А было это так. Разбогатев на войне, Янкель Шайчик в 1907 году приобрел у П.С. Сапожникова имение — «пустое место» на Царской улице (там сегодня находится концертный зал филармонии). Покупка обошлась ему в 12000 рублей. Куплю-продажу оформил известный в Тюмени нотариус Николай Тарасович Албычев (жил он в собственном доме на Полицейской улице, ныне Тургенева)⁸.

В следующем, 1908-м, году Янкель Шаевич Шайчик обратился в городскую управу за разрешением построить в Тюмени на Царской улице двухэтажный каменный дом для магазина и клуба с номерами⁹. Управа поддержала прошение Шайчика, правда, в резолюции почему-то назвала его Яковом Исаевичем, хотя, насколько я знаю, православию он не принимал.

За полтора года, с мая 1908-го по ноябрь 1909 г., Шайчик выстроил большое каменное здание Торгового дома. Строительство стоило Шайчикам 40 тысяч рублей¹⁰. Со стороны Царской улицы дом был двухэтажный, а со двора — трехэтажный. В здании было 33 комна-

ты. Немало даже для такой большой семьи...

Семья и соседи

К началу 1911 года у Янкеля Шаевича и его жены Сарры было четверо детей: три сына — Шай девяти лет (1901 года рождения)¹¹, Хаим семи лет (1903 года рождения)¹², Мейлах пяти лет (1905 года рождения)¹³ и одна дочь Хана четырех лет (родилась 16 августа 1906 года). В 1915 году, когда Хане исполнилось 9 лет, она поступила в Тюменскую женскую гимназию¹⁴.

Посемейный список тюменских евреев, составленный по состоянию на 1 января 1911 года¹⁵, кроме детей и жены, включил в состав семьи 38-летнего Янкеля Шаевича Шайчика и двух его братьев — Ицхака и Абрама. В 1909 году братья Янкель, Ицхак и Абрам основали в Тюмени Торговый дом «Братья Шайчик». Торговали они мехами и шубами, валенками и готовым платьем. 22 декабря 1910 года в возрасте 29 лет в Варшаве скончался Ицхак Шайчик¹⁶. По просьбе его вдовы братья выделили ей долю

⁸ *Афромеев А.* Вся Тюмень. — Тюмень. 1912. С. 92.

⁹ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 3. Д. 23. Л. 1908 (21. 4—17.6.1909).

¹⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 16. Л. 23—30. Оценочная ведомость Тюменской городской управы. 1910 г.

¹¹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

¹² ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

¹³ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-1. Д. 87. Л. 152; ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 3. Д. 31.

¹⁵ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

имущества¹⁷. По акту, утвержденному нотариусом Тобольского окружного суда 14 апреля 1914 года, хозяевами всей недвижимости Шайчиков стали Янкель и Абрам, младший из братьев (родился примерно в 1883 году)¹⁸.

19 сентября 1917 года жена Абрама Шайчика Хана Лейба родила дочь. Ее назвали Злата Ривка (или, скорее, наверное, Голда Ривка). Дочь Абрама Шайчика появилась на свет вдали от отцовской родины, за океаном, в США, в г. Кобе. Свидетельство о ее рождении выдал местный американский врач Ленин¹⁹. Какая нужда забросила беременную Хану Лейбу так далеко от дома, мне пока неизвестно. Кто знает, может быть, они ездили туда на разведку на предмет эмиграции? В России ведь жизнь становилась опасной, назревала новая революция. Кто знает, кто знает...

В доме Шайчиков на Царской, помимо хозяев и их собственного магазина, помещения занимали аптекарский магазин Баудина, фруктовый магазин Мухаметзянова, гостиница «Россия», принадлежавшая Ивану Викторовичу Янужису, меховой магазин Торгового дома «Ф.А. Ионов и И.С. Алин» (там имел-

ся «большой выбор сибирских, американских мехов и шкурок разных зверьков для воротников и отделок»). На втором этаже здания, над магазином, помещались приказчиков клуб²⁰ и номера. Пятнадцать «номеров с отоплением» сдавались желающим по 800 рублей в год (среди квартирантов Шайчика документы называют, например, некоего Штейна). Расходы на содержание этой недвижимости составляли 1500 рублей в год, а ежегодный доход достигал суммы 16000 рублей, то есть чистого дохода (только с недвижимости) Шайчики получали около 14500 рублей.

Соседкой Шайчика с правой стороны, на углу улицы Иркутской (Челюскинцев), там, где теперь асфальтированная площадка перед концертным залом филармонии, была известная тюменская купчиха Павла Петровна Воробейчикова. Здесь находилось одно из ее многочисленных недвижимых владений. По соседству с Торговым домом Шайчиков, слева, находился дом Иоселя Хаймовича Брандта (дом сохранился до сих пор на улице Республики, 34, там до начала 1990-х годов располагался исполком Центрального района Тюмени).

¹⁷ Иваненко А. С. Прогулки по Тюмени. Тюменская издательская фирма «Слово». 1999. С. 83.

¹⁸ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 876. Л. 12 об.

¹⁹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 204.

²⁰ ГАТО. Ф. 353. Оп. 3. Д. 31. Дело о приспособлении каменного здания, принадлежащего тюменскому купцу Якову Шайчику под помещение клуба приказчиков в г. Тюмени.

Дом Янкеля Шайчика
(ул. Ленина, 47)

*«Брат восстал
на брата»*

Был у Шайчика еще один сосед — на базаре. В 1912 году (Янкелю тогда исполнилось 40 лет) в Тюмени произошел огромный скандал, одним из участников которого была семья Шайчика и его «базарный» сосед. В мае 1912 года местная газета «Ермак» опубликовала статью под названием «Брат восстал на брата»²¹. Разумеется, не газетная заметка стала причиной скандала. Она была лишь отголоском реалий тюменской жизни.

Итак, статья «Брат восстал на брата» гласит: «Очень интересное не по содержанию, а по обстановке дело разбиралось на днях в Тюмени в выездной сессии Тобольского окружного суда. В продолжение многих лет мирно и спокойно торговали в Тюмени евреи Шмуклер и Шайчики, дружно уживаясь рядом на базаре в досчатом городском балагане, ведя небольшую торговлю готовым платьем. Но фортуна улыбнулась Шайчикам во время японской войны: как и многие из поставщиков на русского солдата, Шайчики разбогатели и вернулись в Тюмень капиталистами, на Царской и Спасской улицах

они выстроили большие дома, открыли роскошный магазин, устроили роскошное помещение для клуба, а прежний сосед по торговле Шмуклер остался в той же обстановке бедного мелкого торговца. Из-за чего-то между бывшими добрыми соседями загорелась непримиримая вражда, и в один прекрасный день Шайчики обнаружили таинственный переход из своей базарной лавки в лавку соседа Шмуклера своего товара. Закипело дело, вызвана была масса свидетелей, даже Шайчики не поскупились адвоката пригласить в качестве гражданского истца, лишь бы дожать ненавистного конкурента. (Как много иногда может сказать одно-единственное слово. В данном случае слово «даже» — В.Ч.). На суде свидетели путались: одни утверждали, что товар, найденный у Шмуклера, товар Шайчика, другие говорили, что товар с клеймами Шайчика везде продавался на базаре. Гражданский

²¹ Ермак. № 4 (21). 19 мая 1912 г. С. 20.

истец г. Вальберг²² усердно чернил подсудимого и даже был два раза остановлен председателем. Подсудимого защищал г. Радлов, указавший, что в данном деле много сенсационного, сомнительного, а прямых улик нет. Все говорит о том, что Шайчики хотели сжить конкурента, даже в управу подали заявление о передаче им лавки, занимаемой Шмуклером.

Присяжные после продолжительного совещания признали Шмуклера виновным в простой краже на сумму менее 300 рублей. Суд приговорил Шмуклера к трехмесячному тюремному заключению».

Шайчики не единожды становились мишенью для газетных острословов начала XX века. В 1912 году газета «Ермак» опубликовала еще одну заметку, которая, скорее всего, тоже имеет отношение к семье Шайчика. У меня нет абсолютной, стопроцентной уверенности в том, что речь в статье идет именно о Шайчике, поскольку, в отличие от судебной истории со Шмуклером, автор этой заметки зашифровал фамилию персонажа, ограничившись лишь первой ее буквой — «Ш». Кроме этой подсказки, автор дает еще две: первая — персонаж торгует готовым платьем, вторая — на Царской улице. Приметы

совпадают. Кроме Шайчика, другого продавца готового платья на главной улице Тюмени с фамилией на букву «Ш» в 1912 году, кажется, не было.

Итак, газета «Ермак» 19 мая 1912 года пишет: «Есть в Тюмени благодетели, поддерживающие существование некоторых ремесленников. На Царской улице имеется магазин готового платья Ш. Товар, продающийся там, преимущественно приготавливается в Тюмени же. Но едва ли кто из потребителей подозревает, что за шитье, например, брюк, которые покупатель приобретает за 3—4 рубля, платили мастеру только 5 копеек. Невероятно, но факт. На днях в редакцию зашла женщина и рассказала, как оплачивается этот нелегкий труд. Взяла она от г. Ш. шить несколько брюк. Приносит работу в магазин. Там ей заплатили «по положению» по пять копеек со штуки. Начала она было спорить против «положения» и просила рассчитать хотя бы по 10 копеек, но владельцы были неумолимы. И на нитки не работала, жаловалась бедная женщина. Становится понятным, почему скоро богатеют торговцы готовым платьем. Сами платят за работу по 5 копеек, а потребителю ставят в счет от 75 коп. до 1 руб. 50 коп. Процент очень солидный!»²³.

²² Вальберг Борис Павлович, присяжный поверенный, проживал на Серебряковской (Советской) улице, № 6.

²³ Ермак. № 4 (21). 19 мая 1912 г., сб. С. 14—15.

Клуб приказчиков

Клуб приказчиков открылся в Тюмени в середине XIX века. Это было чуть ли не первое в Сибири заведение подобного рода. Идея его создания принадлежала Н.М. Чукмалдину. Он хотел таким способом «поднять умственное развитие местных приказчиков»²⁴. Клуб арендовал помещение в доме Бровцына²⁵. Там была сцена, декорации для спектаклей и т.п. В 1890 году клуб состоял из 8 почетных и 98 действительных членов. Делами клуба заведовал совет старейшин под председательством Николая Михайловича Глизмана (1890 г.). К 1 января 1890 года в кассе клуба было сосчитано 739 рублей 91 копейка. С 1895 года при здании клуба открылось общество взаимного вспомоществования приказчиков²⁶.

Хотя клуб и назывался приказчи́чим, но состояли в нем чиновники и служащие, купцы и приказчики. В начале XX века число его членов увеличилось до 200 человек. В 1909 году братья Шайчики выстроили на Царской улице огромный дом, в котором,

кроме прочего, разместился и клуб приказчиков²⁷. В клубе была хорошо обставленная и оборудованная сцена с просторным зрительным залом. Там устраивались спектакли, концерты, «семейно-танцевальные вечера и другие увеселения». При клубе работала неплохая библиотека, в которой имелось около пяти тысяч книг. Заведовала библиотекой Анна Николаевна Малкина²⁸. Мужчины проводили вечера за игрой в карты. Почетный гражданин Тюмени доктор С.И. Карнацевич вспоминал об одном из своих учителей Иване Флегонтовиче Виноходове, преподавателе истории в реальном училище, который «прекрасно знал свой предмет». Так вот, Флегоша, так называли его ученики, «был убежденным холостяком и все вечера проводил в клубе приказчиков за игрой в преферанс или вист. После Февральской революции он стал директором училища»²⁹.

Председателем совета старейшин клуба в 1913 году был Александр Александрович Крылов, редактор «Сибирской торговой газеты»³⁰. В литературе это

²⁴ П.М. Г-в. Жизнь и деятельность Н.М. Чукмалдина // Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. — Тюмень: СофтДизайн. 1997. С. 353.

²⁵ У Бровцына были дома на Знаменской, Успенской, Серебряковской улицах, на углу Садовой и Царской. Где именно располагался клуб, пока неизвестно.

²⁶ Справочник и адрес-календарь по г. Тюмени и Тюменскому уезду на 1913 год. — Тюмень. 1913. С. 158.

²⁷ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 3. Д. 31.

²⁸ Справочник и адрес-календарь по г. Тюмени. С. 159.

²⁹ Карнацевич С.И. Воспоминания. ТОКМ. Рукопись.

³⁰ Там же. С. 160.

заведение именуется «Приказчикий клуб», а вот старожил Тюмени Владимир Сергеевич Шишкин, когда мы с ним встречались, всегда меня поправлял, он говорил: «Клуб приказчиков». А было тогда Владимиру Сергеевичу 91 или 92 года. И ему я верю больше. Он сам был приказчиком у Колмакова, сам много раз бывал в клубе.

Летом клуб приказчиков перемещался на природу. До 1912 года для летнего помещения клуба совет старейшин арендовал частный сад наследников Гилевых³¹ рядом с типографией Афромеева и Благинина³² (типография размещалась в доме Гилевых на углу улиц Царской (Республики) и Подаруевской (Семакова), там, где сегодня главный корпус университета (ул. Семакова). Каждый день в 7 часов вечера в саду начинались гулянья. Плата за вход «в обыкновенные» дни составляла 10 копеек, а в то время, когда играла музыка, 20 копеек. Для посетителей работал буфет «с горячими кушаньями». По праздникам в саду устраивались фейерверки и маскарады. Аренда «гилевского сада» стоила совету старейшин 800 рублей³³.

За проведение «общедоступных маскарадов» руководство клуба постоянно подвер-

галось резкой критике со стороны членов клуба, общественности и прессы. «Чувство глубокого возмущения и негодования» вызывало то, что эти увеселения вносили в традиции клуба «развращающий и разоряющий элемент».

Тюменская газета «Ермак» в 1912 году писала: «Они пользуются каждым праздником, чтобы выступить с «маскарадом»... Даже 9 мая был маскарад, правда, масок было всего пять... а ведь печатание афиш чего-нибудь да стоит. Не станет же даром печатать их в своей типографии председатель совета старейшин г. Крылов, а может быть, и маскарады-то устраиваются для поддержки его типографии. Ввиду того деморализующего направления, какое приняла в последнее время клубная жизнь, в среде членов проводится мысль об организации совместно с музыкальным кружком другого клуба, с более приличным направлением... очень уж тяжелая сгустилась в клубе атмосфера»³⁴.

В 1912 году совет старейшин решил отказаться от аренды частного сада Гилевых. Тогда же на средства клуба началась постройка павильона и разбивка своего собственного сада³⁵ на берегу Туры в самом

³¹ Калугин. Адрес-календарь. — Тюмень. 1913. С. 111.

³² Вся Тюмень. — Тюмень, 1912. С. 89—90.

³³ Ермак. № 3 (14). 12 мая 1912 г. С. 16.

³⁴ Ермак. № 3 (14). 12 мая 1912 г. С. 16

³⁵ Справочник и адрес-календарь. С. 111.

начале нынешней улицы Республики³⁶, на углу прежней Гостинодворской площади³⁷, Царской улицы и Трусовского переулка (ныне улица Перекопская). Несколько раз в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам — в саду играл частный оркестр из 18 музыкантов под управлением капельмейстера Исаия Александровича Бейна. Зимой тот же струнный и духовой оркестр играл по вечерам в помещении самого клуба.

25 октября 1916 года, ровно за год до Октябрьской революции, в Тюмени случился пожар. Горел каменный дом Янкеля Шаевича Шайчика на Царской улице. В здании помещался клуб приказчиков. «Обгорело чердачное помещение над вестибюлем клуба, потолочные балки, и образовался провал потолка над лестничной клеткой около пяти квадратных саженей». Причина пожара заключалась в том, что одна из потолочных балок была расположена в стене в том самом месте, где проходил дымовой канал, идущий от парового котла. Остальные помещения клуба не пострадали. Общественной опасности, как написал в отчете председатель сове-

та старейшин приказчиьего клуба Петр Рогозинский, здание не представляло, а потому заведение продолжало работать. А поскольку электричество отключили, клуб какое-то время освещался керосиновыми лампами³⁸.

В марте 1918 года в Тюмени разогнали городскую Думу, арестовали гласных (депутатов). В городе была установлена советская власть, правда, ненадолго: шла гражданская война, и 20 июля 1918 года в Тюмени обосновалась белая армия. Осенью 1918 года Шайчики успели-таки продать здание на Царской. Торговый дом «Братья Шайчик Янкель и Абрам-Ицхак» по улице Республики, 32³⁹ перешел вологодскому купцу Абраму Давыдовичу Хноху «по купчей крепости, утвержденной старшим нотариусом Тобольского окружного суда 15 ноября 1918 года»⁴⁰. В августе 1919 года в Тюмени была восстановлена советская власть. Вскоре недвижимость А.Д. Хноха была национализирована.

5 ноября 1967 года после серьезной реконструкции в здании открылся концертный зал областной филармонии⁴¹.

³⁶ Сад клуба приказчиков сполз в реку вместе с осыпающимся берегом. Как свидетельствует план Тюмени 1937 года, сад еще существовал и был ухаживан в конце 1930-х годов. Сегодня от него осталась только узкая полоска зелени между пешеходным мостом и зданием по ул. Республики, 1.

³⁷ ГАТО. Ф. 141. Д. 2 Л. 25.

³⁸ ТФ ГАТО. Ф. 353 Оп. 3. Д. 31. Л. 1—2.

³⁹ ГАТО. Ф. 141. Д. 22. Л. 3.

⁴⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 16. Л. 23—34.

⁴¹ *Иваненко А.С.* Прогулки по Тюмени. С. 305.

Дом Шайчика на Спасской

Имение на улице Спасской, 33 принадлежало тобольскому помещанину Янкелю Шаевичу Шайчику еще в 1898 году⁴², а может быть, и раньше. Как выглядел в то время его дом, нам пока неизвестно. А вот в 1907 году дом был «двухэтажным, каменным», и Я.Ш. Шайчик пристроил к нему «таковое же жилое помещение, каменную двухэтажную кладовую, службы и деревянную одноэтажную баню с брандмауэром на задней меже»⁴³ (видимо, речь в документе идет о двухэтажном каменном доме, что стоит ныне справа от ворот на усадьбе по улице Ленина, 47; в этом здании в настоящее время располагается зуботехническая мастерская). В 1913 году помещения в нем снимали «коллежский советник второго участка» Леонид Сергеевич Мадатов, мужской портной Карманов, музыкальная мастерская Буддакова и «Второе тюменское раскладочное по промысловому налогу присутствие».

20 марта 1914 года тюменский купец Яков Исаевич Шайчик попросил у городской уп-

равы разрешение построить «каменный двухэтажный дом в первом участке города, по Спасской улице, д. 33». (Кстати, соседом Шайчика справа, в доме по Спасской, 35, был капельмейстер Исай Сендереевич Бейн⁴⁴). Разрешение было получено в рекордно короткий срок — через неделю, 28 марта 1914 года⁴⁵. Автором проекта дома В. Копылов считает тюменского городского архитектора К.П. Чакина⁴⁶.

Всего-то года четыре «Дом Янкеля Шайчика» был домом Я.Ш. Шайчика. В 1918 году имение по Спасской, 33 еще принадлежало законному хозяину⁴⁷. А в 1921 году в доме Я.Ш. Шайчика разместили переведенную из Тобольска повивально-фельдшерскую школу. В Тюмени ее называли фельдшерско-акушерской. В годы Великой Отечественной войны при школе работали краткосрочные курсы Красного Креста, готовившие медсестер и санитаряков для фронта и госпиталей⁴⁸. В 1954 году на базе школы было организовано медицинское училище, а 5 июля 1986 года решением облисполкома дом поставили на государственную охрану как памятник истории

⁴² ГАТО. Ф. И-1. Д. 462.

⁴³ ГАТО. Ф. И-1. Д. 408. Л. 5 б.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 144. Д. 22. Л. 2.

⁴⁵ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 413. Л. 47.

⁴⁶ Копылов В.Е., Добренева Л. Городской архитектор Чакин // Тюменский курьер. 29 июля 1995 г.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 141. Д. 22. Л. 2.

⁴⁸ Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. С. 83—84.

и культуры. Во второй половине 1980-х годов в доме по улице Ленина, 47 разместилось Тюменское отделение Детского фонда.

Что стало с Шайчиками — неизвестно. Скорее всего, они уехали из страны. Правда, свердловчане рассказывали, что в 50-х годах в городе жил человек по фамилии Шайчик, работал он продавцом в магазине «Ткани». Это был единственный мужчина за прилавком во всем Свердловске. В советских магазинах мужчин-продавцов можно было встретить крайне редко. Это удивляло само по себе, но Шайчик,

кроме того, сражал еще всех и каким-то необыкновенным обхождением.

Не знаю, имел ли свердловский товарищ Шайчик какое-нибудь отношение к тюменским торговцам готового платья или нет. Молва не сохранила даже его имени. Но спасибо ей и за фамилию.

Теперь в доме на улице Ленина, 47 находится магазин «СибИнтел», переименованный после евроремонта в 1996 году в «Старый город» (ОАО «Тюменьпродсервис»). И кое-кто из тюменских остряков уже успел пошутить, что, мол, магазин Шевчика в доме Шайчика...

Копылов Виктор Ефимович родился в 1932 г. Закончил Свердловский горный институт. Работал в Уральском геологическом управлении Мингео РСФСР, пройдя путь от ассистента до начальника геологоразведочной партии. С 1964 г. — в ТюмИИ, в 1973-1986 гг. — ректор. В настоящее время директор научно-исследовательского института истории науки и техники Зауралья. Постоянный автор журнала «Лукич».

Суконные мануфактуры Ядрышникова и Андреевых

Своеобразной энциклопедией знаний об уровне технических возможностей промышленности Тюмени середины XIX века стала тоненькая брошюра, изданная в Омске в типографии Сунгуровой в 1872 году («Описание публичной выставки, бывшей в г. Тюмени в 1871 г.», 155 с.). Не однажды приходилось мне обращаться к этой книге за справками, и всегда, подобно Энциклопедическому словарю, она не только давала ответы на мои вопросы, но и помогла наметить новые пути поиска.

Здесь впервые для меня открылась фамилия купца первой гильдии (богатый, стало быть, человек!) Петра Григорьевича Ядрышникова.

Единственная в Сибири. Просматривая в «Описании» перечень наград выставки по третьему разделу («изделия жи-

вотного царства»), я обратил внимание на при- суждение

Ядрышникову Большой серебряной медали от Министерства финансов «за сукно его паровой фабрики в деревне Ядрышниково Тугулымской волости по Московскому тракту в 50 верстах от Тюмени — единственной для всей Сибири». Когда читаешь определение «единственный», то интерес к событию или месту не утихает до тех пор, пока листки с выписками из различных источников не заполнятся и память не насытится до определенной грани, за которой остается только один путь: сесть за компьютер и выплеснуть на его экран все, что знаешь, пока не притупились свежие впечатления.

К сожалению, не удалось выяснить по времени начало деятельности фабрики. Судя по немалому богатству купца, ее работа была известна задолго до открытия выставки. В 1869 году деревянные сооружения фабрики сгорели, но вскоре они были вновь отстроены на кирпичной основе. Как следует из описания выставки, ядрышниковская мануфактура располагала паровой машиной высокого давления в 30 лошадиных сил, изготовленной в Тюмени на заводе Гуллета. В состав машинного оборудования входили трепальные, сушильные, мяльные, мочечные, строгальные, нагонные и прессовочные установки, за-

купленные хозяином за рубежом. Более всего меня удивила численность рабочих — 300 человек!

Не менее поразительным было и другое обстоятельство. Каким образом купцу, пусть и весьма предприимчивому, удавалось привлечь в глухой провинциальный уголок, который в наше-то время стал доступным только после проведения асфальтированной дороги в конце семидесятых годов, и рабочую силу, и капиталы, и передовое по тому времени оборудование? Наконец, почему в такой глуши на протяжении многих лет П.Г. Ядрышникову удавалось сохранить

Бывшее здание фабрики Ядрышников-Андреева.
Фото автора, 1993 г.

конкурентоспособность своей продукции?

Деревня Ядрышниково находилась в двух десятках верст от Тугулыма, выгодно расположенного на оживленном Сибирском тракте. Население поселка издавна занималось производством ковров, выделкой овчин, шитьем полушубков и сапог. П.Г. Ядрышников с успехом учел выгодность такого соседства с готовыми кадрами для своей мануфактуры.

Надо полагать, только исключительно высокими организаторскими способностями Ядрышникова можно объяснить сравнительно долгую и эффективную работу фабрики на протяжении нескольких десятилетий. О таких сибирских самородках следовало бы написать как можно больше, их бесценный опыт начального и энергичного предпринимательства мог бы пригодиться и нашим современникам. К сожалению, подробности биографии купца П.Г. Ядрышникова мне малоизвестны, утрачена ее фотолетопись, которую тогда же, на выставке 1871 года, демонстрировал один из первых тюменских фотографов К.Н. Высоцкий.

Благополучие мануфактуры продолжалось до тех пор, пока ее владение не перешло к наследникам. Располагая немалыми средствами, доставшимися по завещанию, многочисленные родственники, как часто случается в подоб-

ных ситуациях, не пожелали оставаться в глухой деревне, продали фабрику и переехали в уездный город. Немногие из них оставили заметный след в истории Тюмени. Только один из них, Г.П. Ядрышников-младший, запомнился тем, что построил в городе завод искусственных минеральных и фруктовых вод в начале улицы Иркутской, теперь Челюскинцев, недалеко от металлического моста через Туру. Особняк Ядрышникова до сих пор служит украшением старой части города.

В конце 80-х годов XIX столетия фабрика в селе Ядрышниково перешла в руки тюменского купца первой гильдии Прохора Андреевича Андреева, его сына Алексея и дочери Елены. Вскоре, с 1893 года, возможно, по причине малоутешительных итогов работы фабрики, удаленной от торговых центров, ее совладельцем и обладателем контрольного пакета становится некий А.П. Карякин. Торговый дом получает название «Карякинъ и Андреев». Его главная контора размещалась в Тюмени на Хлебной площади (позже Базарная, а теперь — Центральная). Сфера деятельности нового делового образования расширилась на торговлю не только сукном, но и драпом, пледами, верблюжьей шерстью и ватой. Фабрика в Ядрышниково, кроме шерстяных изделий, стала выпускать

анилиновые краски, клеи и кислоты: соляную, серную и уксусную.

Там же, на площади, располагались собственный дом и лавка А.П. Андреева. Он постепенно отходил от традиционного направления своей первоначальной деятельности, расширяя торговлю не столько сукном и трико, сколько железом, жестью, цветными металлами, инструментами для кузнечных и столярных дел, эмалированной посудой, самоварами, асбестом (!), газовыми трубами, красками и метизами. Филиал его конторы обосновался в Томске.

В телефонном справочнике по Тюмени за 1909 год я как-то прочитал любопытное объявление о том, как звонить в контору Андреева: «телефон 112, один звонок — квартира, два — контора, три звонка — лавка». Там же обнаружил еще одно имя купца второй гильдии Авросия Никитича Андреева: торговля кожевенным товаром. О нем я почти ничего не знаю и упоминаю о нем только во избежание путаницы имен. Семье и наследникам П.А. Андреева принадлежали в Тюмени торговые бани на углу улиц Ишимской и Большой Разъездной «с электрическим освещением», модная мастерская и школа кройки и шитья дамских и детских нарядов «по самой новейшей моде и по самым умеренным ценам» на

Знаменской улице и паровое шерстомойное заведение на Казачьих лугах.

К 1910 году экономическое положение сукноделательной фабрики в деревне Ядрышниково снова стало процветающим. Об этом ярко свидетельствует описание ее работы на страницах энциклопедического издания «Россия — полное географическое описание нашего отечества», том 16-й за 1907 год. Мануфактура размещалась в двухэтажном каменном здании, а рядом в пристрое находился энергоблок (котельная и паровое хозяйство). В главном корпусе работали сучильные аппараты завода Марсье и Филлера-дель-Руфи, несколько ваточных аппаратов Гержана и прядильные машины системы «Мюль».

При фабрике находилось ремонтное отделение со слесарными, токарными и сверлильными станками с приводом от паровой машины. Рабочие пользовались бесплатными квартирами в одноэтажных деревянных домах вблизи фабрики. К их услугам владельцы выстроили больницу и аптеку, работал фельдшер. Товары фабрики сбывались на ярмарках в Ирбите, Тюмени и Томске. Сырье — шерсть — скупалось в городах Семипалатинске и Павлодаре. Потребность в солдатском сукне многократно возросла в начале войны 1914 года. Прави-

тельственные заказы обеспечили дальнейший рост производства и прибылей. К сожалению, в годы гражданской войны фабрика оказалась в запустении, а ее владельцы были расстреляны в Тюмени карательным отрядом комиссара Запуска в феврале 1918 года. Любопытный факт из истории деревни Ядрышниково. В 1920 году в ней создается ячейка сочувствующих РКП(б) в составе трех человек. В ее составе находился Федор Ядрышников. Впрочем, в деревне и сейчас немало потомков Ядрышниковых, как и в Тюмени. Достаточно посмотреть телефонный справочник областного центра, где в пе-

речне абонентов фамилия Ядрышниковых встречается более двух десятков раз.

В конце весны 1993 года у меня состоялось давно спланированное, но по ряду причин не реализованное посещение деревни Ядрышниково. Асфальтированная дорога пересекает границу Тюменской и Свердловской областей и вскоре, не доезжая нескольких километров до Тугулыма, поворачивает направо через железнодорожный переезд и ведет нас через селения Колобово и Юшково в Ядрышниково. Село уютно разместилось на берегу речки Малый Кармак среди сосновых лесов и березовых колков. Рядом с плотиной и берегом пруда по улице Октябрьс-

Тюмень, Царская улица. Банкирская контора и магазины А.П. Андреева, фото начала XX века. Обратите внимание на утраченные ныне балкон и башенку на крыше конторы.

кой в хорошей сохранности стоит бывшее двухэтажное кирпичное здание фабрики (см. фото 1). Сравнительно недавно, еще в пятидесятых годах, по соседству с бывшей мануфактурой находились водонапорная башня, котельная с оборудованием, помещения складов и ветряк. Было время, когда в здании фабрики много лет работала мельница. Она обслуживала окрестные села. Сейчас в доме находятся коммунальные службы и деревенская библиотека. Уцелел деревянный дом бывшей больницы, в нем размещается местная администрация. Напротив фабрики построено солидное каменное здание современной школы, а до его сооружения школе выделялась часть площадей фабричного корпуса.

Селение «Фабрика». Одними из наиболее ярких представителей ветвей семьи Андреевых в конце XIX—начале XX веков становятся екатеринбургские и тюменские купцы первой гильдии Яков Прохорович Андреев и его сын Семен Яковлевич. Подобно своему предшественнику по деревне Ядрышниково, они приобрели суконную фабрику на отшибе цивилизации в Туринском уезде Кошуковской волости на речке Каратунка в шести километрах от ее впадения в Туру. Ближайшим населенным пунктом стала деревня Саитково, расположенная не-

далеко от современной Верхней Тавды.

Исток речки Каратунки, кстати, берет начало из озера Источное. Оно знаменито тем, что неподалеку от его берегов в семидесятые годы минувшего века был проведен подземный взрыв атомного заряда на самой границе с Тюменской областью. Когда-то к озеру лесозаготовители провели от станции Азанка узкоколейную железную дорогу. По ней и привезли сюда атомное устройство для подрыва в скважине. Устроителей этой чудовищной акции не только не смутила и не встревожила близость к месту взрыва множества деревень и сел, но и сокровищницы тюменского края — грязевого курорта Ахманки (20 километров).

Начало строительства суконной фабрики относится к 1870 году. Место для нее облюбовал и основал производство тюменский купец Ушков, человек энергичный и не боящийся риска в надежде на плодотворную связь с внешним миром через многоводную реку Тавду. Несколько позднее фабрику, не дающую прибыли, перекупил и значительно расширил Я.П. Андреев.

Надо признать, что пресловутое «соседство» селений Фабрика и Саитково на несколько лет отодвинуло мои поиски и находки. Попытки отыскать мануфактуру рядом с Саитково ни к чему не приве-

**Остатки земляного
вала и плотины
в селении Фабрика.
Фото автора, 1994 г.**

ли, и я не однажды, удрученный и разочарованный, ни с чем возвращался в Тюмень. И только в конце июля 1994 года мне пришлось в голову обратиться за советом в краеведческий музей Верхней Тавды.

На вопрос о местонахождении фабрики и о подробностях ее истории служитель музея не без иронии в мой адрес («темнота!») сообщила убийственную для меня новость: селение Фабрика — это почти пригород Тавды и находится к югу от нее в нескольких километрах. До селения проложена бетонка, так что добраться туда можно без труда. А я то искал фабрику возле Саитково, упустив из виду, что в последней трети XIX столетия и в начале XX селения Верхняя Тавда, а затем города того же названия еще не существовало. Тавда возникла много позже фабрики, в годы первой мировой войны, и, следовательно, привязка фабричного поселка к крупному городу еще не была возможной. Не лишне упомянуть, оценивая мой географический просчет, что дорога от Саитково до фабрики через Тавду тянется на двадцать верст

— А что касается истории фабрики, то, на ваше счастье, в сегодняшнем номере газеты «Тавдинская правда» (№ 88 от 28 июля 1994 г.) помещена статья на интересующую вас тему. Читайте, делайте выписки, — завершила разговор моя собеседница.

Не зря говорится, что на ловца и зверь бежит: искал несколько лет селение, почти ничего о нем не зная, а тут исчерпывающие сведения сами идут тебе навстречу. А если б я приехал в Тавду на несколько дней раньше? Скорее всего, газетная статья оказалась бы мне недоступной, и надолго продолжились бы мучительные поиски. Без везения в краеведческом поиске не обойтись!

В разные времена поселок, ставший позже основой и родителем молодой Тавды, назывался то Никольским, то Андреевским, то Фабричным. Соответственно, и фабрика носила имя селения. Но в самом начале своей истории фабрику именовали Никольской.

После отхода Я.П. Андреева от активной деятельности руководство фабрикой перешло в руки наследников. Так, в феврале 1898 года Я.П. Андреев передал по доверенности управление фабрикой своему сыну С.Я. Андрееву. Энергия молодости заявила о себе незамедлительно. Молодой хозяин завел себе пароходы на Тавде, соорудил двухэтажное здание правления фабрикой и пристань в устье Каратунки, запрудил последнюю и установил на ней водяную турбину, разбил роскошный сад. Вскоре задымил мыловаренный заводик, зашумели лесопилка и мельница, открылись магазин и выстроенная хозяином деревянная церковь. Чтобы привлечь в такую глушь опытных мастеров, деятельный и целеустремленный С.Я. Андреев построил для рабочих целый поселок с необходимой, как мы теперь говорим, инфраструктурой.

В упомянутой энциклопедии «Россия» ее редактором В.П. Семеновым-Тянь-Шанским и автором раздела Ф.Н. Белявским дано краткое описание фабрики в следующих словах: «При последней заслуживают внимания несколько благотворительных заведений для рабочих, приемный и родильный приюты, школы с библиотекой и особенно приют для детей фабричных рабочих, имеющий целью дать им присмотр и по-

лезное развивающее занятие в то время, пока их матери заняты фабричной работой». Можно добавить, что, по воспоминаниям старожилов фабричного поселка, хозяин мануфактуры Я.П. Андреев помогал рабочим деньгами на строительство личных домов и на приобретение коров. На праздники бесплатно выдавались сукно, чай и зерно. Сам предприниматель жил в большом доме, в котором одновременно размещалось и правление. Вид на окрестности из окон дома был необыкновенно красив: ухоженный сад, аллеи из акаций к реке и пруду, богатому рыбой.

К началу XX столетия Никольская фабрика значилась крупным промышленным предприятием. Количество работающих достигло 400 человек. По уровню оснащения современными машинами она считалась по тому времени одной из наиболее передовых. Энергия поступала от паровых машин и гидротурбины на сливе пруда. Слесарная и столярная мастерские имели самое совершенное оборудование. Шерсть доставлялась из Омска, Ирбита и Нижнего Новгорода. Одна из первых в Зауралье фабрика в 1898 году заявила паровое отопление и электрическое освещение (Тобольский госархив. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 313).

О степени прогрессивности устремлений владельца фаб-

**Сохранившееся здание
правления
фабрики Андреева,
на крыше современного
дома — «тарелка»
спутникового
телевидения, 1994 г.**

рики можно судить по закупленному оборудованию. Андреев приобрел водотрубный невзрывоопасный паровой котел системы инженера В.Г. Шухова, выпуск которого только что наладил московский котельный завод А.В. Бари, с которым сотрудничал Шухов — знаменитый автор шуховской телевизионной башни в Москве на Шаболовке. Не удивительно, если в дальнейших поисках найдутся следы пребывания В.Г. Шухова в поселке Фабричном, поскольку при монтаже и опробовании первых изделий присутствие изобретателя в те годы считалось обязательным. Шухов, кстати, не однажды бывал в Зауралье и в Сибири.

В состав системы электроосвещения фабрики и поселка входили паровой электропривод «Вестингауз», динамомашина типа «Эрликон» с выходным напряжением 110 вольт, лампы накаливания в 10 и 16 свечей фирм «Сириус» и «Dekhotinski». Все провода монтировались на фарфоровых изоляторах — новинке того

времени. Всеми работами по электрификации руководил тобольский губернский механик инженер-технолог П.С. Голышев, успешно и в короткий срок усвоивший премудрости основ электротехники.

Чтобы максимально приблизиться к поставщикам и покупателям, владелец фабрики организовал в Тюмени свою контору и магазин. На почтовых открытках начала XX века можно видеть эти здания в центральной части улицы Царской (Республики) (фото 2.). Один из них — бывшая банкирская контора, что напротив сбербанка, — сохранился до нашего времени, правда, в значительно перестроенном виде и без балкона и башенки. В нем размещается магазин с весьма странным названием «Трэвел». А на месте магазина Андреевых, примыкающего к этому строению, сейчас находится аптека.

Дела торгового дома «Я.П. Андреев и наследники» (сукно, трико, драп и одеяла) поначалу шли весьма успешно.

Конторы размещались не только в Тюмени, но и в Екатеринбургe. Там же, в уральской столице, по Вознесенскому проспекту располагалась резиденция другой наследницы — Дарьи Ильиничны. Процветало горнорудное дело в Оренбургской губернии: золото, серебро, марганец, асбест и магнетит. Магазины и склады готовой продукции располагались в Тюмени, Томске, Екатеринбургe, Санкт-Петербургe и на Ирбитской ярмарке.

После 1908—1910 гг. дела на фабрике пошли на убыль. Спад производства произошел по ряду причин. Сказалась на стоимости продукции удаленность фабрики (кто мог предполагать, что через несколько лет к Тавде подведут из Ирбита железную дорогу?). Достаточную прибыль и с меньшими заботами давало оренбургское горное дело. Но самое главное: в Екатеринбургe появились опасные конкуренты. Настолько опасные, что С.Я. Андреев, не выдержав конкуренции, продал на торгах фабрику более удачливым соперникам — братьям Злоказовым, винным королям Урала и Зауралья. В опустевших корпусах после демонтажа оборудования, увезенного в Арамилль под Екатеринбургом, гулял ветер. Арамилльская фабрика существует до сих пор, и, возможно, там еще сохранились как памятники техники старые николевские станки.

В период военных действий с Германией в 1914—1918 го-

дах возникла острая необходимость в производстве шпал для железных дорог. В главный корпус бывшей суконной фабрики, ныне не сохранившийся (кроме остатков каменного фундамента), завезли оборудование по разделке древесины. Другие помещения переделали под кирпичный завод. Он выпускал кирпичи с клеймом. В цехах работали пленные австрийцы. Сохранившееся здание правления фабрики позже использовали под детский дом и санаторий. Пруд спустили, на его месте осталась чаша зеленой поляны, окруженная одиночными деревьями.

Советом работников Тавдинского музея я не преминул воспользоваться и через полчаса был в поселке Фабрика. На территории бывшей мануфактуры, раскинувшейся среди соснового бора, от производственных строений почти ничего не осталось. Вырублен сад, сохранившиеся отдельные вековые березы и тополя и остатки липовой аллеи заросли бурьяном. На месте плотины (фото 3) торчат из воды деревянные опоры-пеньки да шумит небольшой водопад: речная струя резво перебирается через остатки кирпичного основания мельницы. Как мне рассказали, в половодье ребяташки переходят с берега на берег по затопленной стене, не проваливаясь в воду, подобно од-

ному из героев известного кинофильма «Бриллиантовая рука», поверившему в свою святость От работавших когда-то на реке пяти водяных мельниц осталось только название одной из улиц поселка — Мельничная.

Сохранилась деревянная церковь, но без куполов. Недалеке возле бывшего правления на крыше современного двухэтажного здания детского дома с удивлением увидел спутниковую «тарелку»-антенну (фото 4). Было чему удивиться, если даже в Тюмени тогда,

в 1994-м, подобная редкость наблюдалась в единственном числе на крыше геологического управления. Как оказалось, безхозную теперь антенну установил американский бизнесмен. Он, очарованный красотой окрестностей, решил обосноваться в поселке, но без отрыва от всемирных биржевых новостей. К разочарованию пришельца, ему не удалось склонить местные власти к продаже участка бывшей фабрики. Спутниковую аппаратуру американец увез с собой, а вот антенну пришлось оставить на крыше.

27 января в Ялutorовске прошел заключительный этап городского конкурса краеведов «История Ялutorовска в аспекте культуры». Конкурс проходил несколько месяцев, к последнему этапу подошло не более десятка работ в трех номинациях: школьники, краеведы-любители и краеведы-специалисты. Проводился конкурс по инициативе и при поддержке городского управления культуры и при личном участии его руководителя Л.С. Мозутовой. Ниже публикуются доклад-победитель в номинации краеведы-специалисты А.Г. Болотовой и сообщение С.В. Турова, принимавшего участие в данном мероприятии в качестве члена жюри.

К вопросу об истории училища для девиц в Ялutorовске

В этом году нам, нескольким сотрудникам ялutorовского музейного комплекса, довелось побывать в Москве. Времени на командировку было мало, а работы очень много — в архивах, библиотеках, музеях. Искали наглядность для выставки, книги для библиотеки, встречались с потомками декабристов, ездили на экскурсии и т.д. Несмотря на занятость, я выбрала немного времени для того, чтобы поклониться могилам декабристов, некогда проживавших в нашем городе и внесших большой вклад в его культурное развитие. Когда я стояла у скромного черного гранитного креста над могилой Ивана Дмитриевича Якушкина

(он покоится на Пятницком кладбище рядом с Николаем Васильевичем Басаргиным), невольно вспомнила письмо Ивана Ивановича Пущина, написанное им в Марьино 22 декабря 1857 года С.П. Трубецкому: «С Ваней (так звали сына Пущина, родившегося в нашем городе) я был на Пятницком кладбище, помолились на могиле нашего друга Ивана Дмитриевича. Ваня был представителем ялutorовской школы, созданной им»¹. Декабрист Якушкин оставил неизгладимый след в истории культуры Ялutorовска открытием двух школ. Хорошо известно, что официально хлопотал об открытии школ протоиерей Знаменс-

¹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1988. С. 350.

Классъ VII. Таблица 8

№ 35.

Символь вървы.

1. Вѣрвы во снупило Бога Отца Всевсршнителя, Творца небу и земли, видимыхъ же вещей и невидимыхъ.
2. И во снупило Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единагоблагаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всехъ вѣкъ. Света отъ Света, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единаго сущна Отцу, иже не былъ быша.
3. Иже ради человекъ и нашего ради спасенія сшегшаго сея небу и воплотившася отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочлотившася.
4. Сего ради оубо за ны при патрїиотавъ Пилатѣ, и страдавша и похрѣбена.
5. И воскресшаго въ третій день по писаніямъ.
6. И возшедшаго на небо и сѣдѣщаго десницею Отца.

Отрывок из учебного пособия по Закону Божию,
составленного И.Д. Якушкиным в Ялуторовске².

кий, он же писал отчеты и ходатайствовал по многим другим вопросам, а подлинным инициатором, организатором, двигателем всех школьных дел был Иван Дмитриевич Якушкин. Он обладал огромными знаниями. Окончив Московский Императорский университет, всю жизнь занимался самообразованием. М.А. Фонвизин в письме к Н.Н. Шереметевой, теще Якушкина, 13 августа 1834 года пишет из Енисейска про занятия Ивана Дмитриевича на каторге: «Он основательно выучился немецкому и английскому языку и свободно читает самых трудных писателей. Иван Дмитриевич много занимался математическими и есте-

ственными науками и во многом приобрел глубокие сведения. Изобилие книг и сообщество с некоторыми образованными людьми из наших товарищей облегчили ему способы к приобретению познаний...»³.

Всю сумму своих познаний Якушкин в Ялуторовске переработал в учебные пособия для детей, доступные и вместе с тем дающие основательные знания. В Центральном государственном архиве Российской Федерации в фонде Якушкина хранятся материалы декабристов. Узнав, что мы из Ялуторовска, директор архива Мироненко разрешил выдать нам подлинники. Мы были очень удивлены уви-

² ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 18.

³ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. — Иркутск. 1979. Т. 1. С. 142.

денным — поистине труд Ивана Дмитриевича неоценим: записки о ланкастерской школе, пособия по русскому языку, математике, истории, Закону Божию, французскому языку, географии, латинскому языку.

Читаем в письме Михаила Александровича Фонвизина к Якушкину в Ялуторовск от 3 января 1842 года: «...я пользуюсь случаем, чтобы исполнить поручение к тебе от Николая Ивановича Горского: он слышал о твоих географических таблицах, удивляется твоему труду, называя его гигантским, и тому, что эта мысль никому не пришла прежде, и просит тебя убедительно сообщить ему твои таблицы и позволить ему списать южную часть Западной Сибири и прилегающих к ней владений»⁴.

Даже образованные люди использовали учебные пособия Якушкина в качестве источника знаний. По ним обучались как в школе для мальчиков, так в школе и для девочек.

Ялуторовская школа для девочек привлекала к себе особенное внимание во все времена как первое учебное заведение для девиц в Сибири. Многие по истории этого училища известно достоверно, но каждый раз исследователю открывается что-то новое, до сих пор неизвестное.

Открытию училища для девиц разного сословия при Соборной Сретенской церкви предшествовала длительная подготовка. Из приложения к рапорту Стефана Яковлевича Знаменского к преосвященному от 12 июля 1846 года становятся известными те ялуторовчане, которые принимали активное участие в этой работе. Так, квартиру для училища предоставила Федора Григорьевна Гнилышева. По заключенному с ней контракту ей было уплачено 50 рублей ассигнациями⁵. Неизвестно, с чьей легкой руки пошло ходить по разным изданиям утверждение, что учениц пустил в дом Снегирева Н.Я. Балакшин. Н.И. Палопеженцев писал: «Купец Балакшин, наиболее сочувствовавший просветительным стремлениям декабристов, пустил училище бесплатно в более удобный дом Снегиревых до 2 декабря 1850 года»⁶. И.Д. Якушкин в письме к С.Я. Знаменскому из Ялуторовска 28 июля 1850 года сообщает: «Николай Яковлевич для постройки нашего училища дает место, принадлежащее Мясникову, против дома Снегирева, и если мы не придумаем ничего лучшего, то придется строиться на этом месте, которое далеко не так удобно, как место на ограде церковной»⁷. Таким образом, речь шла только о предоставлении ме-

⁴ Фонвизин М.А. Указ. соч. С. 229.

⁵ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 3.

⁶ Палопеженцев Н.И. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе. — Тобольск. 1894. С. 28.

⁷ Штрайх С.Я. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. — М. 1951. С. 323.

Часть таблицы по географии, составленной И.Д. Якушкиным в Ялуторовске⁸.

ста под строительство нового здания под училище. А квартиру Гнильшевой отремонтировали, затратив при этом 514 рублей 18 копеек ассигнациями⁹. Федора Григорьевна взялась сторожить и следить за порядком, и за это ей платили отдельно. Писать и наклеивать таблицы получил заказ Семен Кожевников. Закуплены были 11 катехизисов, 8 книжек толкования Евангелия, шлей, чернильницы и пробки, шнуры на аспидные доски и стержни. Знаменский рапортовал: «1 июля училище было открыто, а со 2-го числа начато обучение; учениц по 11 число поступило 13, коих именной список Вашему высокопреосвященству при сем благопристойнейше представил»¹⁰.

Вот они, имена первых ялуторовских учениц первого училища для девочек в Сибири!

1. Надежда Забелина — дочь курганского окружного судьи Александра Петровича Забелина.

2, 3. Ольга и Анна Андрюковы — дочери отставного титулярного советника Николая Николаевича Андрюкова.

Ялуторск		Ялуторск		на-Тамбовском шоссе?
Вассальи		Вассальи		Ялуторск
1.	Светлана - оранж.	1.	С. Григорьевна - ивановская	<p>Видеть в оранжереях, при Тамбовском шоссе Ялуторск Ялуторск Ялуторск Ялуторск</p> <p>Ялуторск - при оранжереях в Ялуторске Ялуторск - при оранжереях Ялуторск - при оранжереях Ялуторск - при оранжереях Ялуторск - при оранжереях</p> <p>Ялуторск Ялуторск Ялуторск Ялуторск</p> <p>Ялуторск Ялуторск Ялуторск Ялуторск</p>
11.	13. оранж.	1.	О. Григорьевна и О. Григорьевна - ивановская	<p>Ялуторск Ялуторск Ялуторск Ялуторск</p> <p>Ялуторск при оранжереях в Ялуторске Ялуторск - при оранжереях Ялуторск - при оранжереях Ялуторск - при оранжереях</p>

4, 5. Феокиста и Глафира Загibalовы — дочери коллежского асессора Павла Александровича Загibalова.

6, 7. Феофанья и Александра Балакшины — дочери курганского купца Николая Яковлевича Балакшина.

8, 9. Софья и Александра Синюковы — дочери окружного казначея Николая Герасимовича Синюкова.

10. Татьяна Полякова — дочка дьячка Михаила Полякова.

11. Ольга Иванова — воспитанница вдовы мешанина Марьи Сергеевны Егоровой.

12. Анна Матвеева — воспитанница государственного преступника Матвея Ивановича Муравьева-Апостола.

⁸ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 35.

⁹ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 1.

¹⁰ Там же.

Список по списку учащихся, по поступивших в училище Общественное 1854 года.

1. Маргарита Саввина — 9.	Пурманово Маргарита Савва по сестрице Александра Петрова Саввина — 2 рубль.
2. Анна Андреевна — 12.	Антон. Митрофан. Савинин
3. Анна Андреевна — 10.	Антоний Александр. Андреев — 2 рубль.
4. Фридрихотта Саввина 12.	Вильм. Александр Павлов Анн —
5. Екатерина Саввина 10.	Саввина Саввина ва. — 2 рубль
6. Екатерина Саввина 10.	Курт. Кристиан Никольев Анн.
7. Александр Саввин 9.	Саввинин. — 4 рубль
8. Софья Савина — 12.	Антон. Кристиан Никольев
9. Александра Савина. — 11.	Зерасини Савина. — 8 рубль
10. Матрена Матронева — 10.	и другие Матронева Матронева. — 8 рубль.
11. Анна Матронева. — 9.	Посетительница Попова Матронева Матронева Саввина Саввина. — 8 рубль
12. Анна Матронева. — 8.	Василь. Бог. прот. Матронева Анн. — 8 рубль
13. Екатерина Дьякова. — 8.	Матронева Дьякова. Матронева Матронева Дьякова. — 8 рубль.

13. Екатерина Дьякова — дочка умершего землемера Николая Ларионовича Дьякова.

Количество обучающихся постоянно увеличивалось и уже к концу данного года составило 36 учениц. За обучение каждой девицы брали 7 рублей 14 копеек с четвертью серебром в год, в последующие годы эта плата увеличилась. Так, в списке учениц, поступивших и выбывших в 1854—1855 учебном году, значилось уже 48 девочек. Платили они за обучение по-разному, в зависимости от достатка родителей. Правда, разница была небольшая и составляла 3—4 рубля. Например, крестьянка Карнаухова платила за

дочку Матрону 10 рублей серебром, крестьянка Чеянова за дочку Елизавету — 12 рублей, а купец Вагин за дочку Ольгу — 9 рублей. Вдова казачья Пономарева за двух девочек — 10 и 11 рублей, унтер-офицер Козлов за дочку Ольгу — 12 рублей. Совсем не платили за детей вдова унтер-офицера и почтальон. В том учебном году выбыла из училища только одна ученица — Екатерина Скорнякова по причине смерти¹¹.

Поскольку не все желающие могли платить за своих детей, находились благотворители. Жена ялutorовского исправника Фелицата Ефимовна Выкресток платила за ученицу Марью

¹¹ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1.

Васильеву 25 рублей ассигнациями, жена умершего декабриста Ентальцева Александра Васильевна платила за Татьяну Полякову такую же сумму¹². Декабрист Евгений Петрович Оболенский за Татьяну Александрову доплатил 3 рубля серебром. Жертвовали в пользу училища Григорий Васильевич Колмагоров за Акулину Андрееву и некая Наталья Григорьевна за Слатвинскую. Внес 21 рубль серебром купец Бухарин, княгиня Кугушева 7 рублей 14 копеек серебром, Елизарий Алексеевич Выкрестюк 7 рублей 14 копеек с четвертью, Анна Федоровна Бурцева 2 рубля 85 копеек на рукоделие. Два вкладчика пожелали остаться неизвестными. На деньги этих шести ялуторовских благотворителей школа сумела принять еще пять девочек для обучения¹³. Все полученные деньги строго учитывались и распределялись на нужды училища.

Руководители школы хорошо понимали, что для того, чтобы получить какой-нибудь положительный результат, необходимо вложить в любое предприятие — в данном случае имеется в виду рукодельный класс — деньги. Для этого рукодельного класса наняли отдельную квартиру у Настасьи Яковлевны Раунских. Договорились с умелой ялуторовской кружевницей Екатериной Алексеевной Андриюко-

вой о том, что она за 18 рублей будет обучать девочек рукодельному искусству, выделили деньги на материал, и результат не замедлил сказаться. Уже в 1847 году за проданные изготовленные девочками вещи руководитель класса Фелицата Ефимовна внесла на нужды девичьей школы 75 рублей 97 копеек ассигнациями, в то время как вся доходная часть училища — плата родителей и пожертвования — составила 205 рублей.

Училище состояло из девяти отделений. Из «Годового отчета по училищу для девиц за 1846 год» становится известно, что в первый год было задействовано только 5 отделений¹⁴. А чему обучали в каждом отделении, демонстрирует документ «Ведомость о детях, обучающихся в Градо-Ялуторовском женском училище». По словесности и арифметике было 4 отделения. В первом отделении по арифметике по таблицам обучались выговору чисел, состоящих из нескольких цифр, и то же самое под диктовку старшей писали на песке. В 4-м отделении оканчивали первую часть арифметики, решали задачи из четырех действий с простыми и множественными числами и дробями и решали на аспидных досках. При успешном обучении из первого отделения переводили во второе, некоторых девочек

¹² РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 1.

¹³ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 76. Л. 1.

¹⁴ Там же.

еще на некоторое время оставляли в прежнем отделении в течение данного учебного года.

В первый учебный 1846 год в течение 181 учебного дня 36 учениц прослушали кто 41, а кто 81 лекцию по Закону Божию, в зависимости от уже ранее приобретенных знаний по этому предмету. По русской грамматике — 100 лекций, французскому языку — 119 лекций начинающие и те, кто был знаком, — 39. По арифметике начинающие прослушали лекций 250, знающие — по 9. По географии, наоборот: начинающим учиться не с самого начала учебного года не читали, а те, кто обучался с первого дня, прослушали 241 лекцию. По истории ученицы первых отделений прослушали 250 лекций, а последующих отделений — 58. По чистописанию прозанимались 69 часов¹⁵.

Следующий учебный год начался 7 августа и закончился 24 июня 1848 года. Учебных дней было 181, в течение каждой недели по всем предметам читалось по 16 лекций, сверх того, занимались по рукоделию. 1848—1849 учебный год начался с 3 августа и длился по 28 июня. Учебных дней было 171.

В письме к своему сыну Евгению декабрист Якушкин сообщал 2 июля 1850 года из Ялutorовска: «...в училище для девочек проходим всех предметов

очень достаточно для первоначального образования и для того, чтобы сколько-нибудь осмыслить наших учениц»¹⁶. В продолжение трех лет девочки выучивались хорошо читать и писать, учили краткий катехизис, краткую священную историю, все четыре части грамматики, первую часть арифметики, географию, русскую историю. В рукодельном классе учились шить гладью и в тамбур, вязать тамбурной иглой и плести кружева.

В училище с каждым годом обучалось все больше и больше учениц. В письме к С.Я. Знаменскому из Ялutorовска от 8 июля Иван Дмитриевич замечает: «В последнее время к нам поступило так много учениц, что оказался недостаток в грифельных досках; я несколько досок взял из нашего другого училища, а Синюкову поручено купить в Нижнем для нас досок сорок»¹⁷. И вот тогда встал вопрос о постройке нового здания для девичьего училища. Место для строительства наконец было выбрано, об этом сообщает Иван Дмитриевич в письме к С.Я. Знаменскому 2 июля 1850 года: «По общему совету мы купили место против дома, в котором живет Бурцев и который принадлежит нам; место не очень большое, но довольно удобное для нашей постройки, а главное — на самой середине

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 1.

¹⁶ Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 326.

¹⁷ Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 328.

города; оно покупается на имя Николая Яковлевича; он же и предлагает строить для нас училище на деньги Мясниковой»¹⁸.

Средства для училища выделила Анна Васильевна Мясникова, об этом факте свидетельствует записка С.Я. Знаменского, которая гласит: «Умершего 1-й гильдии купца Николая Мясникова жена Анна Васильевна поручила мне собственный ее дом продать и деньги употребить на постройку училища для девиц.

Дом этот мною был продан за 400 рублей и с употреблением старого училища, которое продано за 150 рублей серебром, выстроено на принадлежащей мне земле новое училище, которое построить стоит «___» (сумма не проставлена).

Прилагаю при сем акт на землю, я прошу Вас это училище для девиц принять от меня в ведение Соборной Сретенской церкви, и чтобы оно оставалось принадлежащим церкви и всегда состояло под училищем для девиц»¹⁹.

Огромный вклад в ялutorовские школы подтверждает письмо декабриста Якушкина к своему сыну от 2 июля 1850 года из Ялutorовска: «Приступая к постройке нового училища, в которое мне хочется перейти с моими ученицами до наступления зимы, я целый день на ногах. Хлопот много, но я ими не скучаю, зная, что без хлопот ничего не делается»²⁰. Училище было выстроено, и уже в конце 1850 года Якушкин пишет А.В. Мясниковой из Ялutorовска: «Ми-

*Училищаго 1-го Гильдии купца Николая Мясникова жена Анна Васильевна поручила мне собственный ее дом продать и деньги употребить на постройку училища для девиц.
Дом этот мною был продан за 400 руб. и с употреблением старого училища, которое продано за 150 руб. серебром, выстроено на принадлежащей мне земле новое училище, которое построить стоит «___» (сумма не проставлена).
Прилагаю при сем акт на землю, я прошу Вас это училище для девиц принять от меня в ведение Соборной Сретенской церкви, и чтобы оно оставалось принадлежащим церкви и всегда состояло под училищем для девиц.
С.Я. Знаменский*

Черновик прошения С.Я. Знаменского²¹

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 89. Л. 1.

²⁰ Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 325.

²¹ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 89. Л. 1.

лостивая государыня Анна Васильевна! В воскресенье, 2 декабря, я освятил училище, обязанное Вам своим существованием. Призывая на него в кругу детей благословение свыше, мы просили Бога посетить Вас отрадою и утешением. Совершив молитву, мне приятно передать общую нашу сердечную благодарность за добро, сделанное Вами всему женскому поколению города Ялуторовска, пожертвованием вашим теперь слишком шестьдесят девиц обучаются в светлом и удобном доме, со временем число их может увеличиться»²².

В 1851 году 12 ялуторовских учениц были аттестованы как самые лучшие. Впервые в истории образования нашего города этих девочек стали рекомендовать использовать в качестве учительниц. На основании указа Святого Синода от 12 мая 1837 года за № 5540 2 июля в девичьем училище состоялось публичное испытание знаний Августы Павловны Созанович (она дочивалась в училище, поэтому в списке первых учениц ее нет. Кстати сказать, Гутенька была первым педагогическим опытом Якушкина в Ялуторовске, до нее он обучал детей в своем родовом имении Жукове), сестер Балакшиных, Загibalовых, Синюковых, Полуяновых, Феоктисты Андреевой, Александры Знаменской,

Анны Муравьевой. Мало кто не вошел в этот список из первых учениц. На экзамене присутствовали городничий, штатный смотритель и учителя уездного училища, некоторые родители.

Девочки показали замечательные знания по Закону Божию, русской грамматике и арифметике, всеобщей географии, краткой русской истории. Каждая из них была признана способной обучать по этим предметам других девиц²³. Смотритель издал письменное общее свидетельство. Этот факт подтверждает письмо декабриста из Ялуторовска к сыну Евгению: «Всем училищем теперь заведывают осмнадцатилетние девицы, которые поступили к нам три года тому назад, не зная ни читать, ни писать... рукодельным классом заведывает Августа, которой 17 лет, и другая ее подруга Балакшина, которая немного ее старше»²⁴.

И какое это чудо, что до последних дней в городе сохранилось здание, в котором это девичье училище располагалось! Нет, нельзя Ялуторовску терять такой памятник. Совсем не случайно в наше трудное время ведется очередная его реставрация. Следуя доброй традиции, завещанной С.Я. Знаменского, может, стоит его передать церкви и разместить в нем вновь учебное заведение для девочек.

²² Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 354.

²³ РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 1—2.

²⁴ Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 326.

Туров Сергей Викторович, родился в 1957

г. Окончил истфак ТГУ. Работает старшим преподавателем кафедры отечественной истории. Круг научных интересов: этнография русского старожильского населения Зауралья, история культуры, историческая экология.

Член редколлегии и постоянный автор журнала «Лукич».

Материалы к истории Ялutorовского острога

Ялutorовский острог начал возводиться не ранее 1661 года, когда состоялся указ о начале застройки Ялutorовской слободы¹. Слобода строилась с использованием схемы бывшего здесь ранее татарского укрепленного городка, на те поры давно заброшенного. Поэтому, как отмечал в своей «Сибирской истории...» И.С. Фишер, «...работы при том было несколько меньше и денег изошло на строение не столь много»². Самое раннее из известных описаний Ялutorовского острога сделано пращуром сибиреведения С.У. Ремезовым в начале XVIII века. Острожная стена представляла собой «стоячий тын» из бревен. Острог имел три башни и встроенную в стену церковь³. В таком виде ялutorовские укрепления защищали жителей слободы от

набегов степняков: «Да в прошлом 201 году (1693 г. — С.Т.) Тевкинаны люди приходили войною в большом собрании... в Тобольский уезд под Ялutorовскую слободу, той слободы деревни выжгли и людей побили и в полон побрали»⁴.

К 1741 году уже сложилась классическая фортификационная схема — малая укрепленная цитадель (острог) и внешняя стена: «В том остроге, где имеется канцелярия и казенные правянтские магазейны и цехауз в круге всего полисат. И за тем полисатом около всех обывательских дворов с восточную и северную и з западную сторону заплот деревянной в столб.

¹ Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск. 1982. С. 127.

² Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. — СПб. 1774. С. 398.

³ Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. — СПб. 1882. С. 6.

⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 10. — СПб. 1867. С. 376.

А за тем заплотом ров, надолб и рогатки. А с полуденную сторону к Тоболу реке никакой крепости не имеетца»⁵. В 1749 году общая протяженность острожной стены составляла 210 сажень и 8 аршин. Слобода же была защищена «городом лежачим»: «...по мере того острогу вокруг 2 вер. 349 саж. При том остроге («городе» — С.Т.) три башни проезжие, одна в г. Тобольск...»⁶. В 1754 году острожную стену перестроили, возвели новый «небольшой палисад». Этот новый палисад представлял собой «кругом стоячий тын». С двух сторон тын имел «выездные башни». Описание 1763 г. доносит полный облик ялуторовских укреплений. Кроме острога («небольшого палисада»), имеется «рубленный палисад», которым была окружена слобода. По всему периметру стояли надолбы и рогатки. С полевой стороны слобода была укреплена рвом. Внутри палисада вели три проезжие башни. В описании отмечается, что, в отличие от острога, «рубленный палисад», надолбы и рогатки изрядно обветшали. Это обстоятельство позволяет предполагать, что данные укрепления были построены уже в начале XVIII века (после 1701 года, которым помечено ремезовское описание). В 1763 году за острожной стеной находилось здание канцелярии «о двух по-

коях», один из покоев занимала «судебная палата». К зданию канцелярии примыкало специальное помещение для «архивы», построенное в 1759 году. Под канцелярским корпусом находилось два подвала. Одно подвальное помещение было «старым», а другое обустроено в 1762 году. В остроге располагался «зеленый» (пороховой) погреб. Где-то рядом с канцелярией находился «магазин», скорее всего, «провиантский». В близости располагался «арталерийской сарай», где хранились пушки и другая артиллерийская амуниция. Имелся также «ветхий деревянный амбар», где были собраны устаревшие или пришедшие в негодность пушки и другое огнестрельное оружие, изношенный артиллерийский инвентарь. Здесь же, в черте «малого палисада», находился соляной амбар «деревянной стоячей». В пожарном сарае хранился противопожарный инвентарь и даже «медная пожарная машина»⁷. Пожарная машина — это так называемая «заливная труба». Эти машины снабжались специальными наливными ящиками (коробами), куда ведрами заливалась вода. Подача воды на пожар с помощью заливных труб требовала больших затрат ручного труда. Так, в конце XVIII века для обслуживания одной заливной трубы назнача-

⁵ РГАДА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

⁶ Географический словарь Российской империи. — СПб. 1885. Т. 5. С. 947.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6769. Л. 34, 37 об., 39 об., 40 об.

лось 50 человек. Дальность действия водяной струи из такой пожарной машины составляла 8—10 метров⁸. «Пильный сарай» был помещением производственным. Здесь пилили доски на нужды «казенного строения». Доски пилили «пильной машиной» на конной тяге, построенной слободскими умельцами⁹. Для своего времени подобная пильная машина была верхом технического прогресса, так как по большей части доски в России продолжали выделывать топором, редко применяя в этих целях даже ручные пилы. При такой технологии из одного бревна получалась одна «тесница» (доска).

В полу упомянутого пильного сарая имелась «пильная под крышкой яма», по-видимому, служившая для сбора опилок и стружек¹⁰. Был в остроге колодец. В 1710 году «рубленный палисад» уже не упоминается, вероятно, «за ветхостью» он был разобран. Однако острог еще стоял: «...среди онога (Ялуторовска — С.Т.) крепость, обнесенная с давних лет полисадом. З западной, полуночной и северной сторон ров, с восточной к полудням облегает озеро, в которой помещено все казенное и древнее строение, денежной

и пороховой подвалы, винной и соляной магазины...»¹¹. Ров вокруг острога, не отмеченный в описании 1763 года, по всей вероятности, был выкопан после ликвидации палисада, окружавшего слободу, с тем, чтобы максимально укрепить цитадель. Когда были разобраны стены Ялуторовского острога окончательно — неизвестно, но в 1809 году он еще упоминался в сенатской документации¹².

Время сохранило для нас облик только одного здания Ялуторовского острога — «винного магазина» (склада). В сенатском фонде РГАДА за 1793 год отложилась смета и проект: «...временного деревянного винного магазина с каменными выходами, к помещению 88-ми бочек, который расположен длиною на 11-ти, шириною на 5-ти саженьях, вышиною внутри стены 3½ аршина». До этого в остроге стоял один «временный винный магазин», построенный в 1771 году. В 1789 году он был отремонтирован. Однако, хотя этот винный склад вмещал 130 бочек, «для годовой пропорции» не доставало 88 бочек¹³. Эту вот недостачу в «зеленом змие» должен был восполнить второй винный склад. Сохранилось описание ялутор-

⁸ Савельев П.С. Пожары — катастрофы. — М. 1994. С. 38—39.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Там же. Л. 42 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Описание Тобольского наместничества... С. 127—128.

¹² РГАДА. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 559.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Кн. 4735. Л. 419.

ровской «судейской палаты» 1763 года, ее внутреннего интерьера: «Святых образов в судейской палате: Господа Вседержителя на средней цке, гривна, венец и оклад чеховые; Спаса нашего Иисуса Христа на малой цке, на окладе чеховом; Святителя Николая чудотворца, гривна, венец и оклад чеховые. Перед оными образами паникадило медное зеленое с кисью шелковой красною китайскою. В подяческой: Святого пророка Ильи с угодники на большей цке без оклада и венцов; Собор святого архистратига Михаила на окладе чеховом и з двумя небольшие венчики; Владимирские Богородицы на средней цке на окладе чеховом; Святого Николая чудотворца на окладе чеховом на средней цке; Господа Вседержителя на малой цке без оклада. В судейской же стол судейской новой с ящиком. На оном казенном ея императорского величества Ялуторовской управительской канцелярии печать сталная, содержится в ящике за судейскою печатью и замком. Зерцало деревянное треугольное с настольными [...] во судии о правосудии с указов копиями, рамки и маковка у оной выкрашен алоу краскою. Чернилница олавяная с прибором; на том же судейском да с приписью столах сукна красные мерою одно два аршина без вершка, другое — один аршин с четвертью. На

судейском же столе Соборное уложение печатное 7156 год (1649 г. — С.Т.); губернской и воеводской наказ 728; указные две книги — первая блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского с 1714 по 735 год, вторая блаженныя ж и вечнодостоинныя памяти государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго самодержцев всероссийских с 725 по 730 год; регламентов печатных — Адмиралтейской коллегии 1722, Морской пошлинной 1731, Бергколлегии 1739... Два ключа городовые; два шандала медные; орел железный для клеймения провинциальных мер; два клейма железные небольшие с орлами; пяснадцать клеем железных разных литерами для клеймения кубков и казанов; сукна черного судейского стола и стула мерою пять аршин; безмен железной один; котел ветхой медной; две винтовки; одна турка; один самопал; напарья (коловорот — С.Т.) железная; шпиг две; стрела от весов железная; три конопатки железныя; скоб железных сто четыре»¹⁴.

В описании Ялуторовского острога 1741 года читаем: «При оном остроге воды всегда было со умалением лет с тридцать в чем жители претерпевали немалую нужду, ибо Тобол река, при

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Там же. Л. 34—35, 37.

которой тот острог построен, текла особливим трактом от Ялуторовского острогу верстах в полуторых, а при том остроге течения воды не стало. Того ради, усмотря в оскудение воды и для всяких случаев, а паче от пожаров велено жителям сланью и землей, дабы вода текла прежним местом, под Ялуторовским острогом. И ныне по укреплению та вода течение имеет при оном остроге по прежнему»¹⁵.

Таким образом, в начале 10-х годов XVIII века жители Ялуторовской слободы при помощи дамбы спрямили течение Тобола и вернули ее к стенам острога. Насколько реально данное сообщение? Может быть, в описание, сделанное в 1741 году, попали местные байки?

Дело в том, что в силу равнинного характера рельефа русла больших и малых рек Западной Сибири весьма извилисты. Реки часто виляют, меняют русло, чаще всего это происходит весной. Река может «убежать» от населенного пункта или, наоборот, угрожать ему смывом. С этим явлением издавна приходилось как-то бороться. Так, при первом сибирском губернаторе Гагарине примерно тогда же, в 10-х годах XVIII века, воды Тобола при помощи ка-

нала были отведены в новое русло, так как считалось, что Тобол усиливает напор воды в Иртыше и тем способствует размыву высокого иртышского берега, на котором стоит «нагорная» часть Тобольска¹⁶. М.П. Гагарин неспроста взялся за спрямление Тобола: он прекрасно разбирался в гидротехнике, так как длительное время руководил строительством каналов в европейской части страны, кстати, именно на этих работах выдвинулся и был приближен царем Петром I¹⁷.

Возможно, и ялуторовские «перекопные работы» проводились по указанию князя Гагарина. Много неприятностей, как в прошлом, так и сейчас, доставляют Ишиму воды рек Ишима, Карасули и Мергени, омывающие город. Так, в начале XIX века Ишим «смыл» с так называемого Киселевского мыса постройки на двух городских улицах. Терпение ишимцев лопнуло. С помощью двух «копаней» и плотин в 30-х и 70-х годах XIX столетия жители города отвели воды реки от мыса, отрезав таким образом две огромные речные «петли». На сегодня от этих петель (меандров) остались только цепочки небольших озер¹⁸. Жители Тюка-

¹⁵ РГАДА. Ф. 1016. Там же.

¹⁶ Миллер Г.Ф. Описание города Тобольска в 1741 году // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск. 1990. С. 234—235.

¹⁷ Русский биографический словарь. — СПб. 1914. С. 75—76.

¹⁸ Кузурманов Г.П. Синкинский канал (версия) // Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. — Ишим. 1999. С. 14—17.

лы в начале 60-х годов XIX века прокопали пятнадцатикилометровую «канаву», соединившую речку Тюкалку и озеро Мангут. Канавка была призвана оживить речку, сделать ее воду пригодной для питья, что и произошло по окончании работ¹⁹. Таким образом, описанные в 1741 году гидротехнические работы в Ялуторовской слободе, вероятнее всего, имели место быть. Похоже также, что Тобол в свое время вновь «убежал». Во всяком случае вот что писал о местоположении Ялуторовска в 1864 году В. Ильин: «Он расположен на левом берегу Тобола,

но река эта протекает не близ самого города, а на расстоянии не менее полуторах верст от онаго. Тобол близ Ялуторовска, как можно достоверно заключить, несколько раз менял свое течение, что доказывается глубокими рытвинами и образовавшимися в некоторых из этих рытвин озерами, получающими воду во время разлития реки. Тобол, по всей вероятности, первоначально проходил вблизи самого города. След прежнего русла реки обозначается и теперь резкою чертою, показывающею прежнее возвышение левого берега»²⁰.

¹⁹ ТФ ГАТО. Ф.144. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

²⁰ Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. — Тобольск. 1864. С. 90.

Акишев Юрий Михайлович — родился 7 декабря 1938 г. в д. Спирино Тюменской области. Учился на факультете прикладного искусства в Московском текстильном институте. Работал художником-дизайнером. С 1976 г. живет и работает в г. Тюмени. Член Союза художников России.

Участвовал в выставках «Художники Тюмени» (Москва, 1984; Петропавловск, 1991), международной выставке США и Канады в гг. Калгари, Ванкувер, Сан-Франциско, Лос-Анджелес (1998–99) и др. Призер Уральской триеннале печатной графики (г. Уфа, 1995). Его картины есть в частных коллекциях США, Германии, Польши, Венгрии, Австрии, Франции...

Русская удаля Юрия Акишева

Спиринский мальчишка из Абатского района, он в душе остался деревенским пареньком («по натуре я ребенок большой и люблю парить над землей»). Маститый художник в строгой бабочке на презентации своей выставки в Тюменском музее изобразительных искусств выглядел просто, доверительно рассказывая гостям и зрителям о своих первых шагах в искусстве. Подтянутый, но несколько смущенный, робкой непосредственностью он напоминал, даже по внешности, Юрия Гуляева.

Выставка оживила три зала. «Выставка — это итог, проверка себя, профессионального уровня, ранга, мнение зрителей не так важно, как мнение специалиста. Это дает подзарядку», — считает художник.

Четкий ритм работы, усиливающий ися благодаря внутренним композиционным находкам эстетического пространства картин и графических листов, усиливает стройную полифоничность звучания выставки. Не оттого ли сразу она стала понятна столь разным по возрасту, социальному статусу и национальной принадлежности зрителям?

«Я «не беру тему за жабры», а «детки» у меня рождаются сами. Я взял маленькую кисточку и «побаловался» по философскому способу. Шел от частного к общему».

Знаменательно, что, примерив на себе филоновские откры-

тия в области аналитической живописи, Акишев решает исполнить свою «Троицу» — именины цветущей земли-девы, рождающей жизнь, — с отдельными включениями аналитических разработок Филонова, но не превращая праздничный день в глядение до обморока в микроскопы общепринятых заблуждений, а резко, по-мальчишески играя с цветом и ритмом. И уже пробивает композицию косой веселый дождь, рублеными цветными линейками вносящий свою хрустальную мелодию, приподнимая нехитрый крестьянский праздник до степени мифа.

Честный художник не спекулирует на так называемых вечных темах, они для него — темы собственные, с кровью впитавшиеся в крепкую крестьянскую душу. Диву даешься, как бойко влетели христианские сюжеты во всякие «номинации». А у Юрия Акишева — работы о Христе, изгоняющем торговцев из храма, где пространство фона кажется опаленным войною мировоззрений небом, а стены храма — раскаленными от невозможности далее претерпевать власть тельца золотого.

Художник работает в разных техниках: рисунок, граюра на

ДЕРЕВНЯ ПРИГОРЮНИЛАСЬ. К., темп. 1994.

картоне, монотипия, темпера, гуашь, соус; яркие живописные полотна маслом, при написании которых художник использует различные приемы. Сколько много сейчас существует ремесленников, штампующих конъюнктурных монстров с палитрой, напоминающей камни мостовой или же напряженное гудение искусственного освещения! Акишев же — иной стихии человек, плоть его картин одухотворена, оттого его бунтарски вылепленная сирень живет и взмахивает ветками, уже срезанная, в сосуде с водой — живой водой! Эта живая вода творчества оттуда, из детства, где бродили по деревенским улицам и сырým лужам недокормленные, но верные кони

«Я видел, как мальчик на рассвете вел лошадей. Это не запечатлеешь сразу». Любовь к лошадям художник пронес через всю жизнь. Как разнятся люди! У одного жестокая власть автомобиля довлеет над всеми эмоциями в жизни, а другому, чтобы воскреснуть, нужно всего лишь вспомнить свою деревеньку да потрепать ласково лошадиную теплую холку

Отчий дом вспоминается часто. И болью пронзающей размывали душу расшатавшиеся изгороди. Раньше Спирино было селом крепким, да, видно, не таким счастливым — сгорело в 20-х годах. Долго помнили селяне сполохи пожаров. Но тех, военных, грянувших в сороковые, пережить уже не смогли. Эту

ОТЕЦ.

Тушь. 1988.

боль сразу постаревших женщин, потерявших кормильцев, передал Акишев в серии сдержанных, наполненных трагизмом этюдов об односельчанах: «Я видел, как возвращались солдаты. С одной рукой. С одной ногой. Видел, как не возвращались. Бабы пахали одни. На быках».

Как вторят осунувшиеся от горя деревья сгорбленным худым фигурам скорбящих, которые словно выжжены войной! Так эмоционально чувствовать ритм, так попевать за бегущей рукой, так свободно писать под диктовку судьбы может не каждый маститый художник.

Акишев роняет зрителя в «юдоли слез и скорби», а потом сразу поднимает в карусельное небо радости, и зрительский взгляд уже ласкают гармоничные переборы светлых, огненно-танцевальных лихих народных коллажей. Какие колена выделывают его ситцевые танцоры!

Простота Акишева не нарочита, не фривольна. Она от знания, от правды искусства. И это подкупает. «Мне не уподобиться бы литературе, а я стал от литературы уходить, оставил только ассоциативный образ», — разъясняет художник. Простые сюжеты исполнены смело.

«Семья», где родственники за скудным ужином чуть обозначены, как штрихи воспоминаний, дает непреднамеренную наметку трагических судеб — правой фигуре старика, чуть отклонившейся от остальных еще более в сторону, как бы суждено уйти раньше. Фигура отрока контрастно разбелена — его судьба будет чиста, ему суждено воскрешать. Это тихий крестьянский ангел, не ведающий зла, наносимого селу цивилизацией.

Художник не скрывает, что многие кажущиеся зрителям особо поэтическими названия его работ принадлежат творческому перу его супруги. Вдумавшись в суть этого концептуального тандема, скажу: это двойная удача художника, если так глубоко прочувствовать зерно произведения, высветить, высеребрить самый его стержень

ОДИНОЧЕСТВО

Грав. на к. 1989.

может не творец, а человек, извне смотрящий на произведение, но знающий мастера как собственную душу. Мне не совсем импонирует, когда на иных произведениях лежит сия таинственная печать: «без названия». Искусство — это не заговор молчания, это пусть даже песня без слов, но всегда от сердца к сердцу, с едва уловимой соловьиной звенью единственно верно высказанной печальной или страданной фразы, где смысл — первопричина самораскрытия. Отчего же происходит этот феномен творчества Юрия Акишева? Искренность и полетность — вот два качества, определяющих успех или спорность его произведений.

К судьбе их он относится трепетно и ревниво. Известный уже далеко за пределами Уральского региона — его нынешняя персональная выставка уже двадцать восьмая, — в Тюмени этот художник выставляется первый раз. Так случилось, что художник сразу взял высокую планку: от участия в 1971 году в областной выставке в Ворошиловграде до Всероссийской выставки «Россия» в Москве в 1992 году. А потом настоящее признание в 1997 году на международном биеннале печатной графики в Белграде (Югославия), а в 1998—1999 гг. — на международной выставке США и Канады: в Калгари, Ванкувере, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе.

**ХРИСТОС, ВЫГОНЯЮЩИЙ
ТОРГОВЦЕВ ИЗ ХРАМА**

Грав. на к. 1996.

Художник живет этим ритмом выставок и творческих состязаний. Ему выпало и признание зрителя, и непонимание, и споры критики. Но это удивительное ощущение жизни и сиюминутности его произведений зритель уносит с выставки как свежее дыхание весеннего ветра. Настоящий художник всегда творчески молод. Хочется пожелать Юрию Михайловичу Акишеву новых творческих открытий и успехов на многочисленных выставках.

Сила творческого темперамента художника не позволяет даже статью закончить буднично.

Каталог, выпущенный издательским домом Уралтранс к выставке, оказался интересным и нестандартным изданием, сразу вызвав споры и прицельный огонь критики. Но такая своеобразная визитная карточка оказалась весьма кстати. А горожане, встретившись с художником на телеэкранах, заспешили в музей. Серебрятся февральские сугробы, а в залах царит фейерверк танцующего цвета, и выражи упрямых линий выносят за пределы того, что можно выразить словами. Выныривая из творческой стихии в повседневную разграфленную жизнь, хочется запомнить это ощущение жизни — яркое чувство скоростного полета на большой высоте.

Загадка клейма «Sibir»

Интересуясь историей Урало-Сибирского региона, всегда старался подбирать сведения на эту тему. В 1992 году приобрел альбом, в котором была отражена история создания Свердловского историко-краеведческого музея. Среди материалов и фотоальбомов музея, представленных на страницах этой книги, меня заинтересовала глава о медной утвари, производившейся на уральских заводах в XVIII веке. (К медным изделиям относятся предметы, изготовленные собственно из меди, а также и из латуни — «зеленой меди»). В рубрике рассказывается об уральских подносах, ковшах, стопах, кувшинах, ларцах и прочих изделиях из меди, хранящихся в музее, которые заняли видное место среди предметов русской художественной культуры. Иногда продукция уральцев, по утверждению авторов книги, «...помечалась клеймами заводов с указанием года выпуска предметов, начальных букв имени и фамилии мастера. В коллекции музея встречаются предметы и без клейма. На клейменных же отчетливо читается слово «Sibir», инициалы мастеров,

например, «МПЕ», «МВС», «МТВ», «МММ», «ААГ», «МЗГ», «МГВ», «МТФ» и другие. Датируются изделия 50—60-ми годами XVIII века. По мнению специалистов, вещи со знаком «Sibir» сделаны на заводах Демидовых.

При этом авторы альбома, указывая на принадлежность подписных (клейменных) медных изделий к Демидовским заводам, ссылаются на работы ученых только советского периода, упоминая, впрочем, вскользь и о том, что имеется и другое, более раннее мнение: «Так, в «Каталоге музея», составленном Д.И. Лобановым в 1898 году, три предмета с этим клеймом отнесены к Тобольской медеплавильной фабрике, якобы основанной военнопленными шведами».

Естественно, возникает вопрос: так где все-таки выпускали медную утварь с клеймом «Sibir» — в Тобольске или на Демидовских заводах Урала?

Заинтересовавшись этой загадкой, я предпринял собственное расследование. Первым делом припомнил, что такую же вещь, а именно небольшой кумган, я видел ранее в семье тю-

менцев Рыловых — больших любителей истории местного края. Во-вторых, вспомнил и рассказ ныне покойного Александра Алексеевича Рылова (1903—1978 гг.), который совместно с отцом Алексеем Фомичем Рыловым предприняли в 1915 году поездку в Тобольск по розыску клейменных вещей. Благодаря тому, что Александр Алексеевич записал свои воспоминания (часть из них опубликована, см. Лукич. 1999. № 2.), мы можем судить о том, что по крайней мере несколько медных вещей попали в Екатеринбург именно из Тобольска.

«Как-то отец получил от знакомых из Екатеринбургского музея письмо: «Алексей Фо-

мич! Что же вы сидите дома, а из Тобольска мимо вас везут редчайшие старинные вещи... (указывалась фамилия) привез и передал музею чеканенный медный кумган — кувшин, а... (указывалась фамилия) повез в Москву тоже чеканенные две стопки с клеймами шведов».

В результате совершенной поездки Рыловым удалось привезти ряд предметов XVIII века (см. «Лукич»), одна из этих вещей — небольшой кувшинчик — до сих пор хранится у потомков А.Ф. Рылова в Тюмени (см. фото). На доньшке кувшинчика имеются вдавленные клейма: «Sibir», «1757», «МММ». По этим знакам-клеймам можно узнать, что предмет изготовлен в Сибири в 1757 году. Сложнее обстоит дело с аббревиатурой «МММ». На наш взгляд, по аналогии с рядом других вещей, выпущенных в разных местах и в разное время, первую букву сокращения можно перевести как «мастер», затем следует буква имени (отчества очень редко) и фамилии умельца. К большому сожалению, авторство мастеров на вещах с клеймом «Sibir» установить пока не удалось. А это десятки неразгаданных имен, человеческих судеб.

Дальнейшие поиски сведений о мастерах медного дела привели меня в Тюменский краеведческий музей, где удалось познакомиться с рукописью известного сибирского художника М.С. Знаменского

Вещи работы пленных шведов в Тобольск 1750-х и 1760-х гг.

635) Медная старинная братина с крышкой. Украшена узорами со следами серебра.

Отг А. А. Михайлова. Изг Тарн.

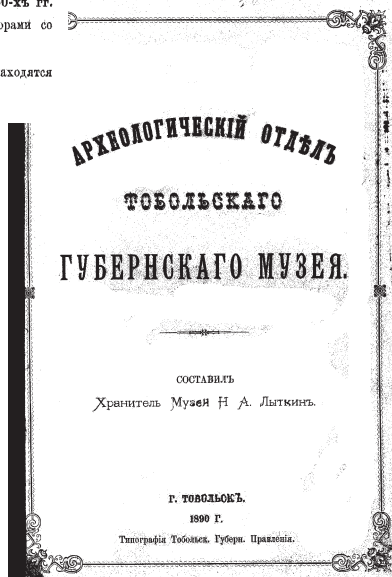
636) Медная кастрюлька с крышкой и ручкой; на ручке находится клейма: 1) М. О. А. 2) Sibir. 3) М. Д. Г. Д. 4) 1762 г.

Отг А. А. Михайлова. Изг Тарн.

«Кое-что о некоторых ремеслах в Тобольске». В рукописи автор, в частности, отмечает значительный вклад пленных шведов, которые после 1711 года волею судеб оказались в Тобольске, в различные стороны жизни Сибири. Художник приводит свидетельство того, что шведы занимались строительным искусством, музыкой, серебряным делом, обработкой мамонтовой, моржовой кости и драгоценных камней.

Листаю мелкоисписанные страницы, с трудом читаю выцветший текст и, наконец, нахожу то, что ищу: «Нередко попадаются медные татарские кувшины и другая посуда с клеймом на дне «Sibir», тоже работа шведская».

Для пущей убедительности поиска продолжаю. И вот передо мною небольшая книжечка «Археологический отдел Тобольского губернского музея», изданная в 1890 году в Тобольске хранителем музея Н.А. Лыткиным. На 15-й странице читаю подзаголовок: «Вещи работы пленных шведов в Тобольске 1750-х и 1760-х гг.». Не откажу себе в удовольствии, чтобы полностью не перечислить описание вещей, выявленных музеем к тому времени:

«Медная старинная братина с крышкой. Украшена узорами со следами серебра.

Медная кастрюлька с крышкой и ручкой; на ручке находятся клейма: 1) «МОА», 2) «Sibir», 3) «МДГД», 4) «1762 г.».

Медный небольшой горшок с крышкой и с клеймом на дне: «МДМ».

Медный штоф с привинчивающейся крышкой. На дне находятся клейма: «Sibir», «ММЧ».

Медная братина с крышкой имеет на дне клейма: «Sibir», «МГД», «МК».

Хочется надеяться, что приведенных свидетельств вполне достаточно для того, чтобы с

большой долей уверенности утверждать, что медная утварь, имеющая клеймо «Sibir», изготовлена в Тобольске пленными шведами или их потомками.

Для более категоричного утверждения необходимы дальнейшие поиски. Возможно, кто-то из читателей «Лукича» сможет помочь?

Совесть святой России

Прошлое — это истоки силы нашего народа, это наша культура. Без прошлого мы и пусты, и бедны. Истоки силы идут оттуда, из глубины веков, и связь времен и поколений проходит через всю историю, корни которой в Отчем Доме, Языке и Вере. С принятием христианства Россия оформилась как государство, и русские получили то духовное начало, которого им так недоставало. Именно христианство сделало Россию несокрушимой империей и оплотом духовной культуры, но отнюдь не обратное, в чем так напористо убеждали недавно нас молодые историки Тюменского университета Михаил Агапов, Артем Бирюков и Всячеслав Соломагин, подсунав всем статью-пилюлю в «Тюменских известиях» накануне 2000-летия Рождества Христова¹. Христианство, точнее, православное христианство в самые трудные моменты становилось для русских людей

спасительной нитью, защищающей их от гибели. Для многих поколений наших предков вера в Господа являлась источником энергии и духовных сил, она давала душевный покой и очищение. Она оставалась надеждой и пристанищем человека. Мы видим это на примере многих литературных героев. И Пьер Безухов, и Родион Раскольников находят утешение в религии. Вера в Бога изменяет внутренний облик человека, она способна творить чудеса. Может быть, и сегодня, в это бедственное для России время, вера спасет от гибели и возродит духовность в каждом из нас.

Православие, возросшее на благодатной почве христианства, пройдя через тяжелые испытания и потери, возрождается сегодня потому, что люди убедились: государство, из-под которого выбили основу благополучия и духовного благоденствия, теряет все — веру, силы,

¹ Православие в истории России: мифы и реальность //Тюм. изв. 1999. 21 дек.

Гравюра С. Харламова из альбома, посвященного 600-летию преставления преподобного Сергия Радонежского.

стержневое понятие о доме, языке, своем предназначении. С «упразднением» веры мы и потеряли множество лучших людей, бескорыстно служивших Отечеству, и отошли от собственных традиций, культуры, языка. Поэтому, преисполнившись долгом возразить отвергателям роли православия в единении всех сил российской государственности, хочу на примерах, имевших место в начале XX века на территории нашей области, рассказать о судьбоносной миссии русской духовности в противоборстве с супостатами. И речь идет не просто о противопоставлении власти имущих духовному наследию своего народа, скорее — о противоборстве простолюдинов и «суверенных князьков» от большевизма. Гонения на церковь и верующих, зачастую принимавшие скрытые, изощренные формы (раскол изнутри, репрессии, экономические санкции, разрушение основ духовности), нарастание необратимых процессов в соборности и самом духе православия так и не со-

здали оплота богоненавистничества в русском народе, хотя многие явления церковной жизни не укладывались в прежние категории канонов. Процесс апостасии (отступления) шел, необратимо нарастая, хотя и растянуто. Речь идет не о принципиальной структуре мышления и миропонимания, а о конкретном содержании конкретных событий, поскольку даже в среде партийцев в четвертую годовщину победы Октябрьской революции вопросы религии имели весьма существенное значение. В телеграмме заведующего агитационно-пропагандистским

отделом Тюменского губкомпарта А. Вадковского от 4 апреля 1921 года всем уездным комитетам партии предписывалось «высказать свое мнение по вопросу о мерах воздействия на тех товарищей, которые выполняют религиозные обряды и не ведут антирелигиозной пропаганды, способствуя укреплению в массах религиозных предрассудков»².

Надвигавшийся с Поволжья и Украины голод послужил толчком к началу грабежа церковных ценностей, выявил обратную сторону этой медали: шкурничество коммунистов, участие их в бандитских шайках, подлогах и т.д. Так, в секретной шифрограмме, поступившей 7 апреля 1922 года в Тюменский ГО ГПУ от ишимского коллеги В. Малецкого, отмечалось: «На почве голодовки замечаются со стороны местных коммунистов вооруженные грабежи. Обнаружены три грабительских шайки в районе Каменской, Утчанской и Долговской волостей, которые производили грабежи у местного населения. В задержанных шайках обнаружено пятнадцать коммунистов с оружием в руках. На почве последнего замечено ухудшение отношения населения»³. Верующими губернии от-

крыто высказывалось недовольство проводимой реквизицией ценностей из храмов, перераставшее порой в открытое сопротивление. На многих крестьянских сходках губернские выносились конкретные резолюции: «Ценности оставить на месте, т.к. церковь, согласно Декрету, отошла от государства»⁴; «Соввласть забрала весь хлеб, а теперь до церкви добирается, все золото отправляет за границу (истинные провидцы — А.Ч.), а хлеб съедят сами»⁵; «При изъятии ценностей в Заречной церкви гор. Тюмени рабочий фабрики «Пламя» Клочков кричал: «Вы все — грабители, хотите ограбить церкви и завести себе галлифе, золотые часы. Вас надо всех побить»⁶; «Крестьяне-старика... считают, что эту «историю» (изъятие ценностей — А.Ч.) затеяли «жиды», т.к. в их синагогах нет богатства, а все оно находится лишь в русских церквях... жид у жида брать не будет (Заводо-Успенская, Тугулымская, Гилево-Липовская волости Тюменского уезда)»⁷.

Двадцатые годы. До сплошной коллективизации, закрытия и разрушения храмов, открытых репрессий, проводимых под непосредственным руководством Гершеля Иегуды Ягоды, — бо-

² Тюменский областной центр документации новейшей истории (далее: ТОЦДНИ). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 93. Л. 5.

³ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 27. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 64.

⁷ Там же. Л. 6.

лее десятилетия, а вот поди же, неспокойно в стане большевиков, как, впрочем, и во все последующие годы, вплоть до низвержения власти коммунистов. Протоколы всех ГКК (губернские контрольные комиссии партии), порою занимающие до пятидесяти машинописных страниц, пестрят негодующими резолюциями. Для примера мы полистаем всего лишь одно дело Тюменского губкома РКП(б) за март—сентябрь 1923 года⁸: «Иноземцев Иван Прохорович, 27 лет, крестьянин, член РКП(б) с 1919 г., обвиняется в исполнении религиозного обряда — венчании в церкви... Исключить из РКП(б)»; «Иван Протасов-Александров, член РКП(б), бывший сотрудник ГПУ, венчался в церкви и ставит в свое оправдание консперативность работы, которую якобы путем венчания он хотел сохранить в глазах обывательщины... Исключить...»; «Мельников Илья Григорьевич, 48 лет, занимается хлебопашеством, кандидат РКП(б) с 1921 года. Подал заявление от 24 октября 1922 года о выходе из партии... по религиозным убеждениям»; «Ермакова Елена Никитична, служащая ст. Тюмень, кандидат РКП(б) с 1921 года обвиняется в исполнении церковных обрядов, пении в церкви и принятии исповеди... Считать исключенной с 29 марта 1923 г.»; «Цех Самуил, стал в РКП(б) с 1918 года, рабочий,

образование — Казанская школа красных командиров и высшая военная школа С.-Петербурга. Обвиняется в совершении религиозного обряда — венчании в 1921 году. Постановлением ГКК исключить, как неустойчивый элемент, выполнявший религиозный обряд — венчание в церкви. Снять с ответственной работы...».

Прежде чем подвести черту под определением религиозности абсолютного большинства русских, их традиционного семейного уклада в отношении отправления религиозных обрядов и праздников, хотелось бы привести четверостишие Саши Черного:

Раз двое третьего

рассматривали в лупу

И изрекли: «Он глуп».

Весь ужас здесь был в том,
Что тот,

кого они признали дураком,
Был умницей,

они же были глупы.

Жутко вспоминать, с каким упорством и остервенением пытались лишить верующих их главной спасительной силы — божественной истины, забыв, что православные христиане вписаны в Книгу жизни и принадлежат царству Божию. Осознать это каждому дано сознательно не столько его образованию, сколько осмыслению и прочувствованию лестницы, возводящей человека от суеты и лжи мира к восприятию установле-

⁸ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 4. Л. 2, 3, 26, 28 и т.д.

ний Бога-человека в наших сердцах. Итак, один из последних аккордов коммунистической ненависти к православию и его соборному началу. В виде исключения позволю полностью воспроизвести этот «совершенно секретный» документ, подписанный 21 февраля 1951 года первым секретарем Тюменского горкома ВКП(б) Антоном Ивановичем Ремневым и обозначенный в протоколе № 12, § 4 предельно просто: «О фактах совершения религиозного обряда коммунистами первичной партийной организации мастерских «Главсельэлектро» тт. Мокеевым и Гуляевым.

Члены ВКП(б) Николай Михайлович Мокеев в марте 1950 года окрестил своего 4-летнего сына, после чего была устроена выпивка, в которой в качестве кума участвовал член ВКП(б) Николай Матвеевич Гуляев.

При обсуждении тов. Мокеева на партийном собрании парторганизация «Главсельэлектро» он, ссылаясь на конституцию и статью Уголовного кодекса, доказывал, что совершать религиозные обряды разрешено и лица, мешающие совершению религиозных обрядов, привлекаются к уголовной ответственности.

Партийная организация, разбирая факт совершения обряда крещения коммунистами Мокеевым и Гуляевым, к обсуждению этого вопроса подошла не принципиально, не при-

дала значения тому, что религиозные убеждения и совершенные религиозные обряды не совместимы со званием коммуниста, и объявила партийное взыскание члену ВКП(б) Мокееву и Гуляеву «на вид».

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Решение партийного собрания первичной партийной организации мастерских «Главсельэлектро», что партия всегда относилась и относится нетерпимо к религии и поэтому религиозные убеждения и совершенные религиозные обряды коммунистами не совместимы со званием коммуниста, поддерживать.

2. Члена ВКП(б) Николая Михайловича Мокеева за сознательное совершение обряда крещения из членов ВКП(б) исключить. Члену ВКП(б) Николаю Матвеевичу Гуляеву за участие в совершении обряда крещения объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

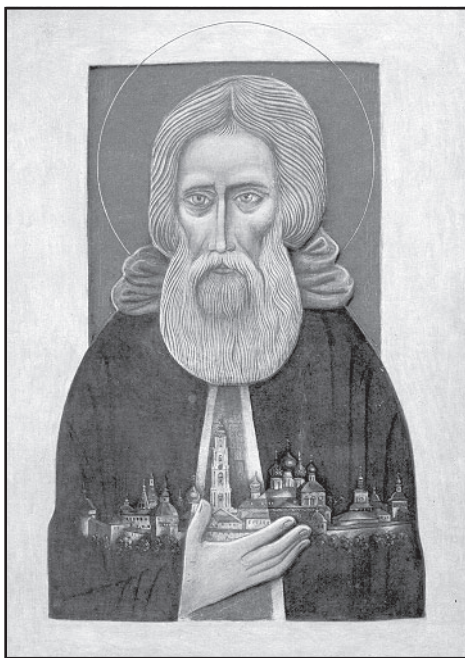
3. Обязать секретаря первичной партийной организации мастерских «Главсельэлектро» тов. Галактионова усилить воспитательную работу с коммунистами и коллективом мастерских.

4. Данное постановление зачитать на закрытых партийных собраниях во всех партийных организациях города.

5. Просить Тюменский обком ВКП(б) утвердить решение об исключении Николая Ми-

хайловича Мокеева из членов ВКП(б)»⁹.

Было время, когда любой человек нерусского народа мог ясно сказать, что быть русским — это значит быть православным. С каждым человеком можно спорить, можно соглашаться или отвергать его идеи. Это нормально и естественно. Вольтер когда-то произнес: «Я могу ненавидеть ваши убеждения, но я готов умереть за ваше право их свободно высказывать». Недавно я прочитал замечательную книжку «Ближний свет издалека. Сергей Радонежский — вчера, сегодня, завтра». Под этим названием соседствуют блестящие работы писателя Валентина Распутина, русских историков Г.П. Федотова, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, русского писателя-эмигранта Бориса Зайцева. Да что сборник! Вопросы без ответов угнетают сильнее, чем насмешка. Православные всегда с достоинством переносили унижения, бесстыдство «удельных князьков»-временщиков. И сегодня Россия, как никогда, нуждается в игумене, коим был Сергей Радонежский. Ибо нет ему равного по нравственной чистоте и крепости духа. Его без натяжек

**Преподобный Сергей Радонежский.
Икона С. Харламова**

можно назвать светлой совестью Руси. Бог ли указал путь отроку Варфоломею к нравственному самосовершенствованию, но его путь — путь духовного совершенства государства Российского. Именно он укрепил веру в душах воинов-русичей, что Золотая Орда — это не вечно. И, благословляя Димитрия Донского на поле Куликово, предвидел события. Иные мыслители от истории утверждают, что Золотая Орда допустила

⁹ ТОЦДНИ. Ф. П-7. Оп. 7. Д. 11. Л. 358—359.

ошибку, не разрушив основы православия, что и не позволило Мамаю одержать победу. Нечто подобное можно поставить в сравнение по отношению идеологов РКП(б)— ВКП(б)— КПСС, насаждавших догматы межпартийной ненависти вместо православных нравственных канонов, пытаясь на протяжении более полувековой истории заставить русский народ изменить идее единой, соборной и апостольской церкви. То, что не сумели совершить татаро-монгольские орды, старательно осуществляли подручные Сатаны. Поэтому так и хочется напомнить тем, кто немного запамятовал, пытаясь представить и иго татаро-монголов, и коммунистов чуть ли не как благо для Руси — оно-де прикрыло Русь от агрессии с Запада. Сомнительный тезис, ибо русские прикрывали Европу, она же всегда агрессивно была настроена против нас. Понимая ценности «евразийского счастья», наши предки пытались вырваться из лап Орды, сразившись в битве на Куликовом поле. Это — следствие непреодолимого стремления русского народа к свободе. Ослабление ее с приходом к власти большевизма прежде всего было предопределено уничтожением святынь русского народа, преданием забвению национальных осо-

бенностей, нравственности, мировоззрения. Однако неблагополучие русских всегда отражалось на жизни других народов. И сегодня мы подходим к такому рубежу, когда авторитет нации будет поддерживаться не внешними заслугами, а личным духовным подвигом сродни подвигу Сергия Радонежского — собирателя земли Русской.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в юбилейном рождественском послании архипастырям, пастырям, монашествующим и всем чадам Русской православной церкви подчеркнул: «Мы вступаем в год великого юбилея — 2000-летия со времени пришествия в мир Господа нашего Иисуса Христа... Для нас с вами, мои возлюбленные, радость усиливается тем, что мы воочию видим зримые проявления милостей Божиих, ниспосылаемых нашей церкви. Русская православная церковь возрастает от силы в силу, все в большей мере раскрывая людям свои духовные, нравственные и культурные ценности».

Так будем достойны этого высокого предназначения, ибо ни идея «евразийская», ни родственная ей идея «советского патриотизма» не способны пробудить русский народ к историческому воссоединению, некогда опекавшемуся покровом святой Руси.

«Стратеги» Богандинки

Сорок лет назад в нашей стране были созданы ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Формирование частей и соединений, вооруженных межконтинентальными баллистическими ракетами, созданными в КБ академиков Сергея Королева, Владимира Челомея и Михаила Янгеля, стало первым шагом на пути достижения стратегического паритета с США и заложило основы отечественных сил ядерного сдерживания.

Ракетные полки и дивизии формировались на основе артиллерийских и стрелковых соединений в Подмосковье, Ленинградской области, на Урале и в Сибири. В 1960 году одна из первых дивизий ракетных стратегов появилась и в Тюмени. Она была создана на основе частей расформированной 109-й гвардейской Бериславо-Хинганской трижды орденоносной стрелковой дивизии (с 1945 года дислоцировавшихся в нашем городе, г. Ишиме и Ялуторовске) и прибывшего в Тюмень 1995-го отдельного зенитно-артиллерийского полка РГК.

Первым командиром нового соединения — 45-й дивизии РВСН — стал полковник Константин Федорович Глушич. Штаб дивизии разместился в комплексе зданий по улице Республики, 1—3. В 6-м военном

городке Тюмени дислоцировался и один из полков. Остальные размещались на озере Андреевском, в Ишиме и Ялуторовске. Тогда же началось строительство нового военного городка в поселке Богандинка.

Вскоре три полка, штаб и части обеспечения дивизии покинули наш город, передислоцировавшись в Казахстан и Красноярский край. 1995-й зенит РГК обосновался в Богандинке.

1963 год запомнился ветеранам-ракетчикам началом строительства стартовых площадок под Тюменью по приказу главного РВСН Маршала Советского Союза Сергея Бирюзова.

Через год дивизионы полка стали полками, а сам полк превратился в бригаду. В феврале 1965 года все четыре стартовых комплекса с двухступенчатыми «изделиями» типа «8-К-75» заступили на боевое дежурство.

Спустя два года, в июне 1967-го, с одной из стартовых площадок бригады был успешно осуществлен испытательный пуск межконтинентальной баллистической ракеты в район полигона «Ключи» на Камчатке.

Однако вслед за первым успехом богандинцам пришлось пережить и первую трагедию. Одиннадцать ракетчиков на самолете Ан-2 отправились на поиски отработавшей первой

ступени ракеты. Над Сургутом «аннушка» столкнулась с вертолетом. Все ракетчики, находившиеся на борту самолета, погибли. Семеро из них обрели вечный покой на Червишевском кладбище в Тюмени.

Тем не менее испытательные пуски ракет с площадок в окрестностях Тюмени продолжались. По словам ветеранов-ракетчиков, всего было четыре успешных старта МБР в район отдаленных полигонов. Десять лет несли боевое дежурство рас-

четы стратегических ракетчиков в окрестностях Тюмени. В 1975 году часть покинула военный городок в Богандинке, передислоцировавшись в Плесецк. На следующий год дивизионы обеспечения ликвидировали стартовые площадки.

Около полутора сотен бывших военнослужащих богандинского ракетного гарнизона продолжают жить в нашем городе, а их родная воинская часть по-прежнему находится в боевом строю Российской армии.

Краеведческие мелочи

Еще в 1981—1983 гг. при подготовке сборника документов к 400-летию Тюмени (1986) мне посчастливилось обнаружить в Тюменском госархиве интересный документ по истории крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. Вскоре он вошел в сборник документов и материалов «400 лет Тюмени», изданный в 1985 году. Несколько ранее, в 1982 году, на основе этого документа мной была написана статья «Пугачевцы в Тюмени» (Тюменская правда, 24 января 1982 г.). Напомню вкратце суть публикации. Крестьянская война, начавшаяся на берегах Яика, молниеносно охватила огром-

ную часть империи и грозила распространиться на Сибирь.

В январе 1774 года повстанцы появились на дальних подступах к городу, выйдя на Тюменский тракт. Вскоре взят Камышлов. Начинаются волнения в Ялуторовском и Исетском дистриктах. А что же в самой Тюмени?

Многие жители города с нетерпением ожидали повстанцев: работные люди, ссыльные, бухарцы и татары. Насчитывалось таковых в 1773 году более двухсот человек. Эти люди и начали готовить восстание. Однако к середине марта 1774 года положение повстанцев ухудшилось, опасность, нависшая над Тюменью, миновала. 18 марта 1774 года о

заговоре стало известно городским властям. Следствие выяснило, что ссыльные должны были подняться в момент наступления пугачевских отрядов на город. Они намеревались «начальников прирезать, дома разграбить», после чего присоединиться к Пугачеву.

К следствию привлекли 61 ссыльного, которые были заняты в казенном и частном строительстве в Тюмени. 25 человек оказались невиновными. Пятерых изобличили показания других участников заговора, но сами они так и не сознались, 34 человека признали виновными (двое во время пыток скончались) и выслали на вечную каторгу в Восточную Сибирь. Руководителями заговора следствие признало Ивана Ряскина и Ивана Тельного, которых губернатор приказал повесить в Тюмени. Но в городе не оказалось палача, и пришлось их казнить в Тобольске.

Интерес у автора вызвал Иван Тельной, которому к моменту заговора уже было 88 лет. Каково же его социальное происхождение, как он оказался в Сибири? Кое-какие страницы его, очевидно, довольно лихой жизни становятся ясными из материалов следствия. Из них следует, что проживал старец в Тюмени на квартире, жены и детей не имел. Был прислан в ссылку за разбой в Нижегородском уезде в д. Кургашине «и за взятые при том разбое денег и пожитков и за мучение объявленного Кулебакина (помещик — В.П.) и жены его,

от которых оный Кулебакин и умре, и за разные грабежи и за взятие притом денег и хлеба с наказанием кнутом и вырезанием ноздрей и поставлением знаков в Нерчинск вечно в тегчайшую работу». Каким образом этот «красавец» оказался в Тюмени, почему он не был доставлен в Нерчинск — остается загадкой.

Автору через много лет после газетной публикации случайно попался на глаза документ, который, может быть, поможет отчасти проследить путь нашего героя, а, возможно, добавит ряд новых вопросов.

На этот раз действие происходит в октябре 1716 года, когда губернатор Сибири Матвей Петрович Гагарин собственноручно издает приказ о поимке в Тюмени гулящего человека Ивана Тельного и доставлении его к себе в Тобольск. Если это известный участник заговора 1774 года, то ему примерно 30 лет (1774г. — 88 лет, 1716 г. — 30 лет). Почему губернатор требует задержать гулящего человека И. Тельного? Оказывается, наш герой у тобольского пятидесятника Емельяна Окулова «приличился в краже пожитков и бежал ис Тоболска из за караулу, а ныне живет на Тюмени домом своим».

Как видим, методы «общения» с людьми у И. Тельного довольно схожи. Судя по всему, «герой» обоих документов — один и тот же человек. Но кое-какие вопросы возникают. Будем надеяться, что время разрешит и их.

В жизни нам приходится сталкиваться с громадным количеством анекдотических ситуаций, которые превращаются в фольклор и передаются из уст в уста на кухнях, на работе, в компаниях. И если в центре этих историй знаменитость, пусть даже и местного розлива, так почему бы ее не запечатлеть для потомков.

В рубрике «Я и великие», я — это, несомненно, рассказчик. А вот кто для него является Великим — можно будет узнать из анекдотической истории.

Итак, в TRIVIA — дебют анекдота о местных знаменитостях. Начнем с издательских анекдотов...

* * *

Телефонный звонок в половине восьмого утра:

— Это предприниматель Мандрика?

— Да.

— Передо мной справочник «Тюменские дороги», который издан у Вас. Я сейчас смотрю список улиц... Скажите, пожалуйста, на какую букву искать улицу Фурманова?

— На букву Ф.

— А почему улица Энгельса на букву Ф расположена, а улица Фучика на букву Ю...

— ?

— (с другого конца провода) Так, может быть, подскажите, на какую букву находится в Вашем справочнике улица Дмитрия Фурманова?

Не зная, что ответить, лихорадочно листаю брошюру. Оказывается, Женя Воронов, верстая справочник, расставил некоторые улицы не по первой букве фамилии, а по первой букве имени. Вот и получилось, что улица Энгельса попала в список улиц на букву Ф — Фридриха, Фучика — на Ю — Юлиуса и т.д. Не со-

бразив, как парировать ехидный вопрос, слышу слова благодарности, в которых яда гораздо больше, чем всего остального:

— Я всю жизнь прожил на улице Парфенова, но только посмотрев Ваш справочник, узнал, что зовут его Иван Петрович...

* * *

В местном краеведческом издательстве шла подготовка к изданию книги А. Омельчука «Частное открытие Сибири». Иллюстрировал книгу известный тюменский художник А. Кухтерин.

К очеркам о великих людях, побывавших в нашем крае, Саша сделал за пару недель семьдесят восемь рисунков, по одному к каждому очерку. Но автор шесть иллюстраций забраковал, высказав желание художнику, что бы он хотел видеть на каждой из них.

Кухтерин расстроился: его репутацию художника поставили под сомнение. Попытка успокоить его («При таком потоке — без халтуры невозможно» — говорили художнику в издательстве) стимулировала Сашу на

подвиг: он решил окончательно не потерять себя в глазах местной телезвезды, какой являлся Омельчук. Это было, по мнению художника, возможно при одном условии: блестящая обложка.

Кухтерин решил выпендриться. Сходил к нумизматам, нашел сибирскую монету с соболями и решил ее воспроизвести на издании Омельчука. Пытаясь стилизовать обложку под старину, даже кирпичом бумагу натирал, чтобы от картинки сильнее пахло стариной...

Когда автор увидел творение художника, он не вскричал, а именно завопил:

— Это что еще за цвет жареного говна?!¹

После этого все, что было в его мягкой интеллигентной душе, выложил издателем: ваши книжки — дерьмо. И цвета соответствующего. И в руки брать страшно².

Впечатление на художника фраза произвела. Саша целый месяц не мог взять в руку кисть или карандаш.

Наконец, он поинтересовался, что хотел бы Омельчук видеть на обложке. И, не дождавсь ответа, нарисовал унылый деревенский пейзаж.

На этот раз автор пришел в издательство вместе с женой. И

она сказала, что обложка удалась. Анатолий Константинович согласился с мнением первой леди... семьи.

Когда обложку уже отправили в типографию и были сделаны цветоделение и цветопроба, техредактор обратила внимание на объекты, нарисованные художником книги: на первом плане возвышались два деревенских нужника, которые в свое время не заметили ни жена автора, ни издатель, ни сам автор.

— Как быть? — спросили у автора.

— Все вы засранцы, — снова завопил Омельчук. — Поэтому и нужники у вас на обложке.

Такой и увидел книгу свет.

Читая ее уже в виде книги, а не рукописи, нечаянно набрел на авторское объяснение: «У меня родился замысел написать книгу под шокирующим — непременно! — названием — «Сибирь в дерьме»³.

Я понял, что художник проникся сутью произведения. Но автор не захотел почему-то узануть свой выплывший в обложку замысел.

P.S. Думается, зря Омельчук отказался от обложки с сибирской монетой: деньги-то не пахнут!

Ю. Мандрика

¹ Присутствующие при этом клялись потом, что никогда и ни за что на свете не смогли бы придумать столь талантливую фразу. Может, потому, что не знают, как выглядит жареное это?

² Есть подозрение, что только за деньги брать страшно. По наблюдению работников издательства, А. Омельчук любит книги цвета халявы.

³ А. Омельчук. Частное открытие Сибири: Каждый сам открывает свою родину. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 15.